ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

"Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations"
Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

5
2026

VESTNIK RGGU. Seriya “Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series

Academic Journal
There are 6 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:
5.5.4. International relations (Political science)
5.6.2. World history (Historical science)
5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

Objectives and scope

“Eurasian studies. History. Political science. International relations” is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet States, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047
Tel: +7(495)-250-62-11
E-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:
5.5.4. Международные отношения (политические науки)
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область

«Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.
Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.
На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.
Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
Тел.: +7(495)-250-62-11
Электронный адрес: rggu@rggu.ru

ISSN 2686-7648

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief
Pivovar E.I., member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Deputy chief editor
Mukhin M.Yu., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board
Akimov Yu.G., Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation
Ayagan B.G., Dr. of Sci. (History), Institute of State History of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
Bezborodov A.B., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Borisov N.A., Dr. of Sci. (Political Science), professor. Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Fenenko A.V., Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Filin N.A., Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Guschin A.V., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Jafarov J.M., Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Republic of Azerbaijan
Kharitonova N.I., Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Kheifets V.L., Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation
Kosovan E.A., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Kurylev K.P., Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation
Levchenkov A.S., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Medushevsky N.A., Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
Meshcheryakov K.E., Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

Pak B.B., Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

Pavlenko O.V., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Ravandi-Fadai S.M., Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Studies (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

Sabirov A.T., Cand. of Sci. (History), associate professor, Nizami Tashkent State Pedagogical University, Tashkent, Uzbekistan

Solopova O.V., Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Titkov A.E., Cand. of Sci. (History), Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation

Vlasov A.V., Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Zakirova M.Kh., Cand. of Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (IHST RAS), Moscow, Russian Federation

Editor responsible for the current issue:

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

ISSN 2686-7648

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Пивовар Е.И., академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Заместитель главного редактора

Мухин М.Ю., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акимов Ю.Г., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аяган Б.Г., доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

Безбородов А.Б., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Власов А.В., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

Гущин А.В., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Джафаров Д.М., доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика

Закирова М.Х., кандидат исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (РАН), г. Москва, Российская Федерация

Косован Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Курылев К.П., доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Российская Федерация

Левченков А.С., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Медушевский Н.А., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Мещеряков К.Е., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Павленко О.В., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Пак Б.Б., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Российская Федерация

Раванди-Фадаи С.М., кандидат исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Российская Федерация

Сабиров А.Т., доктор исторических наук, Национальный педагогический университет Узбекистана имени Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Солопова О.В., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

Титков А.Э., кандидат исторических наук, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Российская Федерация

Фененко А.В., доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация

Филин Н.А., доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Харитонова Н.И., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Хейфец В.Л., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

ISSN 2686-7648

CONTENTS

Interethnic relations in the Russian Empire

L.V. Batiev
Ethno-social realities and "administrative resources": elections to the Nakhichevan-on-Don city duma in 1913. *Part 2* 10

Russia and Central Asia

M.Kh. Zakirova
Diplomatic visits of Bukhara emirs to the Russian Empire in the late 19th and early 20th century: cultural and political aspects (based on materials from the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, and the State Archive of the Russian Federation). *Part 3* 31

Geopolitics and regional security

N.I. Kharitonova, M.S. Babchenko
The influence of the economic factor on Pridnestrovie's foreign policy activities in the context of Russia's special military operation in Ukraine 43

International economic cooperation

A.D. Prudnikov
Development of trade and economic cooperation between Ukraine and the People's Republic of China in 2014–2022 59

Interdisciplinary studies

G.V. Ponomarev, A.B. Zakharov
Russia's relations with Azerbaijan and Georgia in the context of changing political conditions: an applied analysis (based on Russian dissertation materials) 78

I.D. Nasyrkhodzaev
Economic cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation: current trends and development prospects 104

Social history of the post-Soviet space

M.V. Sharueva
Healthcare systems of foreign member countries of the Commonwealth of Independent States: Historical and legal aspects 125

СОДЕРЖАНИЕ

Межэтнические отношения в Российской империи

Л.В. Батиев
Этносоциальные реалии и «административный ресурс»: выборы в Нахичеванскую-на-Дону городскую думу в 1913 г. *Часть 2* 10

Россия и Средняя Азия

М.Х. Закирова
Дипломатические визиты бухарских эмиров в Российскую империю в конце XIX – начале XX в.: культурно-политический аспект (по материалам Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации). *Часть 3* 31

Геополитика и региональная безопасность

Н.И. Харитонова, М.С. Бабченко
Влияние экономического фактора на внешнеполитическую деятельность Приднестровья в контексте специальной военной операции России на Украине ... 43

Международное экономическое сотрудничество

А.Д. Прудников
Развитие торгово-экономического сотрудничества Украины и КНР в 2014–2022 гг. 59

Междисциплинарные исследования

Г.В. Пономарев, А.Б. Захаров
Отношения России с Азербайджаном и Грузией в контексте изменений политической конъюнктуры: опыт прикладного анализа (на примере российских диссертационных материалов) 78

И.Д. Насырходжаев
Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации: современные тренды и перспективы развития 104

Социальная история постсоветского пространства

М.В. Шаруева
Системы здравоохранения зарубежных стран – участников Содружества Независимых Государств. Историко-правовые аспекты 125

ISSN 2686-7648

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-10-30

Этносоциальные реалии и «административный ресурс»: выборы в Нахичеванскую-на-Дону городскую думу в 1913 г.

Часть 2

Левон В. Батиев

Южный научный центр Российской академии наук
Ростов-на-Дону, Россия, batiev@ssc-ras.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов и материалов местных газет рассматривается борьба, развернувшаяся вокруг выборов в городскую думу Нахичевани-на-Дону на 1913–1917 гг. Моноэтничный при своем возникновении в 1779 г. центр армянской колонии – Нахичевань-на-Дону – в начале XX в. превратился в заштатный южнороссийский город, в котором старожильческое армянское население оказалось уже в меньшинстве. При этом армянское купечество сумело сохранить за собой господство в городской думе и управе. Усилиями ростовских черносотенных организаций проблеме местных выборов было придано конфронтационное межнациональное звучание. На выборах 1913 г. вожаки ростово-нахичеванских правых продолжили начатый в 1909 г. поход во власть, играя на недовольстве «окраинцев» и пустив в ход антиармянскую агитацию. Несмотря на поддержку градоначальника, ростово-нахичеванские черносотенцы не смогли добиться изменения условий проведения выборов и переоценки домовладений для увеличения своей электоральной базы. Но по требованию ростовского градоначальника и вопреки нормам Городового положения 1892 г., Нахичеванская городская управа внесла в избирательный список 213 русских избирателей. Тем не менее лихорадочная агитация и даже провокации черносотенцев, подкрепленные беспрецедентным административным нажимом, оказались тщетными – выборы закончились полным поражением кандидатов черносотенного союза и победой русско-армянского «Прогрессивного блока».

Ключевые слова: этнический состав, городская дума, выборы, градоначальник, черносотенцы, избирательный ценз, список избирателей

© Батиев Л.В., 2026

Для цитирования: Батиев Л.В. Этносоциальные реалии и «административный ресурс»: выборы в Нахичеванскую-на-Дону городскую думу в 1913 г. Часть 2 // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 10–30. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-10-30

Ethno-social realities and "administrative resources": elections to the Nakhichevan-on-Don city duma in 1913
Part 2

Levon V. Batiev

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia, batiev@ssc-ras.ru

Abstract. Based on archival documents and local newspaper articles, this article examines the political struggle surrounding the elections to the City Council of Nakhichevan-on-Don in 1913–1917. Originally a mono-ethnic center of the Armenian colony when it was founded in 1779, Nakhichevan-on-Don had by the early 20th century become a provincial town in southern Russia, where the long-established Armenian population was now in the minority. Nevertheless, the Armenian merchant class managed to retain its dominance in the city council and municipal administration. Through the efforts of Rostov's Black Hundred organizations, the issue of local elections took on a confrontational interethnic tone. In the 1913 elections, the leaders of the Rostov-Nakhichevan right-wing continued the campaign for power begun in 1909, capitalizing on the discontent of "peripheral residents" and launching anti-Armenian agitation. Despite the mayor's support, the Rostov-Nakhichevan Black Hundreds failed to secure changes to the election procedures or a reassessment of property holdings to expand their electoral base. However, at the request of the Rostov mayor and in violation of the 1892 City Regulations, the Nakhichevan City Council added 213 Russian voters to the electoral roll. Nevertheless, the Black Hundreds' frantic campaigning and even provocations, backed by unprecedented administrative pressure, proved futile – the elections ended in a complete defeat for the Black Hundreds' candidates and a victory for the Russian-Armenian "Progressive Bloc".

Keywords: ethnic composition, city council, elections, mayor, Black Hundreds, electoral qualifications, voter list

For citation: Batiev, L.V. (2026), "Ethno-social realities and 'administrative resources': elections to the Nakhichevan-on-Don city duma in 1913. Part 2", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 10–30, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-10-30

ISSN 2686-7648

Черносотенная агитация

Сдвиг срока выборов дал также фору во времени для ожесточенной критики Нахичеванской думы и управы. Собственно, нападки на городское управление и стенания по поводу «армянского гнета» были и раньше. Так, к примеру, в 1912 г. в черносотенном «Ростовском листке» картинно сокрушались о судьбе русских нахичеванцев:

> Многие десятки лет безвинно страдаете вы от той жестокой кучки вырождающихся инородцев, которая засела в городском управлении Нахичевани, кормит там жирными окладами своих родственников и свойственников, строит на ваши деньги гимназии не для ваших, а для своих детей и не дает ни полкопейки на самое малое благоустройство окраин, населенных русскими жителями[1].

С началом выборной кампании активность черносотенцев резко выросла. Собрания Комитета русских избирателей, как и собрания сагитированных им русских домовладельцев, созывались с завидной регулярностью, число их участников доходило до более чем 400 чел.[2] Черносотенные агитаторы, играя на недовольстве так называемых «окраинцев» и пуская в ход погромную агитацию, приправленную клеветой, старались перетащить в свой лагерь всех русских домовладельцев[3]. Лейтмотивом агитации было обвинение в «армянском засилье», «вакханалии», «иге». «Вносимые вами налоги, – вещал русским домовладельцам один из лидеров антиармянской оппозиции, – тратятся во вред вам и на пользу не в меру зарвавшимся насильникам. Им легко творить беззаконие и неправду»[4]. Вся беда, по мнению черносотенцев, была в том, что

---

[1] Ростовский листок. 1912. 19 октября. № 156.

[2] Утро Юга. 1913. 2 марта. № 52; 3 марта. № 53; 10 марта. № 60; 11 марта. № 61; 17 марта. № 67; 18 марта. № 68; 22 марта. № 72; 25 марта. № 75; 31 марта. № 80; 1 апреля. № 81; 5 июня. № 139; 13 августа. № 202; 15 августа. № 204; 4 сентября. № 220; Приазовский край. 1913. 4 марта. № 58; 10 марта. № 64; 11 марта. № 65; 14 марта. № 68; 18 марта. № 72; 22 марта № 76; 25 марта. № 79; 31 марта. № 84; 1 апреля. № 85; 9 апреля. № 92; 27 мая. № 137; 5 июня. № 144; 11 августа. № 209; 12 августа. № 210; 13 августа. № 211; 15 августа. № 213; 19 августа. № 216; 16 сентября. № 242; 17 сентября. № 243; Южный телеграф. 1913. 6 марта. № 3590; 2 сентября. № 3760; 10 сентября. № 3767; 16 сентября. № 3772.

[3] Утро Юга. 1913. 25 августа. № 212.

[4] Приазовский край. 1913. 12 апреля. № 95.

«в городском самоуправлении вся власть принадлежит армянам»[5], которые категорически не хотят допускать русских к управлению[6]. Нахичеванскую городскую думу и управу осуждали также за творимые там «темные дела», ужасное ведение хозяйства, приведшее город к упадку. Звучали требования «положить конец армянской вакханалии», призывы бороться «с поработителями», сбросить «иго нахичеванское», в том числе и не забывая при этом об оружии[7]. Не удержались черносотенные вожди и от обвинений армян в сепаратизме[8].

В защиту городского управления первым выступило правление Николаевского благотворительного общества – единственного в городе русского филантропического учреждения. Критикам управы напомнили, что своим созданием общество обязано инициативе и энергии городского головы М.И. Балабанова, устав общества был выработан секретарем управы С.Х. Арутюновым и гласным думы Г.Х. Чалхушьяном, а в материальном обеспечении огромную роль играют армянские благотворители[9].

Ростово-нахичеванским «союзникам» противостояла «прогрессивная» группа из армян – коренных жителей Нахичевани и местной русской интеллигенции[10]. Ее лидеры, по оценке либерального «Южного телеграфа», «отвергая по существу всякую националистическую борьбу, стараются провести выборы так, чтобы в будущую думу вошли настоящие радетели интересов населения города Нахичевани, независимо от национальной принадлежности их»[11].

Наиболее убедительно безосновательность черносотенных инсинуаций показал в ряде статей и выступлений присяжный поверенный, гласный нахичеванской думы Г.Х. Чалхушьян. Он указывал, что диспропорция в числе избирателей (русских 356, армян 485) была обусловлена тем, что коренное население города составляли армяне, а потому они и являлись более обеспеченным классом. Это видно в том числе из того, что армяне вносили оценочного сбора 17 383 руб., русские – 12 013 руб. Что касается расходов: из 138,6 тыс. руб., выделяемых городом на дело просвещения, на русских приходилось 87 641 руб., на армян – 49 370 руб.,

---

5 Утро Юга. 1913. 18 февраля. № 42.

6 Южный телеграф. 1913. 18 февраля. № 3576.

7 Приазовский край. 1913. 18 февраля. № 46; 4 марта. № 58; 25 марта. № 79; 12 апреля. № 95; 19 августа. № 216; Южный телеграф. 1913. 2 сентября. № 3760; Утро Юга. 1913. 9 апреля. № 88.

8 Южный телеграф. 1913. 2 сентября. № 3760.

9 Приазовский край. 1913. 19 марта. № 73.

10 Южный телеграф. 1913. 10 сентября. № 3767.

11 Ее лидеры, по оценке газеты «Утро Юга». 1913. 25 августа. № 212.

ISSN 2686-7648

русских учащихся в Нахичевани было 2437 чел., а армян 1225. Армянская богадельня содержалась исключительно на средства армян без всякого пособия от города, русская – исключительно на городские средства (около 2,5 тыс. руб. в год). Кроме этого, Николаевское благотворительное общество, предназначенное для нужд русских, получало субсидию в 1000 руб., и на содержание Новочеркасского сиропитательного дома Нахичевань выделяла 300 руб. Стационарных больных в 1912 г. в Нахичевани было 2075 чел., из них русских – 1648, армян – 326, прочих – 101 чел. Приблизительно таким же было соотношение числа амбулаторных больных. Городское самоуправление в восьмидесятых годах XIX в. подарило русскому обществу участок в центре города для Александро-Невского православного собора и ассигновало 2100 руб. на устройство ограды вокруг этой церкви, а в 1913 г. на достройку православной Софийской церкви оно выделило 3000 руб. На нахичеванской городской службе состояли 291 чел., из которых русских было 191, а армян – 100. Из подрядчиков и поставщиков армян всего семеро, а русских 20. Русские служащие, такие, например, как инженер Д.А. Самсонов, инженер А.Н. Мямлин, секретарь Л.И. Соляников, смотритель В.А. Султанов и др., в городской управе занимали достаточно значимые должности, тогда как армян там не было вовсе. Из подрядчиков и поставщиков, с которыми работала Нахичеванская управа, армян насчитывалось всего семеро, а русских – 20[12].

Списки кандидатов

Непосредственно накануне выборов избирательные собрания – «партийные» и общие (с участием как прогрессистов, так и «союзников») – стали созываться чаще. Помимо агитации, эти собрания должны были сформировать списки кандидатов для выборов в думу. Городовое положение 1892 г. не предполагало «партийной» организации выборов и каких-либо списков кандидатов, которые составлялись бы заблаговременно группами избирателей. В первый день выборов избиратели лично подавали списки с именами лиц, выдвигаемых ими для избрания в гласные; на основании этого составлялся общий список для баллотировки. В отсутствие партий сплачивающую и организующую роль играли торгово-промышленные, финансовые, семейные и клановые связи. Самовыдвижения

[12] Приазовский край. 1913. 12 апреля. № 95; 14 мая. № 125; 21 июля. № 189.

были достаточно редки. Но в условиях активной борьбы «истинно русских» и «прогрессистов» за нахичеванского избирателя «неорганизованное» участие избирателей в выборах стало уже невозможным. Списки кандидатов от соперничающих групп на выборах в городскую думу превратились в важный инструмент согласования кандидатур и мобилизации сторонников. Отражая пристрастия составителей, эти списки служили также своего рода политическим манифестом «прогрессистов» и «истинно русских», который должен был привлечь избирателей на ту или иную сторону. Не имея формального статуса, такие списки приобретали реальное значение: избирателям, чтобы не распылять голоса, настойчиво предлагалось в день выборов выдвигать кандидатов для избрания в гласные городской думы именно по предложенным спискам, чтобы на следующем этапе проголосовать за своих кандидатов.

«Истинно-русские», избравшие своим лозунгом борьбу с «армянским засильем», не включили в свой список ни одного армянина. Как едко заметила газета «Южный телеграф»,

> ...сделавшиеся случайно избирателями Нахичевана представители ростовской ротонды и последователи ростовских «националистов» хотят с места в карьер занять куртажные места в нахичеванском городском управлении и не допустить в нахичеванскую думу ни одного коренного жителя из армян – основателей Нахичевана[13].

Группа прогрессистов внесла в свой список из 72 чел. (на 60 мест гласных и 12 кандидатов к ним) 20 русских избирателей[14]. По социальному статусу представителями прогрессистов были 15 юристов, 9 врачей, 2 архитектора, 2 агронома, 2 педагога и 5 инженеров[15]. Более 20 кандидатов происходили из купеческо-промышленной и финансовой группы (некоторые из них скромно записались как домовладельцы). Пока шли предвыборные баталии, неожиданно для нахичеванцев 15 сентября подал в отставку и был уволен от службы городской голова М.И. Балабанов. «Бегство» опытнейшего и многолетнего головы было воспринято как гром среди ясного неба и вызвало бурю негативных эмоций, результатом которых стало исключение его из кандидатского списка прогрессистов[16].

---

[13] Южный телеграф. 1913. 10 сентября. № 3767.

[14] Там же.

[15] Там же. 11 сентября. № 3768.

[16] Там же. 17 сентября. № 3773; 20 сентября. № 3776; Утро Юга. 1913. 17 сентября. № 230; Приазовский край. 1913. 17 сентября. № 243; 18 сентября. № 244; 4 ноября. № 289.

ISSN 2686-7648

16 сентября, первый день выборов

Избирательная кампания 1913 г. всколыхнула все слои нахичеванского населения[17]. Ввиду повышенного внимания к выборам в местной прессе несколько дней подряд публиковалась процедура их проведения[18]. Согласно закону и установившейся практике, на первый день – 16 сентября – была назначена поверка прав прибывших избирателей и снабжение их именными билетами на вход в собрание. Но накануне выборов «русские» избиратели подали заявление городскому голове, в котором просили, чтобы в дни выборов двери в здание управы были заперты и охранялись, чтобы в комиссию по подсчету голосов было выбрано 4 русских и 4 армян и, наконец, чтобы не допускались разговоры на армянском языке[19].

Ростовский градоначальник генерал-майор И.Н. Зворыкин воспользовался этим прошением в полной мере: 13 сентября 1913 г. он под грифом «весьма спешное», во избежание «повторения беспорядков и недоразумений, имевших место во время выборов гласных в Нахичеванскую н/Д городскую думу в 1909 году» *(? – Л. Б.)* предложил нахичеванскому городскому голове:

> На предстоящих с 16 сего сентября выборах установить следующий порядок: 1) Все входы в избирательное собрание, кроме главного открытого для входа избирателей, должны быть заперты во избежание незаконного проникновения в избирательное собрание лиц, опоздавших или не имеющих избирательных прав. Около запертых входов должны быть поставлены городовые. 2) Чтобы все разговоры, начиная от входных дверей собрания и во всех помещениях его велись исключительно на государственном русском языке и никакие разговоры на армянском языке не могут быть допущены, о чем и вывесить крупно напечатанные объявления, как при входе в собрание, так и во всех помещениях такового. 3) Должно быть точно указано в объявлениях о выборах, то помещение, в котором будет происходить избирательное собрание[20].

Кроме этого, градоначальник посчитал необходимым

> ...в интересах дела и спокойного производства выборов, рекомендовать следующее: 1) Для проверки прав избирателей назначить, кроме представителей армянской партии, которой является управа, пять

---

[17] Утро Юга. 1914. 3 января. № 2.

[18] Южный телеграф. 1913. 11 сентября. № 3768; 12 сентября. № 3769; 13 сентября. № 3770; Приазовский край. 1913. 14 сентября. № 241.

[19] Южный телеграф. 1913. 14 сентября. № 3771.

[20] Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 251–252 об.

русских избирателей по указанию комитета русских избирателей. 2) За избирательными урнами должны поочередно стоять ассистенты из избирателей русской и армянской партии. 3) О заблаговременном назначении 4 русских и 4 армянских избирателей для составления протоколов о нарушении порядка в избирательном собрании, для чего должно быть предоставлено 2 отдельных стола с письменными принадлежностями. 4) В комиссии для подсчета избирательных бюллетеней, а также для подсчета шаров в избирательных урнах должно быть назначено одинаковое число членов как русских, так и армян. 5) Все равно должны пользоваться телефоном, находящимся в помещении избирательного собрания для вызова избирателей. 6) Должно быть точно исполняемо объявление о выборах, чтобы после известного часа, указанного в объявлении – 3 часа дня, – никто из избирателей не мог проникнуть в избирательное собрание. 7) Заблаговременно должны быть назначены равное число лиц от русских и армян для беспристрастного ведения журнала избирательного собрания[21].

В итоге помещение нахичеванской управы было превращено в неприступную крепость, охраняемую усиленным нарядом полиции. В зал собрания, где выдавали билеты, допускались только имеющие право участвовать в выборах[22]. В думском зале «наблюдали» лидеры черносотенцев. Исправляющий должность городского головы (он же – председательствующий в избирательном собрании) А.Ф. Хадамов и член управы Л.А. Аладжалов, как отмечали журналисты, имели довольно «подавленный» вид[23]. Все поданные кандидатские списки опускались в специальный запертый ящик, который по предложению Г.А. Змиева был перевязан веревками и опечатан. «По словам деятелей ростовской ротонды такая мера необходима во избежание подмены бюллетеней»[24].

В настроениях и взглядах самих избирателей в первый день выборов наблюдался разнобой. Но атмосфера, по наблюдениям, журналистов была вполне мирной[25]. Семеро избирателей-армян обратились к председателю общего собрания избирателей с заявлением, в котором просили указать в протоколе собрания, что 213 чел.

[21] Там же. Л. 252–252 об.; Как выбирали раньше: о выборах в Ростовскую и Нахичеванскую городские думы. Ростов-на-Дону: Ростовское книгоиздательство, 1947. С. 18–19.

[22] Приазовский край. 1913. 17 сентября. № 243; Утро Юга. 1913. 17 сентября. № 230.

[23] Южный телеграф. 1913. 17 сентября. № 3773.

[24] Приазовский край. 1913. 18 сентября. № 244.

[25] Там же. 17 сентября. № 243.

ISSN 2686-7648

внесены в избирательный список и допущены к голосованию без уплаты оценочного сбора. С аналогичным заявлением обратился и бывший городской голова М.И. Балабанов[26].

17 сентября, второй день выборов

Этот день, выделенный для подачи предложений о включении кандидатов в списки для баллотировки, стал довольно напряженным. Для проверки прав выборщиков была избрана, в соответствии с указаниями градоначальника, смешанная комиссия[27]. Около Нахичеванской управы весь день черносотенцы активно агитировали против армян, навязывая всем «истинно русские» списки[28]. Не обошлось и без провокаций: некие «неизвестные» напечатали и раздавали армянам печатное воззвание, в котором призывали их сплотиться против русских и баллотировать за лиц, помещенных в приложенном списке. В списке были помещены фамилии 72 армян – но не тех, которые приняты прогрессивным комитетом[29]. Газета «Утро Юга» написала даже о двух новых списках: «один чисто армянский, а другой, якобы от группы мелких служащих»[30]. В «армянский список» были внесены и все члены городской управы, исключенные из списка прогрессивного. «Относительно авторов этих списков, которых прогрессисты, не без основания, называли провокационными, оставалось лишь догадываться»[31].

«Приазовский край» сообщил также о пущенных в оборот списках группы лиц, не сочувствующих ни русским, ни армянам-прогрессистам. В этот список были включены многие русские и армяне, но исключена целиком городская управа. Избиратели-армяне посчитали его провокационным и сфабрикованным в ростовской «ротонде». По их словам, этот список был составлен «с целью раздробить голоса армянской партии»[32]. Кроме «фальшивых» списков, избирателям на дом рассылались вместе с воззваниями еще списки с перепутанными именами кандидатов-прогрессистов[33].

---

[26] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 255, 287.

[27] Приазовский край. 1913. 18 сентября. № 244.

[28] Утро Юга. 1913. 18 сентября. № 231; Приазовский край. 1913. 18 сентября. № 244.

[29] Южный телеграф. 1913. 18 сентября. № 3774; Утро Юга. 1913. 18 сентября. № 231.

[30] Утро Юга. 1913. 18 сентября. № 231.

[31] Там же.

[32] Приазовский край. 1913. 18 сентября. № 244.

[33] Утро Юга. 1913. 18 сентября. № 231.

Во избежание недоразумений в газете был вновь напечатан список, составленный прогрессивной группой[34].

В 3 часа дня 17 сентября прием записок был завершен, ящик со списками в присутствии особой комиссии был опечатан и поставлен в помещение кассы[35]. Следующей задачей второго дня выборов было формирование председателем из прибывших избирателей особой комиссии для разбора поданных кандидатских списков.

18 сентября, третий день выборов

Третий день выборов предназначался для разбора и подсчета поданных кандидатских списков и для составления общего списка в порядке большинства полученных каждым кандидатом предложений и с обозначением против имени каждого числа заявленных в его пользу предложений. В список для голосования включались также избиратели, самостоятельно заявившие о желании баллотироваться в гласные.

Для каждой процедуры этого дня (изъятие ящиков из «стальной комнаты», их вскрытие, выдача бюллетеней для подсчета предложений и т. д.) формировались смешанные по этническому составу комиссии. Комиссия по подсчету из 36 человек для облегчения работы была разделена на девять отдельных групп – по четыре человека (двое русских, двое армян)[36]. Общее число вынутых бюллетеней достигло 628[37]. Пресса по-разному оценивала «партийную» принадлежность поданных записок[38]. Всего предложены были 237 кандидатов. Из них получивших непроходные 1–3 голоса[39] оказалось 22 чел. (1 голос – 14 чел., 2 – 4 чел., 3 – 4 чел.) и проходных (от 5 голосов и выше) – 215[40].

Во время подсчета записок стало известно о мошеннической проделке черносотенцев. Избирателям–армянам по домам рассылались объявления, в которых от имени А.Ф. Хадамова их изве-

---

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 266. Сортировано по национальности и в алфавитном порядке нами.

[37] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. 1752. Т. 2. Л. 266.

[38] Приазовский край. 1913. 21 сентября. № 247.; Южный телеграф. 1913. 19 сентября. № 3775.

[39] Согласно ст. 43 Городового положения 1892 г., «баллотировке может быть подвергаем всякий, не отказавшийся от оной, если он предложен не менее как пятью избирателями, или сам изъявил желание баллотироваться».

[40] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 266–269 об.

ISSN 2686-7648

щали о якобы переносе баллотировки шарами с 19 на 20 сентября. В присутствии полиции был составлен протокол, отправленный градоначальнику, а в газетах напечатано опровержение[41]. По слухам, собранным журналистами, агитационная работа беспрерывно продолжалась в течение всей ночи (с 18 на 19 сентября) «и комитеты обеих партий исчерпали все способы, чтобы привлечь в думский зал... возможно большее число своих сторонников»[42]

19 сентября, четвертый день

В день баллотировки шарами 19 сентября «истинно русские» начали агитацию в 5 часов утра, но, к их великому удивлению, около управы были уже агитаторы от армян, которые начали свою деятельность в 4 часа[43]. Избиратели начали собираться уже с 8 часов утра. Между отдельными группами начались пререкания, укоры и т. д. Трактиры у здания управы и у Александро-Невской церкви (напротив управы) заполнились толпами народа. Армянские извозчики отказались везти русских избирателей из Ростова, «истинно русские», доложив об этом полиции, организовали подвоз ростовскими извозчиками. Из Ростова избиратели подъезжали и на трамвае, и даже на автомобилях. К 10 часам утра все залы управы, коридоры и подъезды были заняты выборщиками. Явилось примерно по 350 избирателей от русского комитета и от армянского населения. Атмосфера была довольно напряженной[44].

Избирательное собрание открылось с опозданием в связи с выполнением требования группы «ротондистов» опечатать избирательные ящики. Не хватало также баллотировочных шаров. По настоянию лидеров русских избирателей о задержке был составлен протокол[45]. Скандал, едва не переросший в рукопашную, произошел у здания управы, когда в адрес черносотенного агитатора из окна сиротского суда (помещался в здании управы) раздался возмущенный голос: «Надо гнать это хамьё вон!» (По результатам последовавшего полицейского дознания градоначальник И.Н. Зворыкин предложил сиротскому суду немедленно уволить произ-

---

[41] Там же. Л. 257–259.

[42] Приазовский край. 1913. 20 сентября. № 246.

[43] Утро Юга. 1913. 20 сентября. № 233.

[44] Там же. 18 сентября. № 231.

[45] Приазовский край. 1913. 20 сентября. № 246; Утро Юга. 1913. 20 сентября. № 233.

несшего бранные слова в адрес русских избирателей помощника делопроизводителя М. Кистова от службы[46].)

Снялись с баллотировки не менее 10 чел., в том числе все члены управы, за исключением А.Ф. Хадамова, трое претендентов были сняты распоряжением председателя, и трое же избирателей выступили самовыдвиженцами. В итоге выборный лист лицам, баллотированным в гласные, содержал 166 фамилий[47]. Вся процедура баллотировки была предельно формализована, все процедуры проводились под контролем (при участии) в том числе представителей «русских» избирателей, чтобы исключить возможность обжалования в будущем[48].

Согласно списку, составленному избирательной комиссией, для баллотировки шарами из 1055 избирателей явились 713 чел., располагавших одним голосом, и 30 – двумя голосами[49] (в совокупности – 743 избирателя с 773 голосами, то есть 73,3% от общего числа зарегистрированных на тот момент избирателей). Активность избирателей оказалась рекордной для муниципальных выборов. Для сравнения: в нахичеванских городских выборах 1905 г. принимали участие 252 чел. (36,7%) из 687 избирателей, в 1909 г. было 369 чел. (56,2%) из 657 избирателей[50].

К 7 часам вечера были подсчитаны шары. Выяснилось, что положительное большинство шаров получил 61 претендент (16 из них – русские). Армяно-русская прогрессивная группа праздновала абсолютную победу (51 гласный и один кандидат оказались представителями их блока) и благодарила избирателей и прессу («Южный телеграф», «Приазовский край», «Утро Юга» и «Луйс») за поддержку[51]. «Ротондисты», пристыженные, разбитые по всем направлениям, начали один за другим исчезать из избирательного зала[52]. В первый день закрытой баллотировки шарами был избран 61 чел., из них 16 русских. В составе избранных оказалось 28 новых лиц.

---

[46] Утро Юга. 1913. 20 сентября. № 233; Южный телеграф. 1913. 20 сентября. № 3776; 1 октября. № 3787; Приазовский край. 1913. 25 сентября. № 251; 1 октября. № 257; Весь Ростов и Нахичевань. 1913. Стлб. 207–209.

[47] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 292–295.

[48] Там же. Л. 287 об – 288, 330 об.; Приазовский край. 1913. 21 сентября. № 247; Утро Юга. 1913. 19 сентября. № 232.

[49] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 270–285об.; Южный телеграф. 1913. 20 сентября. № 3776; Приазовский край. 1913. 21 сентября. № 247.

[50] Утро Юга. 1914. 28 января. № 23.

[51] Южный телеграф. 1913. 21 сентября. № 3777; Приазовский край. 1913. 20 сентября. № 246; 21 сентября. № 247; Утро Юга. 1913. 19 сентября. № 232.

[52] Утро Юга. 1913. 19 сентября. № 232.

ISSN 2686-7648

20 сентября, пятый день выборов

Баллотировка второй серии кандидатов состоялась 20 сентября. Среди кандидатов, как сообщал «Южный телеграф», было много лиц по провокационному «армянскому» списку[53]. Отказались от баллотировки 46 кандидатов – все армяне, и один самовыдвиженец – В.Н. Орлов (русский). Поставлены были на баллотировку два самовыдвиженца – Е.Д. Кирсанов и Е.С. Кистов[54]. В результате 20 сентября баллотировались всего 7 чел. На выборы явились 560 избирателей, располагавших одним голосом[55], еще 28 избирателей пришли с доверенностями и имели два голоса (итого – 616 голосов). Процедура выборов проходила в том же порядке, что и 19 сентября[56].

Апатия избирателей на второй день баллотировки была делом обычным – исход выборов решался уже в первый день, поскольку списки кандидатов составлялись по большинству голосов, поданных за них в бюллетенях (записках). Соответственно фавориты баллотировались в первый день и, как правило, выигрывали большинство, если не все, места в думе, что, собственно, и произошло 19 сентября. (Для примера приведем сведения по выборам в Нахичевани в 1909 г. В них приняли участие 369 избирателей, или 56% от общего числа. Но голосование проводилось тремя сериями, и 369 – это максимальное число избирателей, проголосовавших по первой серии претендентов, куда входили фавориты – претенденты с наибольшим числом предложений. За вторую серию голосовало уже менее 300 человек, а за третью – 117. Аналогично дело обстояло и в Ростове-на-Дону. Там на выборах в 1905 г. на первое избирательное собрание явились 584 избирателя, на второе (в первом собрании не было избрано достаточное число гласных) – уже 478 человек, а на третье – только 150 избирателей[57].

«Ротондисты» открыто заявили, что дальнейшая баллотировка излишняя, так как выборы, по имеющимся у них сведениям, все равно будут отменены. Они были крайне озлоблены неудачей и упрекали «окраинцев» за «измену» ротонде в критический момент[58].

---

[53] Южный телеграф. 1913. 20 сентября. № 3776.

[54] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 301.

[55] Там же. Л. 307–322.

[56] Там же. Л. 302–305, 307–323 об.; Приазовский край. 1913. 21 сентября. № 247.

[57] ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 104. Л. 1–9; Утро Юга. 1913. 6 февраля. № 30.

[58] Южный телеграф. 1913. 21 сентября. № 3777; Приазовский край. 1913. 21 сентября. № 247; 22 сентября. № 248.

После 6 часов вечера стало ясно, что все претенденты забаллотированы[59]. Вакантными остались 11 мест кандидатов к гласным городской думы. Поэтому 29 октября (после утверждения итогов выборов гласных) начались, согласно предложению градоначальника и решению исправляющего должность городского головы А.Ф. Хадамова, дополнительные выборы[60]. Интерес к предстоящим выборам значительно уменьшился, и активность избирателей оказалась крайне низкой[61]. 26 октября, «дабы не разбились голоса», группа прогрессивных избирателей предложила в качестве кандидатов к гласным свой список[62]. Подача бюллетеней с именами кандидатов (30 октября 1913 г.) производилась туго, всего их было подано 85[63]. Из 71 предложенной кандидатуры только 31 получила проходные 5 и более голосов[64]. 4 человека снялись с выборов, а двое выступили самовыдвиженцами[65].

Баллотировка шарами состоялась 31 октября. В думском зале и в разных помещениях управы, а также при входах вновь вывесили объявление городского головы о том, чтобы избиратели вели разговор только на государственном языке[66]. Вообще вся процедура выборов в целом воспроизводила выборы 16–20 сентября[67]. 1 ноября 1913 г. А.Ф. Хадамов представил ростовскому градоначальнику протоколы выборного производства[68]: в числе 8 победителей оказались 6 представителей списка прогрессистов, а также сам А.Ф. Хадамов и А.Н. Гайрабетов. Некоторые из лидеров «истинно русских» (Г.А. Змиев, А.З. Кашаев), балло-

---

[59] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 306; Южный телеграф. 1913. 22 сентября. № 3778; Приазовский край. 1913. 22 сентября. № 248.

[60] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 329, 332; Южный телеграф. 1913. 17 октября. № 3802; 18 октября. № 3803; Приазовский край. 1913. 18 октября. № 273.

[61] Приазовский край. 1913. 24 октября. № 278; 27 октября. № 281; 29 октября. № 283; 30 октября. № 284.

[62] Там же. 30 октября. № 284; Южный телеграф. 1913. 29 октября. № 3813; 1913. 30 октября. № 3814.

[63] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1756. Л. 7; Южный телеграф. 1913. 31 октября. № 3815.

[64] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1756. Л. 3–4об, 5–5 об.

[65] Там же. Л. 9–11, 13; Южный телеграф. 1913. 1 ноября. № 3816.

[66] Южный телеграф. 1913. 30 октября. № 3814.

[67] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1756. Л. 7; Южный телеграф. 1913. 24 октября. № 3808; Приазовский край. 1913. 24 октября. № 278; 20 октября. № 275; Южный телеграф. 1913. 20 октября. № 3805; Приазовский край. 1913. 31 октября. № 285; Южный телеграф. 1913. 31 октября. № 3815.

[68] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1756. Л. 15.

ISSN 2686-7648

тировавшиеся в думу в качестве уже кандидатов, вновь с треском провалились.

Итоговый состав Нахичеванской городской думы включал 60 гласных и 9 кандидатов к ним. Первым кандидатом в порядке большинства голосов считался ректор духовной семинарии Е.А. Шах-Азиз[69]. Но поскольку С.К. Чернышевский почти сразу отказался от звания гласного в связи с переходом на службу помощником томского тюремного инспектора, Е.А. Шах-Азиз переместился в список гласных[70].

Обжалование выборов

Уже 18 сентября 1915 г. градоначальник Ростова-на-Дону озаботился возможным нарушением избирательного права[71]. Но это была только прелюдия. 24 сентября 1913 г. градоначальник препроводил в городскую управу в копиях три протокола пристава 7 участка г. Нахичевани-на-Дону о нарушениях и предложил немедленно представить подробное объяснение по существу упомянутых протоколов[72]. Удовлетворительные объяснения были даны А.Ф. Хадамовым[73].

Еще не успели высохнуть чернила на протоколах выборного производства, а группа «русских» избирателей уже направила коллективную жалобу (подготовленную ростовским юристом) на нарушения при выборах гласных думы и призвала отменить выборы во всей их совокупности[74]. По содержанию этой жалобы градоначальник затребовал от исправляющего должность нахичеванского городского головы подробное объяснение. Кроме этого, 2 октября он запросил немедленно для обозрения все сопутствующие документы. 6 октября управа препроводила градоначальнику затребованные документы. Объяснения А.Ф. Хадамова были представлены 5 октября[75].

---

[69] Приазовский край. 1913. 2 ноября. № 287; ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1756. Л. 3–4 об.

[70] Южный телеграф. 1913. 28 ноября. № 3842.

[71] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 321а–321а об.

[72] Там же. Л. 327–328; Приазовский край. 1913. 26 сентября. № 252.

[73] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 330–330 об.; Южный телеграф. 1913. 28 сентября. № 3784; Приазовский край. 1913. 28 сентября. № 254.

[74] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 334–336 об.; Южный телеграф. 1913. 3 октября. № 3788.

[75] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752. Т. 2. Л. 341; Приазовский край. 1913. 6 октября. № 261; 10 октября. № 265; Южный телеграф. 1913. 6 октября. № 3791.

7 октября «ротондисты» подали дополнения к своей жалобе на нарушения, якобы допущенные во время выборов гласных. Градоначальник назначил расследование, а саму жалобу передал в Особое по городским делам присутствие[76]. После долгих дебатов 16 октября Особое присутствие признало выборы правильными и утвердило их результаты, так как указанные в жалобе нарушения закона не оказали решительного влияния на исход выборов[77].

Но домогательства националистов одними жалобами не ограничились. «Южный телеграф» сообщал весной 1914 г., что между местными (ростовскими) националистами и петербургскими сферами ведется оживленная переписка относительно состава Нахичеванской думы: проектировалось установление польской модели, когда половина думского состава будет русских и половина – армян[78]. Сведений о результатах этого обсуждения у нас не имеется. Но зато известно незаконное решение МВД в 1915 г. о возвращении в Нахичевани 300-рублевого ценза[79], которое явно стало результатом усилий черносотенного лобби в Петербурге. Попытки обжаловать незаконное решение[80] были безрезультатны[81]. А в начале 1916 г. даже Сенат разъяснил, что городская управа обязана привести в исполнение распоряжение градоначальника о внесении в список избирателей лиц, соответствующих трехсотрублевому цензу[82]. Общее число избирателей при таком цензе по спискам 1916 г. составило 5 тыс. чел.[83] (рост по сравнению с 1913 г. пятикратный), что в корне меняло этносоциальный состав нахичеванского электората и должно было обеспечить численное преимущество русских избирателей.

---

[76] Приазовский край. 1913. 12 октября. № 267.

[77] Там же. 15 октября. № 270; 17 октября. № 272; 18 октября. № 273; Южный телеграф. 1913. 18 октября. № 3803.

[78] Южный телеграф. 1914. 4 апреля. № 3960.

[79] Там же. 1915. 20 октября. № 4486; 22 октября. № 4488.

[80] Незаконность решения отметил и признанный специалист по конституционному праву профессор Н.И. Лазаревский, к которому обратилась Нахичеванская управа. См.: Южный телеграф. 1916. 9 февраля. № 4590; 10 февраля. № 4591.

[81] Южный телеграф. 1915. 3 ноября. № 4499; 1916. 23 марта. № 4632; 25 марта. № 4634; 1916. 10 января. № 4561; 5 апреля № 4643; 17 апреля. № 4652.

[82] Южный телеграф. 1916. 9 февраля. № 4590.

[83] Там же. 5 июня. № 4698.

ISSN 2686-7648

Состав думы

Но до новых выборов было еще далеко, а пока 25 октября 1913 г. протоиерей И. Домовский и священник армяно-григорианской церкви С. Воскерчьян приняли присягу 53 гласных новой городской думы, после чего открылось ее первое заседание. На 60 мест в городскую думу были избраны 44 армянина (за весьма редким исключением все они были уроженцами Нахичевани). Один из гласных – немец-лютеранин (А.Э. Шульц), один – караим лютеранского вероисповедания (И.М. Танатаров), один – крещеный еврей (А.З. Городисский) и 13 русских (5 из них отметили свое казачье происхождение), трое из которых проживали в Нахичевани лишь последние три года[84].

Но наиболее значимым для Нахичевани был не этнический состав думы, а политическая ориентация ее гласных. Как написал журналист «Приазовского края» А.В. Лысогоренко (псевдоним А. Хмурый), нахичеванцы, когда увидели, что «на них идет походом жадный до общественного пирога змиевско-кострячинский отряд... – сгрудившись, дали отпор, который... будет хорошим уроком на будущее»[85]. Самым знаменательным результатом выборов стал тот факт, что была «избрана в полном составе на новое четырехлетие прогрессивная городская дума»[86]. Нахичеванские избиратели выступили

> ...против интриг, подвохов и даже открытых злоупотреблений скопища... союзников. И одержали на редкость блестящую победу, оставив за ростовскими ротондистами лишь право злобно шипеть целых четыре года, в ожидании новых муниципальных выборов[87].

Возрастная структура состава думы, по имеющимся данным, выглядела следующим образом: от 33 до 36 лет – 8 гласных, от 40 до 49 лет – 17 гласных, от 50 до 59 лет – 27 гласных, от 60 лет – 4 гласных. Образовательный уровень нахичеванских думцев был достаточно высоким. Только 11 (18,3%) человек получили домашнее образование. 30 гласных имели высшее образование – юридическое, медицинское, инженерное, техническое, сельскохозяйственное, коммерческое, художественное, военное. У остальных гласных в активе были духовная семинария, уездное, 4-х классное городское, реальное, сельское училища[88].

---

[84] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1765. Л. 7–120.

[85] Приазовский край. 1913. 1 октября. № 257.

[86] Там же. 1914. 1 января. № 1.

[87] Там же.

[88] Южный телеграф. 1913. 20 сентября. № 3776; Приазовский край. 1913. 22 сентября. № 248; 1914. 1 января. № 1.

По профессиональной принадлежности среди гласных выделяются 12 юристов (присяжные поверенные, нотариусы), 7 инженеров, 1 архитектор, 3 педагога, в том числе и ректор Нахичевано-Бессарабской армянской духовной семинарии, 9 врачей, 5 счетоводов, 3 служащих в кредитных учреждениях и управляющих торговыми конторами, 2 фабриканта, 12 купцов, 3 крупных землевладельца, 2 военных, 1 ученый агроном, кандидат сельского хозяйства, 1 редактор-издатель газеты, 1 чиновник[89].

Двое членов действующей управы (К.М. Царуков и Л.А. Аладжалов) не баллотировались в гласные на 1913–1917 гг., а исправляющий должность городского головы А.Ф. Хадамов получил отрицательную сумму голосов (360 белых и 413 черных шаров). Не баллотировались также бывшие городские головы М.И. Балабанов (исключен из списка «прогрессистов») и П.Е. Хатранов (избиравшийся гласным с 1880 г.). Новых гласных в составе думы оказалось 27 чел. – произошло обновление думы почти наполовину. Правда, четверо «новичков» уже избирались гласными более ранних созывов, а остальные имели опыт работы в разных городских комиссиях[90]. (Для сравнения: из общего числа 36 гласных, избранных на 1905–1909 гг., не состояло в этом звании в предшествующем четырехлетии 36,1 %; из избранных на 1909–1913 гг. – 47,2 %[91].)

Вообще для Нахичеванской городской думы, начиная с 1872 г., характерен высокий процент «постоянных» гласных. Из 60 думцев 1913–1917 гг.

> ...24 гласных служили одно четырехлетие (считая текущее), 16 – два четырехлетия, 3 – три четырехлетия, 3 – четыре четырехлетия, 6 – пять четырехлетий, 2 – шесть четырехлетий, 4 – семь четырехлетий, 1 – восемь четырехлетий, 1 – десять четырехлетий[92].

Как можно видеть, 20 нахичеванцев служили городу в качестве гласных от 12 до 40 лет.

Из 60 гласных 12 были дворянами (9 – потомственных и 3 личных[93]). Дворянское звание имели в том числе и 4 из 5 гласных-казаков. Впрочем, дворянство в Нахичевани практически все было выслуженным. 6 гласных были потомственными почетными

---

[89] Южный телеграф. 1913. 20 сентября. № 3776; Приазовский край. 1913. 22 сентября. № 248.

[90] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1766. Л. 4; Приазовский край. 1913. 22 сентября. № 248; 2 ноября. № 287; Южный телеграф. 1913. 20 сентября. № 3776.

[91] ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1766. Л. 3 об.

[92] Там же. Л. 4.

[93] Там же. Д. 1765. Л. 7–120.

ISSN 2686-7648

гражданами и 1 – личным почетным гражданином. Нужно иметь в виду, что формальный сословный статус и фактическое положение не всегда совпадали. Так, И.П. Баев числился поселянином, а по факту был землевладельцем, крупным купцом и фабрикантом. 13 гласных были из мещанского сословия: А.Э. Шульц – из мещан, записан как управляющий конторы «Карл Стукен», был также купцом (обувной магазин на Базарной площади Нахичевани). В.И. Чумаченко и А.Ф. Попов, записанные мещанами, были в то же время купцами, а Ф.К. Чугаев, причисленный к мещанскому сословию, происходил из купеческого рода.

Фактическое преобладание в городской думе осталось за так называемой «старо-купеческой группой». Это наглядно выразилось при выборах гласными городского головы. Прогрессивная группа гласных, состоящая преимущественно из университетской интеллигенции, выдвинула на должность головы председателя Церковного попечительства о бедных армянах, титулярного советника врача А.И. Салтыкова (потомственного почетного гражданина, из купеческого рода). «Старо-купеческой группой» продвигалась кандидатура бывшего городского головы, крупного коммерсанта К.М. Попова.

Для того чтобы сделать должность городского головы привлекательной материально для кандидата с высшим образованием, следовало увеличить годовое жалованье голове с 6 до 8 или даже до 10 тыс. руб.[94] Но 16 ноября перед выборами головы большинством голосов дума отказала в повышении оклада. Конкуренты К.М. Попова, за исключением И.М. Келле-Шагинова, отказались даже от «пробной» баллотировки. Городским головой ожидаемо стал К.М. Попов, получивший 47 избирательных и 7 неизбирательных шаров[95].

Заключение

Несмотря на численное преобладание русского населения в Нахичевани-на-Дону, городская старожильческая (армянская) торгово-промышленная элита сумела сохранить за собой господство в городской думе и управе и в начале XX в. благодаря

1) установлению имущественного избирательного ценза, повлекшего сокращение электората с 1443 до 510 избирателей;
2) сокращению нормы численного состава городских дум в 1892 г.;
3) созданию ростовского градоначальства в 1904 г., приведшему к трехкратному увеличению ценза.

---

[94] Южный телеграф. 1913. 27 октября. № 3811; 1 ноября. № 3816.

[95] Приазовский край. 1913. 18 ноября. № 302; Утро Юга. 1913. 19 ноября. № 282; Южный телеграф. 1913. 16 ноября. № 3831; 18 ноября. № 3833.

Оценка недвижимости для начисления городского сбора, исходя из доходности недвижимого имущества, была общероссийской практикой, а результатом ее было отлучение большинства домовладельцев от муниципальных выборов. В 1913 г. в Нахичевани-на-Дону насчитывалось 4,4 тыс. недвижимых имений и всего лишь 841 избиратель (при общей численности населения до 58 тыс. чел.). Из них 485 избирателей были армянами и 356 – русскими. В городской думе практически не было представительства русских. В походе за власть в городе вожаки ростово-нахичеванских правых в 1913 г., разжигая недовольство «окраинцев» и антиармянскую агитацию, продолжили политику межнациональной конфронтации, начатую на выборах 1909 г.

Ставка была сделана на

1) изменение порядка голосования – записками, вместо традиционной баллотировки шарами;
2) разбивку городского электората по избирательным собраниям;
3) численное преимущество русских избирателей, которых черносотенцы считали своей естественной опорой.

Добиться успеха по первым двум пунктам оказалось нереально, и хотя «союзники» периодически возвращались к этим требованиям, основным в их борьбе стал третий пункт. Общая переоценка всех недвижимых имений в городе по действительной (рыночной) оценке многократно увеличивала численность нахичеванских избирателей. С учетом абсолютного большинства русских горожан, их преобладание в избирательных списках казалось вполне реальным. Однако, невзирая на согласованное давление черносотенцев и ростовского градоначальника, Нахичеванская дума сохранила прежний порядок оценки и отказалась от общей переоценки недвижимости в городе. Текущая коррекционная переоценка 1913 г. (по доходности) не привела к заметным изменениям в электорате. Массовые заявления о повышении стоимости домовладений, организованные комитетами русских избирателей, натолкнулись на отказ думы. Причина, по которой городская управа согласилась по требованию градоначальника включить в избирательные списки 213 русских горожан, представивших документы, подтверждающие рыночную стоимость их домовладений, неизвестна, можно только предположить закулисный административный нажим (неудивительно, что сразу после этого решения городской голова подал в отставку). Этнический баланс нахичеванского электората качнулся в сторону русского населения. Но несмотря на лихорадочную агитацию и даже провокации черносотенцев, на беспрецедентный административный нажим градоначальника, выборы закончились полным поражением кандидатов черносотенного союза и победой русско-армянского «прогрессивного блока». «Прогрессисты», сохра-

ISSN 2686-7648

нив запретительный имущественный ценз, а затем избрав городским головой представителя «старо-купеческой» элиты показали себя, скорее, консерваторами, администрация же (включая даже МВД) в союзе с черносотенцами – сторонниками либерализации избирательных правил (правда, только в отдельно взятом городе).

«Парадокс» объясняется тем, что городская элита, в принципе не готовая допускать массу горожан к выборам, тем более не хотела отдавать власть в руки откровенно антиармянски настроенного черносотенного движения. «Союзники» же добивались не демократизации выборов, а расширения круга своих сторонников. Главный результат выборов состоял не в числе гласных той или иной национальности, а в избрании «вменяемой» думы, преимущественно из представителей армяно-русского блока «прогрессистов», которая вполне успешно обеспечивала интересы городской верхушки. Националистическая пропаганда, как и сами агитаторы на выборах, потерпели фиаско. Конфронтация между армянами и русскими Нахичевани не состоялась, межнациональное согласие было сохранено.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Юг России в условиях общественно-политических трансформаций (XVIII–XXI вв.)», регистрационный номер: 125011200150-2

Acknowledgements

This paper was prepared as part of the state assignment for the research project “The South of Russia in the context of socio-political transformations (18th – 21th centuries)”, pegistration number: 125011200150-2

Информация об авторе

Левон В. Батиев, кандидат юридических наук, доцент, Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, проспект Чехова, д. 41; batiev@ssc-ras.ru

Information about the author

Levon V. Batiev, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia; bld. 41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, Russia, 344006; batiev@ssc-ras.ru

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-31-42

Дипломатические визиты бухарских эмиров в Российскую империю в конце XIX – начале XX в.: культурно-политический аспект (по материалам Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации)

Часть 3

Маргарита Х. Закирова

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук
Москва, Россия, zakirova2023@outlook.com

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-политические аспекты дипломатических визитов бухарских эмиров Сеид-Абдул-Ахад-хана (правившего с 1885 по 1910 г.) и Сеид-Мир-Алим-хана (с 1910 по 1920 г.) в Санкт-Петербург и Москву в конце XIX – начале XX в. На основе архивных материалов, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации, автор вводит в научный оборот новые сведения о дипломатических поездках бухарских эмиров в контексте российско-бухарских отношений на рубеже XIX–XX вв. В том числе рассматривается вопрос вступления Сеид-Мир-Алим-хана в управление Бухарским эмиратом в конце 1910 г. Автор приходит к выводу, что дипломатические визиты бухарских эмиров ко двору российских императоров имели как реально-политический, так и символический характер. В частности, они служили публичной демонстрацией лояльности и способствовали сохранению номинальной власти эмиров в Бухаре, во время них отчасти решались политические и социально-экономические вопросы и предотвращались конфликты. Кроме того, подобные визиты влияли на культурную ассимиляцию бухарских подданных, интеграцию Бухары в состав Российской империи.

ISSN 2686-7648

© Закирова М.Х., 2026

Ключевые слова: Российская империя, Бухарский эмират, Сеид-Абдул-Ахад-хан, Сеид-Мир-Алим-хан, Александр III, Николай II, дипломатические визиты

Для цитирования: Закирова М.Х. Дипломатические визиты бухарских эмиров в Российскую империю в конце XIX – начале XX в.: культурно-политический аспект (по материалам Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации). Часть 3 // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 31–42. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-31-42

Diplomatic visits of Bukhara emirs to the Russian Empire in the late 19th and early 20th century: cultural and political aspects (based on materials from the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, and the State Archive of the Russian Federation)

Part 3

Margarita Kh. Zakirova

Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, zakirova2023@outlook.com

Abstract. The article examines the cultural and political aspects of the diplomatic visits of the Bukhara emirs Seid-Abdul-Ahad Khan (who ruled from 1885 to 1910) and Seid-Mir-Alim Khan (from 1910 to 1920) to St. Petersburg and Moscow in the late 19th and early 20th centuries. Based on archival materials stored in the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, and the State Archive of the Russian Federation, the author introduces new information about the diplomatic trips of the Bukhara emirs in the context of Russian-Bukhara relations at the turn of the 19th and 20th centuries. Among other things, the author examines the accession of Seid-Mir-Alim-Khan to the rule of the Emirate of Bukhara in late 1910. The author concludes that the diplomatic visits of the Bukhara emirs to the court of the Russian emperors were both practical and symbolic in nature. In particular, they served as a public demonstration of loyalty and contributed to the preservation of the nominal power of the emirs in Bukhara,

during which political and socio-economic issues were partly resolved and conflicts were prevented. In addition, such visits influenced the cultural assimilation of Bukhara's subjects and the integration of Bukhara into the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Emirate of Bukhara, Seyid Abdul Ahad Khan, Seyid Mir Alim Khan, Alexander III, Nicholas II, diplomatic visits

For citation: Zakirova, M.Kh. (2026), "Diplomatic visits of Bukhara emirs to the Russian Empire in the late 19th and early 20th century: cultural and political aspects (based on materials from the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, and the State Archive of the Russian Federation). Part 3", *RSUH/RGGU Bulletin."Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 31–42, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-31-42

Вступление Сеид-Мир-Алим-хана в управление Бухарским эмиратом в 1910 г. и поездка эмира в Санкт-Петербург в 1911 г.

Бухарский эмир Сеид-Абдул-Ахад-хан скончался в ночь с 22 на 23 декабря 1910 г.[1] В высших кругах российского руководства опасались в связи с этим возможных волнений, что отразилось в активной переписке о вступлении в правление Бухарским эмиратом наследника – Сеид-Мир-Алим-хана. Так, 24 декабря 1910 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов в письме к военному министру В.А. Сухомлинову, выражая свое беспокойство в отношении сложившейся ситуации в Бухарском эмирате, писал, что при обсуждении бухарского вопроса Особым совещанием под руководством туркестанского генерал-губернатора было признано

> ...необходимым сохранить и впредь в этом ханстве настоящий образ правления, независимо от того, произойдет ли какая-либо перемена в личности правителя или нет. Сообразно с этим казалось, признанный нами в свое время наследник эмир Сеид-Мир-Алим тюряджан [наследный принц] подлежал бы утверждению в правах своего покойного родителя. Принц этот, получив отчасти русское воспитание и приобретший известный административный опыт под руководством своего отца, является к тому же и вполне

[1] 1) О смерти эмира бухарского и о вступлении в правление ханством наследника эмира, Сеид-Мир-Алим Тюряджана; 2) о реформах в Бухарском ханстве // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3926. Л. 1.

ISSN 2686-7648

подготовленным к роли правителя ханства и, судя по той теплой встрече, которая во время январских беспорядков в Бухаре[2] была ему сделана жителями этого города, очевидно пользуется симпатиями населения[3].

Другой вопрос, поднятый С.Д. Сазоновым, относился к пожалованию Сеид-Мир-Алим-хану титула «Высочество».

В ответном письме от 25 декабря того же года В.А. Сухомлинов отмечал:

Я вполне разделяю соображения ваши о желательности скорейшего утверждения нового эмира, т[ак] к[ак] всякое промедление в этом вопросе могло бы создать не желательные затруднения. Что касается пожалования Сеид-Мир-Алиму титула Высочества теперь же, или когда он рядом лет управления ханством докажет свою искреннюю верность и преданность России, то этому я не придаю особенного значения, т[ак] к[ак] при недоброжелательном к нам отношении, целесообразнее будет обратиться прямо к мерам более существенным[4].

Следует отметить значительную социокультурную адаптацию будущего эмира. В 1893 г. в возрасте 12 лет Сеид-Мир-Алимхан был зачислен в Николаевский кадетский корпус, где сменил национальный костюм на учебную форму, посещал внеклассные мероприятия и читал русскую классику[5]. Интенсивное приобщение наследника к культуре и традициям Российской империи вызвало недоумение его отца. Летом 1893 г. туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский в письме к военному министру П.С. Ванновскому отмечал, что при встрече в Шахрисабзе управляющего Политическим агентством в Бухаре В.О. фон Клемма

---

[2] Подразумеваются произошедшие с 9 по 11 января 1910 г. столкновения между шиитами и суннитами в Бухаре.

[3] 1) О смерти эмира бухарского... (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3926. Л. 5, 5 об.).

[4] Там же. Л. 13, 13 об.

[5] В обязательную образовательную программу Сеид-Мир-Алимхана входило изучение русского и французского языков, математики, географии, политической истории, древней истории, истории России, средневековой, новой и новейшей истории и рисование (черчение). Наследник изучал произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского и др. (О воспитании сына бухарского эмира Сеид-Мир-Алима в Николаевском кадетском корпусе // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1537. Л. 6–116).

с Сеид-Абдул-Ахад-ханом, эмир, коснувшись вопроса воспитания наследника, был недоволен его положением в кадетском корпусе. А.Б. Вревский цитирует этот разговор, пересказанный ему лично В.О. фон Клеммом:

> В разговоре, который я имел с военными министром в Петербурге, – сказал эмир, – его высокопревосходительство говорил мне, что тюряджан [наследный принц], в свободное от занятий время будет носить свою национальную одежду и находиться в обществе приставленного к нему бухарского чиновника и слуги, между тем ни то ни другое не соблюдается. Было бы желательно, чтобы сын мой, который должен явиться приемником моим, по возможности не отставал от нравов и обычаев своей страны, иначе, посудите сами, какой может выйти из него правитель мусульманской страны?[6]

Как бы то ни было, именно получение Сеид-Мир-Алим-ханом классического российского военного и светского воспитания делало его в глазах российского правительства предпочтительной фигурой на бухарском престоле.

23 декабря 1910 г. Сеид-Мир-Алим-хан выехал в Бухару, 24 декабря временно принял бразды правления, а уже 25 декабря стал полновластным эмиром. 25 декабря Николай II в телеграмме новоиспеченному эмиру писал:

> Искреннее опечаленный горестной вестью о неожиданной кончине его высочества эмира Сеида Абдул-Ахад-хана, выражаю вам мои душевные соболезнования по поводу постигшего вас тяжелого горя. Одновременно с тем поздравляю вас со вступлением в управление Бухарой, жалую вам, во изъявление моего особого к вам благоволения, титул Высочества, и желаю вам счастья и успеха в предстоящей вам деятельности[7].

В ответной телеграмме Николаю II от 26 декабря Сеид-Мир-Алим-хан сообщал:

> Молю всевышнего, да ниспошлет он мне сил и разумения, в оправление высочайшего ко мне доверия, добросовестно служить на благо вверенного мне вашим императорским величеством

[6] О воспитании сына бухарского эмира Сеид-Мир-Алима в Николаевском кадетском корпусе // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1537. Л. 65, 65 об.

[7] О смерти эмира бухарского... // Там же. Д. 3926. Л. 34.

ISSN 2686-7648

народа бухарского и неукоснительно повинуясь мудрым и благожелательным советам императорского правительства идти на пути начинаний, ведущих к счастью и процветанию моей родины[8].

Кроме того, 26 декабря 1910 г. эмиру по случаю вступления его в управление Бухарой также были направлены телеграммы от военного министра В.А. Сухомлинова, председателя Совета министров П.А. Столыпина и министра иностранных дел С.Д. Сазонова[9].

В начале 1911 г. встал вопрос о приезде Сеид-Мир-Алим-хана в Санкт-Петербург – для представления императору в статусе эмира. Эта поездка обсуждалась, в частности, в феврале 1911 г. в переписке помощника военного министра А.А. Поливанова и министра иностранных дел С.Д. Сазонова[10], и 7 марта была легитимирована высочайшим соизволением[11].

Согласно утвержденной программе встречи и пребывания эмира в Санкт-Петербурге, бухарское посольство прибыло 11 мая 1911 г. на вокзал Николаевской железной дороги, где правителя Бухары встретили представители Азиатской части Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ), петербургский градоначальник и комендант. Встреча же Сеид-Мир-Алим-хана и Николая II состоялась 13 мая в Александровском Царскосельском дворце. В рамках этого визита свиту эмира составили сановники Мирза Низамеддин Парваначи Закятчи, Мухаммед Юнус Дадхох, Раманкул-бек Дадхох, Иманкул-бек Токсаба Мирахур-баши, Мирза Насыр Токсаба, а также заведующий русской канцелярией бухарского правительства при Политическом агентстве в Бухаре Мир Хайдар Касымович Мирбадалев[12]. Со стороны российского правительства присутствовали генерал-майор С.В. Цейль, полковник Д. Асфендияров, полковник А. Давлетшин, полковник В.А. Карликов, коллежский асессор Петров, штабс-капитан Быкадоров и врач Писаренко[13]. Встреча завершилась возведением Сеид-Мир-Алим-хана в генерал-майоры свиты Его императорского величества и награждением его орденом Белого орла[14].

---

[8] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3926. Л. 38.

[9] Там же. Л. 16, 39, 40.

[10] О приезде в Петербург Эмира Бухарского и Хана Хивинского. 1911. Ч. 1 // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3977. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.

[11] Там же. Л. 23, 23 об., 24, 53.

[12] Там же. Л. 119, 119 об.; Мир Хайдар Касымович Мирбадалев (1860–1938) – один из первых узбекских генералов Русской армии.

[13] Там же. Л. 160, 160 об.

[14] Там же. Л. 121, 311.

14 мая в Гатчинском дворце Бухарский эмир был принят вдовствующей императрицей Марией Федоровной[15]. 15 мая в Большом Царскосельском дворце состоялся парадный обед[16]. В 1911 г. на прием бухарского посольства в мае и позднее, в июне, хивинского посольства из Государственного казначейства было ассигновано 35 тыс. руб.[17]

Поездка бухарского эмира Сеид-Мир-Алим-хана в Санкт-Петербург в 1913 г.

В 1913 г. по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых в Санкт-Петербург прибыли посольства от Бухарского эмирата и Хивинского ханства для принесения поздравлений императору. В состав бухарского посольства входили сановники Имам Мердан-куль-бек-бий Инаке Серкерде, Мирза Бахрам Токсаба, Имам-куль-бек Хезинечи и чиновники Хаджи Расул-куль Токсаба, Таш-Фолад Мирахур, Хаджи Бурхан Караулбеги, Мирза Сулейман Ходжа Караулбеги, Абдул-Азим Караулбеги, Бахрам-бек Караулбеги, Хаджа Ниемет[18]. В Санкт-Петербурге бухарского эмира с тремя лицами личной свиты, одним представителем российского правительства и прислугой разместили в 7-й запасной половине Зимнего дворца. Остальную часть свиты Бухарского эмира заселили в гостиницу[19].

15 февраля в Большом Царскосельском дворце состоялся визит бухарского посольства к императору[20]. Порядок приема императором эмира в целом повторял проекты поездок эмира 1902 и 1906 гг.[21] На аудиенции с бухарской стороны присутствовали Имам Мердан-куль-бек-бий Инаке Серкерде, Мирза Бахрам Токсаба и Имам-куль-бек Хезинечи. Кроме того, эмира сопровождали представители от Военного министерства (полковник А. Давлетшин и коллежский советник Карпенко), МИД (коллежский советник Персиани и начальник Азиатской части ГУГШ С.В. Цейль),

---

[15] Там же. Л. 298.

[16] Там же. Л. 124.

[17] Там же. Л. 54.

[18] Дело о приезде в Санкт-Петербург для принесения Государю Императору поздравлений по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых, Эмира Бухарского и Хана Хивинского // РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1720. Л. 11.

[19] Там же. Л. 1.

[20] Там же. Л. 16, 26.

[21] Там же. Л. 6, 6 об.

ISSN 2686-7648

а также адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа В.С. Сарычев и врач Писаренко[22].

В 1913 г. в газете «Русский инвалид» в разделе «Внутренние известия» была опубликована заметка о торжественной встрече Николая II и Сеид-Мир-Алим-хана, состоявшейся 15 февраля в Царском Селе. Автор писал, что бухарское посольство выехало из Санкт-Петербурга по императорской ветке в Царское Село. От Царского павильона эмир в парадной карете, запряженной шестеркой лошадей, проследовал в Большой Царскосельский дворец. Сеид-Мир-Алим-хан был в форме Терского казачьего войска с флигель-адъютантскими погонами и орденской лентой Белого орла через левое плечо. По прибытии его во дворец эмира встретили временно управляющий Министерством императорского двора и уделов, обер-гофмаршал Высочайшего двора, первый обер церемониймейстер и заведующий Церемониальной частью. После аудиенции между императором и эмиром состоялся традиционный обмен подарками[23]. Сеид-Мир-Алим-хан преподнес ковры, оружие и различные золотые изделия, инкрустированные драгоценными камнями, среди которых выделялись серебряные позолоченные приборы для щербета, украшенные эмалью, бирюзой и жемчугом, а также вазы, ларцы, умывальные и чернильные приборы, вазы для фруктов[24]. Кроме того, бухарский эмир в честь торжественного празднования 300-летия дома Романовых пожаловал 200 тыс. руб. на благоустройство русских поселений в пределах Бухарского эмирата[25], что было высоко оценено императором.

---

[22] Там же. Л. 10, 10об., 13, 13 об.

[23] Царское село // Русский инвалид. 1913. 16 февраля. № 38. С. 1.

[24] Список вещей, поднесенных их императорским величествам и их императорским высочествам августейшим детям его высочеством Эмиром Бухарским 15 февраля 1913 года. См.: Список вещей, поднесенных Николаю II и Александре Федоровне и их детям эмиром Бухарским 21 ноября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1 Д. 748. Л. 5 об. – 6 об.

[25] Средства поступили в распоряжение Министерства народного просвещения и, по желанию эмира, были вложены в расширение зданий мужской Николаевской и женской прогимназий в поселении Чарджуй – 60 тыс. руб., с присвоением женской гимназии наименования Романовской. На устройство училища в Керки, с присвоением этому училищу наименования Романовского, было выделено 25 тыс. руб. 40 тыс. руб. были вложены в сооружение больницы и еще 15 тыс. руб. пошло на расширение начального училища в поселении Новая Бухара. 60 тыс. руб. были ассигнованы на проведение канала в целях улучшения водоснабжения поселения Новая Бухара. См.: Дело о пожертвовании его высочеством Эмиром Бухарским 200 000 рублей на нужды народного образования // РГИА. Ф. 773. Оп. 178. Д. 189. Л. 1, 1об.

17 февраля Сеид-Мир-Алим-хан был принят вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Аничковом дворце[26].

Согласно церемониальной программе празднования 300-летия дома Романовых, торжество состоялось 21 февраля в Санкт-Петербурге в 8 часов утра с 21 пушечного выстрела из Петропавловской крепости и торжественных литургий во всех храмах империи[27]. В этот день важным событием для мусульман Российской империи стало также первое богослужение в еще недостроенной Санкт-Петербургской мечети. В Соборной мечети был совершен намаз, на котором присутствовали эмир Сеид-Мир-Алим-хан и хивинский хан Сеид-Асфендиар-Бахадур-хан[28].

2 марта Бухарский эмир выехал из Санкт-Петербурга[29].

Поездка Сеид-Мир-Алим-хана в Царскую Ставку и Петроград в 1916 г.[30]

В 1916 г. Сеид-Мир-Алим-хан совершил последнюю поездку ко двору императора Николая II. Ее нельзя назвать сугубо дипломатическим визитом: она была связана с переводом эмира в генерал-адъютанты по Терскому казачьему полку в 1915 г. и награждением его орденом Святого Александра Невского с бриллиантовыми украшениями. Согласно докладу Азиатской части ГУГШ, так российское правительство хотело отметить лояльность эмира, его усилия по обеспечению спокойствия и порядка в Бухаре[31].

---

[26] Дело о приезде в Санкт-Петербург для принесения Государю Императору поздравлений по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых, Эмира Бухарского и Хана Хивинского // РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1720. Л. 79.

[27] Переписка с Главным штабом о подготовке к празднованию 300-летия дома Романовых. Церемониал и программа празднования // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1406. Л. 7–10 об.

[28] *Терюкова Е.* Коллекция предметов, связанных с историей Санкт-Петербургской Соборной мечети // Культурное наследие Узбекистана. Собрание государственного музея религии. Т. XII. Ташкент: Silk Road Media: East Star Media МЧЖ, Darakchi inform servis МЧЖ, 2020. С. 364. URL: https://society.uz/ru/culture/14 (дата обращения 19 июля 2026).

[29] Дело о приезде в Санкт-Петербург для принесения Государю Императору поздравлений по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых, Эмира Бухарского и Хана Хивинского // РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1720. Л. 24.

[30] С 1914 по 1924 г. город Санкт-Петербург носил название Петроград.

[31] О поездке эмира бухарского в текущем году в Царскую ставку и в Петроград // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4561. Л. 42.

ISSN 2686-7648

29 августа бухарский эмир выехал из Бахчисарая в Царскую Ставку. Его встреча с императором должна была состояться 31 августа. В связи с этим шла активная переписка начальника ГУГШ Н.П. Михневича и товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова о подготовке экстренного поезда для эмира по маршруту: Бахчисарай, Харьков, Бахмач, Гомель, Царская Ставка[32]. В состав бухарской делегации входило 8 чел. свиты и 10 чел. прислуги. Со стороны российского правительства эмира сопровождали начальник Азиатской части ГУГШ генерал-лейтенант М. Манакин и от МИД – бывший политический агент в Бухаре А.К. Беляев[33].

Нанеся визит Николаю II в Царской Ставке, эмир отправился в Петроград, где он находился со 2 по 5 сентября. Согласно порядку встречи и пребывания бухарской делегации в Петрограде, 2 сентября на Царскосельском вокзале эмира встретили петроградский градоначальник и комендант, представители Азиатской части ГУГШ и 3-го политического отделения МИД. В Салтыковском подъезде Зимнего дворца эмира приветствовали временный управляющий Министерством императорского двора и уделов, обер-церемониймейстер, гофмаршал и начальник Петроградского дворцового управления[34]. В Зимнем дворце эмиру и сопровождающим были предоставлены помещения на время пребывания в Петрограде[35].

Обратный путь эмира в Бухару пролегал через Москву, Оренбург и Ташкент[36].

В 1916 г. на пребывание бухарской делегации в Петрограде Государственным казначейством было ассигновано 3000 руб.[37]

Выводы

В конце XIX – начале XX в. дипломатические визиты бухарских посольств в Российскую империю служили важным инструментом, используемым для создания позитивной картины дружественных российско-бухарских отношений. Российское правительство, расширяя полномочия административного аппарата бухарского правительства, сохраняло контроль над властью в Бухарском эмирате. Для этого российское руководство присуждало бухарским эмирам высшие правительственные награды и награждало

[32] Там же. Л. 11.
[33] Там же. Л. 18.
[34] Там же. Л. 61.
[35] Там же. Л. 47.
[36] Там же. Л. 70, 71.
[37] Там же. Л. 16, 16 об.

ценными подарками. Бухарские эмиры, чтобы сохранить номинальную власть в эмирате, ссылаясь на восточные обычаи, также преподносили дорогостоящие подарки и высшие знаки отличия Бухарского эмирата членам императорской семьи и высокопоставленным лицам. Подарки, преподносимые эмирами, поражали роскошью, принятие их в определенной мере дискредитировало представителей имперской власти, поэтому на правительственном уровне рассматривался вопрос об их сокращении. Николай II, писавший в своем дневнике о визите Сеид-Абдул-Ахад-хана в 1906 г., подчеркнул количество преподнесенных им подарков следующим образом: «по обыкновению, он [эмир] привез лошадей и две комнаты подношений»[38].

Каждая предстоящая дипломатическая поездка бухарских эмиров сопровождалась перепиской между туркестанским генерал-губернатором, военным министром, управляющим Азиатской частью ГУГШ, министром иностранных дел и министром императорского двора и уделов. Согласование маршрута и других вопросов, связанных с пребыванием бухарских посольств в Российской империи, решалось на уровне Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, Военного министерства и Азиатской части ГУГШ, а вот организация визитов бухарских посольств ко двору императора находилась в компетенции Экспедиции церемониальных дел при Министерстве императорского двора и уделов. Это говорит о том, что, несмотря на положение Бухары как протектората, бухарские депутации принимались на уровне представителей зарубежных посольств.

Дипломатические поездки бухарских посольств в Российскую империю, несмотря на свою условность, в некоторой степени влияли на решение ряда политических и экономических вопросов. Так, например, в поездке в 1893 г. был поднят вопрос об утверждении сына эмира Сеид-Мир-Алим-хана наследником бухарского престола. В 1898 и 1902 гг. дипломатические поездки Сеид-Абдул-Ахад-хана к Николаю II отчасти сняли напряжение, возникшее в связи с таможенным соглашением 1894 г.

Дипломатические визиты были составной частью мер, направленных на ассимиляцию бухарских подданных, их приобщение к русской культуре. Об этом свидетельствует обучение Сеид-Мир-Алим-хана в Николаевском кадетском корпусе и то, что наследник с детства владел русским языком. Лояльность российской власти к бухарскому и хивинскому правительствам и в целом к мусульманам Российской империи выразилась в строительстве Соборной мечети в имперской столице – Санкт-Петербурге – в 1910 г.

[38] Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2013. С. 167.

ISSN 2686-7648

В представленном исследовании использованы документы российских учреждений (ГУГШ, МИД, Военного министерства, Министерства императорского двора и уделов, Канцелярии туркестанского генерал-губернатора и др.), освещающие историю бухарских посольств в Российскую империю в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. В связи с этим было бы интересно изучить документы фонда Канцелярии Бухарского эмира, хранящиеся в Национальном архиве Узбекистана[39]. Это позволило бы показать более полную картину и выявить некоторые моменты организации бухарских посольств в Российскую империю не только с российской, но и с бухарской стороны. Следовательно, исследование может быть продолжено.

Информация об авторе

Маргарита Х. Закирова, кандидат исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия; 125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, д. 14; zakirova2023@outlook.com

Information about the author

Margarita Kh. Zakirova, Cand. of Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences; bld. 14, Baltiyskaya Street, Moscow, Russia, 125315; zakirova2023@outlook.com

[39] В 2023 г. архивный фонд Канцелярии Бухарского эмира включен в список программы ЮНЕСКО «Память мира». Nominations of new items of documentary heritage to be inscribed on the Memory of the World international register, 2023. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385078 (дата обращения 22 июля 2025).

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-43-58

Влияние экономического фактора на внешнеполитическую деятельность Приднестровья в контексте специальной военной операции России на Украине

Наталья И. Харитонова

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, natahari@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7980-6562

Марина С. Бабченко

Институт развития образования и повышения квалификации
Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика, ssbck@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2831-2287

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые направления внешнеэкономической деятельности Приднестровья с учетом реализации Стратегии развития Приднестровья 2019–2026 гг. и Концепции внешней политики 2012 г. Авторы исследуют трансформацию внешнеполитического курса Приднестровской Молдавской Республики под воздействием фундаментальных изменений в экономической ситуации, ставших следствием политики давления Республики Молдова, а также – специальной военной операции России на Украине. Ключевыми проблемами для Приднестровской Молдавской Республики в экономической сфере являются следующие: внешняя политика Молдовы прямо основывается на том, что реинтеграция будет осуществляться через экономическое давление на Приднестровье; наряду с объективными внешними трудностями, Приднестровская Молдавская Республика испытывает на себе влияние рестриктивных мер со стороны Республики Молдова. В статье аргументированно доказывается, что экономическое давление вынудило политическое руководство Приднестровья к активизации прагматического диалога с Республикой Молдова для решения оперативных экономических проблем. По результатам анализа авторы делают вывод о переходе внешней политики Приднестровья в режим кризисного реагирования, где эконо-

ISSN 2686-7648

© Харитонова Н.И., Бабченко М.С., 2026

мический фактор стал ключевой детерминантой. Экономический фактор, всегда являвшийся значимым для сохранения государственности Приднестровской Молдавской Республики, в условиях кризиса стал играть роль ключевого драйвера, определяющего внешнеполитическую тактику Тирасполя.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, специальная военная операция, экономический фактор, экономические санкции, внешняя политика, Республика Молдова, Российская Федерация, Украина, экономическая безопасность

Для цитирования: Харитонова Н.И., Бабченко М.С. Влияние экономического фактора на внешнеполитическую деятельность Приднестровья в контексте специальной военной операции России на Украине // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 43–58. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-43-58

The influence of the economic factor on Pridnestrovie's foreign policy activities in the context of Russia's special military operation in Ukraine

Natal'ya I. Kharitonova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation, natahari@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7980-6562

Marina S. Babchenko

Institute of Education Development and Advanced Training
Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic, ssbck@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2831-2287

Abstract. The article examines the key directions of Pridnestrovie's foreign economic activity, taking into account the implementation of the Pridnestrovian Development Strategy 2019–2026 and the Foreign Policy Concept 2012. The authors explore the transformation of the foreign policy of the Pridnestrovian Moldavian Republic under the influence of fundamental changes in the economic situation resulting from the policy of pressure of the Republic of Moldova, as well as the special military operation Russia in Ukraine. The key problems for the Pridnestrovian Moldavian Republic in the economic sphere are the following: Moldova's foreign policy is directly based on the fact that reintegration will be carried out through economic pressure on Pridnestrovie; along with objective external difficulties, the Pridnestrovian

Moldavian Republic is influenced by restrictive measures from the Republic of Moldova. The article argumentatively proves that economic pressure forced the political leadership of Pridnestrovie to intensify a pragmatic dialogue with the Republic of Moldova in order to solve operational economic problems. Based on the results of the analysis, the authors conclude that Pridnestrovie's foreign policy has entered a crisis response mode, where the economic factor has become a key determinant. The economic factor, which has always been significant for preserving the statehood of the Pridnestrovian Moldavian Republic, began to play the role of a key driver determining the foreign policy tactics of Tiraspol in the context of the crisis.

Keywords: Pridnestrovian Moldavian Republic, special military operation, economic factor, economic sanctions, foreign policy, Republic of Moldova, Russian Federation, Ukraine, economic security

For citation: Kharitonova, N.I. and Babchenko, M.S. (2026), "The influence of the economic factor on Pridnestrovie's foreign policy activities in the context of Russia's special military operation in Ukraine", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 43–58, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-43-58

Введение

Актуальность исследования обусловлена кардинальной трансформацией геополитической и экономической ситуации вокруг Приднестровья после начала специальной военной операции России на Украине 22 февраля 2022 г. Экономика Приднестровья, спецификой которой стал существенный потенциал преодоления границ и юрисдикций посредством неформальных связей и транзитных возможностей, столкнулась с ситуацией, когда эти возможности радикально сократились.

Внешнеэкономическое сотрудничество Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), его расширение на европейское и евразийское пространство, является жизненно необходимым для существования и развития приднестровской государственности, о чем свидетельствуют аргументы, представленные в комплексных работах приднестровских дипломатов [Штански 2014] и экономистов [Смоленский, Толмачева 2016; Смоленский, Толмачева 2017]. Широкий круг проблем экономического развития Приднестровья, прямо или косвенно касающихся вопроса его легитимации, раскрывает М.П. Бурла: в его исследованиях нашли отражение анализ факторов и особенностей внешнеэкономической деятельности Приднестровья [Бурла 2022], оценка роли экономических связей с Россией для Приднестровья и количественные показатели внеш-

ISSN 2686-7648

ней торговли между ПМР и РФ [Бурла 2023], а также некоторые перспективные направления взаимодействия в условиях ухудшения геополитического положения [Бурла 2020].

Влияние внешнеполитического фактора на инвестиционный климат Приднестровья исследуются в работе М.С. Бабченко [Бабченко 2022]. Перспективы признания Приднестровья как полноценного экономического субъекта представлены молодой приднестровской исследовательницей М.С. Греку в работе, посвященной вхождению республики в зону свободной торговли DCFTA [Греку 2021].

Ограниченный круг исследований по проблеме внешнеэкономической деятельности ПМР в ситуации регионального кризиса свидетельствует о необходимости заполнить лакуну в изучении влияния экономического фактора на внешнеполитическую деятельность республики, «зажатой» между недружественными Украиной и Молдовой, в условиях, когда традиционная многовекторность Приднестровья оказалась серьезно ограничена. Выполнение указанной задачи базировалось на использовании системно-структурного и структурно-функционального анализа, юридического анализа документов (материалов стратегического планирования ПМР) и общенаучных методов.

Полученные в рамках настоящего исследования результаты свидетельствуют о сложности и комплексности процессов регионального масштаба, в которые оказалось вовлечено Приднестровье, чье уникальное геополитическое положение и собственный производственный потенциал изначально способствовали экономическому развитию. Однако объективные обстоятельства в виде непризнанного статуса, анклавного положения и подверженности внешнему давлению в ситуации обострения международной обстановки стали радикально ограничивать внешнеэкономические возможности ПМР. Ситуация многократно усугубилась с началом специальной военной операции России на Украине, в том числе потому, что Приднестровье, являясь «геополитической уязвимостью» России, стало одним из объектов воздействия сил, противостоящих ей в текущем региональном конфликте на пространстве Восточной Евразии.

Основное содержание

Современные внешнеполитические позиции ПМР в контексте развития экономических связей изложены в таких документах стратегического планирования как Концепция внешней политики 2012 г. и Стратегия развития ПМР 2019–2026 гг. Учитывая,

что ПМР является экспортно-ориентированной страной с активными внешнеторговыми связями, а также специфику ее географического положения (как «стыка миров»[1]), актуальной задачей в области внешнеэкономических связей в Стратегии развития ПМР названо осуществление сбалансированной торговли с Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом, а также привлечение иностранных инвестиций.

В Стратегии обозначены основные цели в сфере развития внешнеэкономической деятельности на ближайшую перспективу:

1) обеспечение положительной динамики ключевых показателей, характеризующих внешнеэкономическую деятельность, в том числе доведение соотношения между объемами экспорта и импорта (без учета импорта природного газа) продукции до 90%;
2) усиление позиций Приднестровья на мировом рынке и в частности на рынках РФ, стран Евразийского экономического союза, а также стран Европейского союза и обеспечение темпов прироста экспорта по данным направлениям;
3) содействие реализации программы эффективного и качественного импортозамещения в реальном секторе экономики.

Достижение поставленных целей и реализация задач авторам Стратегии представляются возможными за счет осуществления следующих мер:

а) продолжение работы по минимизации рисков, связанных с полноценным функционированием совместного молдово-украинского контроля на приднестровско-украинской границе;
б) продолжение работы по дипломатическому обеспечению снижения барьеров во внешнеэкономической деятельности отечественных организаций (в рамках работы переговорных групп Молдовы и Приднестровья по вопросам экономики, а также совместной работы с Министерством иностранных дел ПМР);
в) продолжение диалога с Европейским союзом в целях сохранения преференциального режима торговли;
г) продолжение работы, направленной на подписание новых меморандумов о межведомственном и межрегиональном сотрудничестве с РФ, а также осуществление практического взаимодействия в рамках уже подписанных меморандумов;
д) развитие информационного взаимодействия с таможенными службами других стран по вопросам предоставления сведений в сфере внешнеэкономической деятельности;

[1] Преимущества Приднестровья // Сайт Агентства по инвестициям и развитию. URL: https://investpmr.com/#advantage (дата обращения 25 июля 2026).

ISSN 2686-7648

е) системное информирование зарубежных деловых партнеров об инвестиционном потенциале ПМР для налаживания и расширения внешнеэкономических связей приднестровских хозяйствующих субъектов;
ж) сокращение дублирующих функций государственного управления, контрольных и правоохранительных функций;
з) содействие импортозамещению, поддержка отечественных предприятий путем дальнейшей оптимизации таможенных пошлин на ввозимые товары, не имеющие идентичных либо однородных товаров в стране, а также на ввозимые товары, аналогичные производимым на территории республики, в целях поддержки конкурентоспособности отечественных производителей на внутреннем рынке;
и) оптимизация экспортных процедур, в том числе посредством внедрения полноценного электронного декларирования экспортируемых товаров, улучшения поддержки инфраструктуры экспорта;
к) расширение и совершенствование интернет-системы онлайн-консультирования граждан и участников внешнеэкономической деятельности;
л) повышение эффективности контроля за перемещением товаров, запрещенных к обороту, в том числе путем обеспечения таможенных постов современными техническими средствами контроля[2].

В Концепции внешней политики ПМР 2012 г. евразийской интеграции уделено иное место. Евразийская интеграция заявлена как национальная идея и приоритет внешнеполитического и внешнеэкономического развития ПМР. Так, в пункте 4.1 Концепции внешней политики ПМР сказано:

> Приднестровская Молдавская Республика проявляет особую заинтересованность в участии в следующих интеграционных проектах и торгово-экономических объединениях: Евразийском экономическом сообществе, Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве, а также в формирующемся Евразийском Союзе с целью поэтапной интеграции в единое таможенное,

[2] Указ Президента Приднестровской Молдавской Республикиот 12 декабря 2018 г. № 460 «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы» // Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики. URL: https://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html?ysclid=las1rlr2jy394817571 (дата обращения 25 июля 2026).

экономическое, политическое и культурное пространство с государствами-участниками[3].

В пункте 5.2 упомянутого документа также заявлено, что

...в условиях исторически сложившихся добрососедских связей большое значение придается развитию приграничных торгово-экономических отношений, трансграничного взаимодействия, в связи с чем представляется приоритетным и необходимым наращивание сотрудничества в торгово-экономической сфере, что обусловлено важной ролью Украины в импортно-экспортных отношениях Приднестровья[4].

Идея о необходимости привлекать иностранные инвестиции, увеличивая товарный оборот с соседними странами, также содержится в Концепции. К основным внешнеэкономическим задачам Приднестровской Молдавской Республики отнесены:

а) обеспечение беспрепятственной внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов Приднестровья;
б) содействие инвестиционным программам и структурной перестройке экономики, в том числе за счет широкого привлечения иностранных инвестиций для реализации производственных инфраструктурных и социальных проектов, имеющих важное социально-экономическое значение;
в) усиление экспортного потенциала Приднестровья, содействие развитию экспортно-ориентированного и импортозамещающего производства товаров и услуг;
г) обеспечение надлежащих условий для международного транзита транспорта и товаров;
д) интенсификация взаимодействия с государствами и регионами государств, входящими в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. Приднестровье будет вести работу по получению для приднестровских товаров и производителей режимов, аналогичных предоставляемым в Таможенном союзе национальным товарам и поставщикам;

---

[3] Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 20 ноября 2012 г. № 766 «Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. URL: https://mid.gospmr.org/ru/Qpj?ysclid=lcqgwzepdt322959931 (дата обращения 25 июля 2026).

[4] Там же.

ISSN 2686-7648

е) содействие созданию условий для продвижения приднестровского экспорта на рынки государств – членов Таможенного Союза[5].

Таким образом, оба указанных документа, с одной стороны, имеют единую политико-идеологическую базу, а именно – исходят из идеи, что ПМР должна самостоятельно устанавливать свои экономические связи, активно привлекать инвестиции, развивать экспорт и способствовать импортозамещению, с другой – по-разному определяют ключевые направления главного внешнеэкономического развития. Так, Концепция внешней политики ПМР – в большей степени ориентирована на Россию и ЕАЭС, Стратегия развития ПМР – преимущественно ориентирована на ЕС (в части сохранения режима автономных торговых преференций, предоставленного ей со стороны ЕС). Впрочем, в обоих документах содержится понимание «срединного» положения ПМР, как перекрестка двух геополитических проектов, что предполагает некоторое «наложение» целей и механизмов их достижения.

Вопросы экономической самостоятельности ПМР – ключевая для Тирасполя тема, наряду с вопросом признания. Президент ПМР В.Н. Красносельский в декабре 2016 г. заявил, что республика не должна ни от кого зависеть, должна быть самодостаточной[6], и в этой четко сформулированной идее отражена максима Приднестровья как политической нации-согражданства, а также в некоторой степени – готовность к многовекторной политике как условию независимости от отдельных внешнеполитических игроков, своеобразной защите в условиях меняющейся политической конъюнктуры.

Возможность осуществлять многовекторную внешнюю политику (в том числе в сфере экономики), как одну из ключевых стратегий любого небольшого по размерам государства в непростом геополитическом окружении, могла бы в полной мере реализовать потенциал Приднестровья как «моста» между двумя интеграционными проектами. Однако комплекс нерешенных проблем, связанных с международно-правовым статусом ПМР, неприемлемость предлагаемого прозападно настроенным Кишиневом варианта реинтеграции и исторически обусловленное тяготение левого берега Днестра к России и Русскому миру стали непреодолимыми препятствиями не только на пути развития российско-приднест-

---

[5] Там же.

[6] Вадим Красносельский о развитии Республики: Нужно добиться исключительной самодостаточности // Новости Приднестровья. 2021. 15 декабря. URL: https://novostipmr.com/ru/news/21-12-15/vadim-krasnoselskiy-o-razvitii-respubliki-nuzhno-dobitsya (дата обращения 25 июля 2026).

ровского торгово-экономического сотрудничества, но и многовекторного внешнеэкономического взаимодействия в целом.

Сложившуюся ситуацию усугубил кризис на Украине, разворачивающийся с 2013 г., что привело к разрыву традиционных логистических цепочек, энергетическому кризису и сокращению экспорта. С 2022 г., по словам зампреда правительства – министра экономического развития ПМР С.А. Оболоника, основными торговыми партнерами ПМР по экспорту являются Республика Молдова (РМ), ЕС, Турция[7]. При этом, традиционно ключевые объемы поставок осуществляются в Молдову, Румынию, в страны ЕС; продукция легкой промышленности экспортируется в более отдаленные страны Центральной и Западной Европы.

> А вот объемы поставок в Россию, напротив, в этом году (2022 г. – *прим. авторов*) серьезно сократились. Связано это, разумеется, с отсутствием эффективной логистики. Раньше все каналы поставок были через Украину. Сейчас такие маршруты не работают. Некоторые предприятия продолжают свою работу с использованием иной логистики – Прибалтика, Турция, но сокращение, тем не менее, масштабное, так как экономика в этом случае уже не работает эффективно[8].

Параллельно Кишинев проводит последовательную проукраинскую и антироссийскую политику, рассматривая ПМР как территорию, подлежащую реинтеграции. Молдова и Украина фактически координируют усилия: усиливают контроль границ, ограничивают автономную внешнеторговую деятельность ПМР и продвигают ее включение в экономическое пространство РМ и ЕС. Внешняя политика Молдовы прямо основывается на том, что реинтеграция будет осуществляться через экономическое давление на Приднестровье.

Наряду с объективными внешними трудностями, ПМР испытывает на себе влияние рестриктивных мер со стороны РМ. Потери экономических агентов Приднестровья составляли более 10 млн ежегодно с 2016 г. [Штански и др. 2014, с. 9]; прямые потери предприятий – свыше 250 млн долл., потери бюджета – порядка 80 млн, косвенные потери и упущенная выгода исчисляются сотнями мил-

---

[7] Экономика Приднестровья: Итоги 2022 года и прогноз на 2023-й // Новости Приднестровья. 2022. 28 декабря. URL: https://www.novostipmr.com/ru/content/ekonomika-pridnestrovya-itogi-2022-goda-i-prognoz-na-2023-y (дата обращения 25 июля 2026).

[8] Там же.

ISSN 2686-7648

лионов ежегодно[9]. Так, в 2016 г. Республикой Молдовой и Украиной было принято решение о размещении на приднестровско-украинской границе таможенных структур Республики Молдова. Данное решение было расценено руководством Приднестровья как завершение полного цикла блокады внешнеэкономической деятельности ПМР [Штански и др. 2014].

От так называемого «газового кризиса» 2022 г., вызванного военно-политическим противостоянием между Россией и Украиной, пострадало и Приднестровье. По словам С.А. Оболоника, поскольку экономика ПМР «является очень открытой и встроенной в международную торговлю, все негативные изменения в сопредельных странах, в международной экономике в целом влияют на нас напрямую и с очень коротким временным интервалом»[10]. Объем промышленного производства в Приднестровье по итогам 2022 г. сократился на 20,5%, по металлургической отрасли по сравнению с 2021 г. падение составило 43%, машиностроение и металлообработка просели на 44%, легкая промышленность – на 11%, электроэнергетика – на 13%. Экспорт в целом сократился на 18,4%.

Несмотря на то, что ПМР и РМ в конце декабря 2022 г. смогли договориться по поставкам газа[11] и предотвратить технические сбои, имевшие место в начале декабре 2022 г., кризис в отношениях сторон и все проблемы, связанные с неурегулированностью целого ряда вопросов (создание условий для предоставления услуг в сфере связи и телекоммуникаций, налаживание межбанковского взаимодействия, продвижение по вопросу прекращения уголовных дел в отношении должностных лиц, обеспечение участия в международном дорожном движении транспортных средств из Приднестровья, установление (совершенствование) механизма гарантий исполнения договоренностей, урегулирование проблемы импорта грузов в Приднестровье, обеспечение использования за рубежом дипломов о высшем образовании, выдаваемых в Приднестровье, и прочее), сохраняются и по сей день. В целом это можно расценить как продолжение политики Кишинева, направленной на лишение Тирасполя субъектности как стороны конфликта, что является важным этапом на пути разрешения приднестровского конфликта в соответствии с интересами Кишинева [Харитонова 2023].

1 января 2025 г. прекратился транзит российского газа через Украину, вследствие чего остановились поставки голубого топлива

---

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Молдавия и Приднестровье договорились продлить контракт о поставках электроэнергии и газа // ТАСС. 2022. 27 декабря. URL: https://tass.ru/ekonomika/16697397/ (дата обращения 25 июля 2026).

в Приднестровье. В ПМР было введено Чрезвычайное экономическое положение. Поставки газа возобновились 14 февраля 2025 г., но смогли в большей степени обеспечить бытовые нужды населения, нежели потребности промышленности. Промышленная активность экономических агентов Приднестровья сократилась на 50% по сравнению с 2024 г., потери республиканского бюджета Приднестровья составили около 1 млн евро.

Ситуация, сложившаяся после начала СВО, привела к формированию для Приднестровья режима «двойной блокады», поставив под вопрос устойчивость его экономической модели.

Во-первых, традиционные маршруты экспорта и импорта через территорию Украины были полностью заблокированы. Это нанесло сокрушительный удар по крупнейшим бюджетообразующим предприятиям. Логистический вызов имел не только количественное, но и качественное измерение. Речь шла не просто о росте стоимости перевозок, а о фундаментальном разрыве сложившихся экономических цепочек.

Во-вторых, обострилась хроническая проблема зависимости от российского газа, поставляемого через территорию Молдовы, которая стала мощным рычагом давления со стороны Кишинева. Власти Молдовы неоднократно заявляли о возможности ограничений поставок, что создавало прямую угрозу для работы промышленности и коммунального сектора Приднестровья [Бурла 2022]. Отказ Тирасполя от прямых переговоров с Кишиневом по этому вопросу стал невозможен, что кардинально изменило расстановку сил в молдавско-приднестровском диалоге по урегулированию конфликта. Энергетическая зависимость была инструментализирована Молдовой для укрепления своих переговорных позиций по более широкому кругу вопросов, включая таможенный и фискальный контроль.

В-третьих, сокращение налоговых поступлений от крупных предприятий привело к острому дефициту бюджета Приднестровья. Возникли задержки с выплатой зарплат в госсекторе и финансированием социальных программ. Это создало беспрецедентный вызов для внутренней стабильности.

В-четвертых, вынужденный поиск альтернативных маршрутов привел к резкому росту логистических издержек и потере конкурентоспособности приднестровских товаров.

Вышеперечисленные проблемы вкупе с постоянными угрозами силового воздействия на ПМР со стороны Украины отразились на внешнеполитической линии Тирасполя, заставив его совмещать традиционную пророссийскую риторику с прагматичными уступками. Экономическое давление вынудило Тирасполь к большей гибкости в диалоге с Кишиневом. Переговоры в формате «1+1»

ISSN 2686-7648

и в рамках политических консультаций (5+2) приобрели практическое содержание. Ключевыми темами стали урегулирование газового долга, транспортные и таможенные вопросы. Для разблокировки товаропотоков были достигнуты временные технические соглашения с молдавской стороной. Тактика руководства Приднестровья отразилась в жесткой риторике Тирасполя: политическое руководство ПМР оценивало сложившуюся ситуацию как «молдавскую блокаду Приднестровья», сопровождающуюся оперативными переговорами с целью снятия наиболее острых экономических проблем.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выявить характерную трансформацию внешнеполитического курса Приднестровья в условиях регионального кризиса, которая выражается в следующих взаимосвязях. Фактическое закрытие логистики на украинском направлении создало операционные трудности, что подорвало основу экономической модели Приднестровья, построенной на транзите. Это привело к качественному сдвигу в риторике и действиях Тирасполя в отношении Москвы. Если ранее поддержка России воспринималась как стратегическая гарантия, то после февраля 2022 г. она стала рассматриваться как единственное средство физического выживания. Публичные и настойчивые призывы об открытии «гуманитарного коридора» и увеличении финансовой помощи были, по сути, экзистенциальным запросом на спасение. Результатом стало частичное удовлетворение запросов Тирасполя (например, налаживание поставок так называемого гуманитарного газа в начале 2023 г. посредством весьма сложной коммерческой схемы).

Проблема газового долга Молдовы перед Россией, который по сути является долгом Приднестровья перед Россией[12], на протяжении десятилетий бывшая фоном переговоров, в новых условиях оказалась инструментализирована Кишиневом как ключевой рычаг давления на ПМР. Это создало уникальную ситуацию, при которой Тирасполь, несмотря на конфронтационный публичный дискурс, был вынужден вступать в предметные переговоры с Кишиневом. Необходимость избежать отключений электричества и поставок

[12] «Молдовагаз» признал исторический долг перед «Газпромом». Он превышает 700 миллионов долларов // Lenta.ru. 2025. 17 января. URL: https://lenta.ru/news/2025/01/17/moldovagaz-priznal-istoricheskiy-dolg-pered-gazpromom-on-prevyshaet-700-millionov-dollarov/ (дата обращения 25 июля 2026).

бытового природного газа в зимний период и сохранить социальную стабильность заставила приднестровское руководство пойти на обсуждение схем погашения или реструктуризации долга, что ранее не обсуждалось. Это наглядно демонстрирует, как экономическое принуждение может заставить Приднестровье жертвовать некоторыми политическими принципами ради решения неотложных задач выживания.

В совокупности указанные выше выводы свидетельствуют о фундаментальной внешнеполитической трансформации Приднестровья. Внешняя политика Приднестровья в период СВО России на Украине свелась к тактическому кризис-менеджменту. Ее главной и единственной целью стало не достижение политического признания или укрепление суверенитета, а решение проблем в экономической системе для предотвращения полного краха и гуманитарной катастрофы. Оценка эффективности внешнеполитической деятельности ПМР в новых условиях является неоднозначной, потому что привела к углублению ключевого противоречия: для спасения экономики пришлось жертвовать некоторыми политическими принципами, усиливая зависимость от одной стороны (России) и идя на уступки другой (Молдове). Внешнеполитическая деятельность, таким образом, из инструмента достижения долгосрочных стратегических целей превратилась в реактивную функцию, полностью подчиненную диктату экономической необходимости.

Экономические последствия российско-украинского противостояния, ставшие промежуточным этапом в глобальном противостоянии России и Запада, стали детерминирующим фактором, коренным образом изменившим внешнеполитическую деятельность Приднестровья. Реакция Тирасполя на возникающие вызовы носит адаптивный характер и выражается в парадоксальном сочетании двух стратегий: усиления риторической и практической зависимости от РФ и активизации вынужденного прагматического диалога с РМ для решения неотложных экономических проблем. Эффективность внешнеполитической деятельности ПМР следует оценивать не с точки зрения достижения политических целей (признание независимости), а с точки зрения способности предотвращать тотальный экономический и социальный коллапс.

Наконец, экономическая ситуация в Приднестровье и беспрецедентное давление на ПМР со стороны Молдовы и Украины является одной из составляющих кризиса вокруг Украины, то есть одним из сюжетов специальной военной операции. И по этой причине рассматриваемую проблему следует оценивать как серьезнейший вызов и для Приднестровья, и для России.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении внутренней политической дискуссии в Тирасполе по вопросам

ISSN 2686-7648

внешнего курса, а также в анализе долгосрочных социальных последствий экономической изоляции для населения Приднестровья в условиях кризиса в Восточной Европе.

Литература

Бабченко 2022 – *Бабченко М.С.* Влияние внешнеполитического фактора на инвестиционный климат Приднестровья // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 4 (44). С. 310–318. DOI: 10.35775/PSI.2022.44.4.002

Бурла 2020 – *Бурла М.П.* Становление государственности и социально-экономическое развитие Приднестровской Молдавской Республики // Экономика Приднестровья. 2020. № 7–8. С. 36–65.

Бурла 2022 – *Бурла М.П.* Состояние, проблемы и перспективы развития внешнеэкономических связей Приднестровья // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2–3 ноября 2022 г. Донецк: Донецкая академия управления и гос. службы при Главе Донецкой Народной Республики, 2022. С. 268–273.

Бурла 2023 – *Бурла М.П.* Особенности внешнеэкономического взаимодействия Приднестровья и России // LXXVI Герценовские чтения. География: развитие науки и образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 т. Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2023 г. Т. II. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2023. С. 125–130.

Греку 2021 – *Греку М.С.* Условия участия Приднестровья в углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA) // E-Scio. 2021. № 1 (52). С. 624–631. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-uchastiya-pridnestrovya-v-uglublyonnoy-i-vseobemlyuschey-zone-svobodnoy-torgovli-dcfta/viewer (дата обращения 26 июля 2026).

Смоленский, Толмачева 2016 – Проблемы обеспечения экономической безопасности Приднестровской Молдавской Республики: Материалы «круглого стола» / Отв. ред. Н.Н. Смоленский, И.В. Толмачева. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2016. 84 с.

Смоленский, Толмачева 2017 – Экономическая безопасность государства как один из важнейших факторов стратегического развития экономики Приднестровской Молдавской Республики: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 11 мая 2017 г. / Отв. ред. Н.Н. Смоленский, И.В. Толмачева. Т. 2. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2017. 184 с.

Харитонова 2023 – *Харитонова Н.И.* Расстановка сил в регионе приднестровского конфликта в контексте специальной военной операции России на Украине // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 2. С. 10–22. DOI: 10.28995/2686-7648-2023-2-10-22

Штански 2014 – Актуальные вопросы внешней политики Приднестровья (2012–2013 гг.): Евразийская интеграция, российско-приднестровские отношения, переговорный процесс, работа экспертных (рабочих) групп по мерам укрепления доверия и развитию взаимодействия / Под ред. Н.В. Штански. Вып. 1. Бендеры: Полиграфист, 2014. 142 с.

Штански и др. 2014 – *Штански Н.В., Паламарчук Д.Н., Камбур Д.Н.* Блокада Приднестровья: выживание вместо развития. Весь путь меж двух огней: аналитическая записка. Бендеры: Полиграфист, 2014. 49 с.

References

Babchenko, M.S. (2022), "The influence of the foreign policy factor on the investment climate of Pridnestrovie", *Evraziiskii soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii* [Eurasian Union: Issues of International Relations], vol. 11, no. 4 (44), pp. 310-318, doi: 10.35775/PSI.2022.44.4.002

Burla, M.P. (2020), "The Formation of statehood and socio-economic development of the Pridnestrovian Moldavian Republic", *Ekonomika Pridnestrov'ya* [Economy of Transnistria], no. 7–8, pp. 36–65.

Burla, M.P. (2022), "The state, problems and prospects of development of foreign economic relations of Pridnestrovie", in *Upravlenie strategicheskim razvitiem osnovnykh sfer i otraslei narodnogo khozyaistva v usloviyakh sovremennykh vyzovov: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Donetsk, 2–3 noyabrya 2022 g.* [Managing the strategic development of key sectors and industries of the national economy amidst modern challenges: Proceedings of the international scientific and practical conference, Donetsk, November 2–3, 2022], Donetskaya akademiya upravleniya i gosudarstvennoi sluzhby pri Glave Donetskoi Narodnoi Respubliki, Donetsk, Russia, pp. 268–273.

Burla, M.P. (2023), "Features of foreign economic cooperation of Pridnestrovie and Russia", in *76 Gertsenovskie chteniya. Geografiya: razvitie nauki i obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 2 t., Sankt-Peterburg, 19–21 aprelya 2023 g., t. 2* [76th Herzen readings, Geography: development of science and education: Proceedings of the international scientific and practical conference, in 2 vols, Saint Petersburg, April 19–21, 2023, vol. 2], Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, Saint Peterburg, Russia, pp. 125–130.

Greku, M.S. (2021), "Conditions for Transnistria's Participation in the Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA)", *E-Scio*, no. 1 (52), available at: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-uchastiya-pridnestrovya-v-uglublyonnoy-i-vseobemlyuschey-zone-svobodnoy-torgovli-dcfta/viewer (Accessed July 26, 2026).

Kharitonova, N.I. (2023), "Alignment of forces in the region of the Transnistrian conflict in the context of Russia's special military operation in Ukraine", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*, no. 2, pp. 10–22, DOI: 10.28995/2686-7648-2023-2-10-22

Shtanski, N.V., Palamarchuk, D.N. and Kambur, D.N. (2014), *Blokada Pridnestrov'ya: vyzhivanie vmesto razvitiya. Ves' put' mezhdu dvukh ognei:*

ISSN 2686-7648

analiticheskaya zapiska [The Blockade of Transnistria: survival instead of development, The entire path between two fires: an analytical note], Poligrafist, Bendery, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Shtanski, N.V. (ed.) (2014), *Aktual'nye voprosy vneshnei politiki Pridnestrov'ya (2012–2013 gg.): Evraziiskaya integratsiya, rossiisko-pridnestrovskie otnosheniya, peregovornyi protsess, rabota ekspertnykh (rabochikh) grupp po meram ukrepleniya doveriya i razvitiyu vzaimodeistviya, vyp. 1* [Current issues of foreign policy of Transnistria (2012–2013): Eurasian integration, Russian-Transnistrian relations, negotiation process, work of expert (working) groups on measures to strengthen confidence and develop interaction, is. 1], Poligrafist, Bendery, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Smolenskii, N.N. and Tolmacheva, I.V. (eds.) (2016), *Problemy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki: Materialy "kruglogo stola"* [Problems of ensuring the economic security of the Pridnestrovian Moldavian Republic: Roundtable Proceedings], Pridnestrovskii gosudarstvennyi universitet im. T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Smolenskii, N.N. and Tolmacheva, I.V. (eds.) (2017), *Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva kak odin iz vazhneishikh faktorov strategicheskogo razvitiya ekonomiki Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tiraspol', 11 maya 2017 g., t. 2* [The Economic security of the state as one of the key factors in the strategic economic development of the Pridnestrovian Moldavian Republic: Proceedings of the International scientific and practical conference, Tiraspol, May 11, 2017, vol. 2], Pridnestrovskii gosudarstvennyi universitet im. T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Информация об авторах

Наталья И. Харитонова, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; natahari@yandex.ru

Марина С. Бабченко, Институт развития образования и повышения квалификации, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика; 3300, Приднестровская Молдавская Республика, Тирасполь, ул. Краснодонская, д. 31/2; ssbck@mail.ru

Information about the authors

Natalia I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Politics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; natahari@yandex.ru

Marina S. Babchenko, Institute of Education Development and Advanced Training, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic; bld. 31/2, Krasnodonskaya Street, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic, 3300; ssbck@mail.ru

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-59-77

Развитие торгово-экономического сотрудничества Украины и КНР в 2014–2022 гг.

Антон Д. Прудников

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, antonyus97@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие экономических связей между Украиной и Китайской Народной Республикой в 2014–2022 гг. Автор отмечает, что при Викторе Януковиче Китай стал одним из ключевых торговых партнеров Украины, были подписаны договоренности о реализации на территории Украины крупных инфраструктурных проектов, официальный Киев согласился участвовать в китайской инициативе «Один пояс – один путь». Однако, как показано в исследовании, насильственная смена власти на Украине в 2014 г. оказала негативное влияние на дальнейшее двустороннее сотрудничество. Снизился объем украинско-китайской торговли, многие совместные инвестиционные проекты были заморожены. Хотя Украина полностью не отказывалась от сотрудничества с Китайской Народной Республикой, важную роль в постепенной деградации китайско-украинских экономических связей, по мнению автора, сыграли США, которые не заинтересованы в усилении влияния Китая на Украине. В частности, в статье подробно анализируется скандальная ситуация вокруг украинского предприятия «Мотор Сич» и ареста акций китайских инвесторов украинским правительством при Владимире Зеленском под давлением американских представителей. Как итог, будущее торгово-экономических отношений стран находится под вопросом, а участие Украины в интеграционном проекте «Один пояс – один путь» в настоящее время свелось к минимуму.

Ключевые слова: Украина, Китай, сотрудничество, экономика, торговля, инвестиции, проекты, инфраструктура, «Один пояс – один путь», украинский кризис, США, «Мотор Сич»

ISSN 2686-7648

© Прудников А.Д., 2026

Для цитирования: Прудников А.Д. Развитие торгово-экономического сотрудничества Украины и КНР в 2014–2022 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 59–77. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-59-77

Development of trade and economic cooperation between Ukraine and the People's Republicof China in 2014–2022

Anton D. Prudnikov
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, antonyus97@mail.ru

Abstact. This article examines the development of economic ties between Ukraine and the People's Republic of China in 2014–2022. The author notes that under Viktor Yanukovych, China became one of Ukraine's key trading partners; agreements were signed to implement major infrastructure projects in Ukraine, and the Ukrainian government agreed to participate in China's "Belt and Road" initiative. However, as the study shows, the violent change of power in Ukraine in 2014 had a negative impact on further bilateral cooperation. The volume of Ukrainian-Chinese trade declined, and many joint investment projects were put on hold. Although Ukraine did not completely abandon cooperation with the People's Republic of China, the author argues that the United States – which has no interest in strengthening China's influence in Ukraine – played a significant role in the gradual deterioration of Sino-Ukrainian economic ties. In particular, the article provides a detailed analysis of the scandalous situation surrounding the Ukrainian company "Motor Sich" and the seizure of Chinese investors' shares by the Ukrainian government under Vladimir Zelenskii, under pressure from U.S. officials. As a result, the future of trade and economic relations between the two countries is in question, and Ukraine's participation in the "Belt and Road" initiative has now been reduced to a minimum.

Keywords: Ukraine, China, cooperation, economy, trade, investments, projects, infrastructure, Belt and Road Initiative, Ukrainian crisis, USA, Motor Sich

For citation: Prudnikov, A.D. (2026), "Development of trade and economic cooperation between Ukraine and the People's Republic of China in 2014–2022", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 59–77, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-59-77

Хотя официальные дипломатические отношения между Украиной и Китаем были установлены уже в 1992 г., до начала 2010-х гг. страны не играли значимой роли во внешней политике друг друга. Украина в этот период (1992–2009 гг.) стремилась наладить отношения с Западом, параллельно развивая взаимодействие с Россией. Например, анализ закона Верховной рады о внешней политике 1993 г. показывает, что именно Запад и Россия были обозначены в качестве ключевых направлений внешней политики Украины в соответствующем разделе. Китай упоминался лишь коротко среди других стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)[1]. КНР в 1990–2000-е гг. также не проявляла серьезного интереса к Украине. Для нее приоритетом в постсоветском регионе в этот период были отношения с Россией и со странами Центральной Азии.

Кроме того, общий климат китайско-украинских отношений был подпорчен не вполне дальновидными действиями Киева, когда в 1996 и 2005 гг. украинские представители пытались установить контакты с официальными представителями Тайваня, что, разумеется, вызвало резкую реакцию в Пекине.

Только в 2010–2013 гг. отношения Украины и КНР вышли на новый уровень, особенно если рассматривать торгово-экономическую сферу. Об этом свидетельствовали как официальные заявления обеих сторон, так и общая динамика экономического сотрудничества в данный период. Был подписан соответствующий договор о переходе отношений на уровень стратегического партнерства[2]. Однако государственный переворот, произошедший в Киеве в 2014 г., оказал кардинальное влияние на всю внутреннюю и внешнюю политику Украины.

При этом ключевой исследовательский вопрос в данном случае состоит в том, какое влияние оказывала евроинтеграционная политика Украины и полная переориентация украинской экономики на Запад с 2014 г. на сотрудничество с КНР в торгово-экономической сфере.

Почему же изучение украинско-китайских отношений представляет интерес сегодня? На это есть несколько причин.

С нашей точки зрения, исследование двустороннего взаимодействия Украины и Китая представляется крайне интересным, поскольку ранее, при Викторе Януковиче, страны заключили ряд

---

[1] Постанова Верховної Ради України Про Основні напрями зовнішньої політики України 1993 // Конституанта. URL: https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1993_16.html (дата обращения 5 июля 2026).

[2] Виктор Янукович и Ху Цзиньтао подписали декларацию о партнерстве // Коммерсантъ. 2011. 20 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1747621 (дата обращения 5 июля 2026).

ISSN 2686-7648

соглашений о реализации на территории Украины крупных инвестиционных проектов, в этот период активно рос объем двусторонней торговли, а в 2019 г. в связи с потерей российского рынка Китай стал главным торговым партнером Украины.

С 2014 г. Украине было необходимо как-то компенсировать издержки евроинтеграционного курса: радикальный разрыв с Россией и поворот на Запад привели к серьезным потерям для украинской экономики. В этом контексте китайские ресурсы представляли для новой киевской власти значительный интерес. Судя по заявлениям ее представителей, Китай по-прежнему рассматривался Украиной в качестве перспективного партнера. Насколько данные заявления соответствовали реальности – вот главный вопрос, на который призвана ответить настоящая статья.

Несмотря на то что российские ученые долгие годы активно занимаются изучением внешней политики Украины, ее азиатское направление, в особенности если говорить об украинско-китайском сотрудничестве, пока не получило должного освещения в историографии [Прудников 2022].

Исследованию украинско-китайских связей посвящен ряд работ таких российских специалистов, как К.П. Курылев [Курылев 2016], Д.В. Станис [Курылев, Станис 2019], А.Ч. Мокрецкий [Мокрецкий 2013], Д.К. Бабаян [Бабаян 2016], Е.Г. Алпеева [Алпеева 2020] и др. Однако большая часть этих исследований либо носит общий характер, либо посвящена сотрудничеству Украины и КНР в начале 2010-х гг., а вопросы торгово-экономического взаимодействия сторон с 2014 г. затрагивает в меньшей степени.

Среди украинских исследований по этой теме следует выделить, например, крупную монографию под редакцией О.М. Олейника, посвященную отношениям Украины и Китая в 1992–2018 гг. [Олійник 2018]. В работе действительно собран интересный материал, касающийся китайско-украинских проектов времен Виктора Януковича. Однако, во-первых, верхняя граница исследования ограничивается 2018 г., поэтому из поля зрения автора выпали последующие важные для двусторонних отношений события. Во-вторых, данная работа, как и большинство современных украинских исследований внешней политики, к огромному сожалению, не лишена характерных для официального Киева искажений и заблуждений относительно интерпретации событий 2014 г. Это, разумеется, ведет к неизбежному снижению качества выводов, особенно в той части, где как раз говорится о развитии украинско-китайских отношений после государственного переворота 2014 г.

Китайские исследователи более подробно анализируют развитие проекта «Пояс и путь» в целом, непосредственно Украина не

всегда находится в центре внимания исследователей из КНР [Tang et al. 2017].

Наконец, западные ученые рассматривают экономические связи Украины и КНР прежде всего в контексте общего расширения деятельности китайского бизнеса в странах Восточной Европы в последние десятилетия. Их интересует в первую очередь торгово-экономическое сотрудничество сторон в 2010–2013 гг. [Rousseau 2012].

Таким образом, проблематикой китайско-украинского взаимодействия занимаются как отечественные, так и иностранные авторы. При этом экономический аспект отношений КНР и Украины в 2014–2022 гг. пока, к сожалению, не получил качественного системного изучения в работах российских и зарубежных ученых. В особенности интерес представляет анализ участия Украины в ключевом китайском международном проекте «Один пояс – один путь», что, на наш взгляд, является своеобразным маркером реального уровня экономического сотрудничества Украины и Китая, учитывая тот факт, что китайское руководство придает стратегическое значение данной инициативе.

В начале 2010-х гг. Китай стал ключевым торгово-экономическим партнером Украины в АТР, двусторонний товарооборот существенно вырос за эти годы [Заєць и др. 2014], страны подписали ряд важных документов о развитии политического и экономического сотрудничества. Все это стало следствием не только интереса Китая к украинской территории в контексте расширения экономического влияния КНР в Восточной Европе, но и того, что сами украинские официальные лица рассматривали Пекин в качестве одного из ключевых партнеров в Евразии[3].

Накануне событий 2014 г. стороны планировали совместно развивать инфраструктуру, энергетику и сельское хозяйство Украины, в особенности ее восточных и юго-восточных регионов, территории Крыма, к которому китайцы проявляли повышенный интерес. Согласно украинским источникам, на реализацию данных проектов Китай планировал потратить более 20 млрд долл. [Олійник 2018, с. 234]. Для украинской экономики данная сумма была существенной. Таким образом планировалось интегрировать Украину в проект «Один пояс – один путь». О поддержке Киевом этой инициативы заявил Виктор Янукович во время своего визита

[3] *Грищенко К.* Стратегическое равновесие как шанс Украины в многополярном мире // Зеркало недели. 2012. 9 марта. URL: https://web.archive.org/web/20151224104702/http://gazeta.zn.ua/POLITICS/strategicheskoe_ravnovesie_kak_shans_ukrainy_v_mnogopolyarnom_mire.html (дата обращения 5 июля 2026).

ISSN 2686-7648

в Китай в декабре 2013 г.[4] Интересно, что Янукович совершил визит в Китай тогда, когда сама Украина находилась в глубоком политическом и экономическом кризисе. Скорее всего, украинский президент рассчитывал на поддержку Пекина в этой непростой ситуации, видел китайское направление в качестве одного из основных приоритетов внешней политики Украины в будущем.

В подтверждение этого в конце 2013 г. в СМИ появилась информация о возможном предоставлении Украине китайского кредита на сумму около 10 млрд долл., а сам Виктор Янукович перед отъездом заявил, что поездка станет «важной для отечественной экономики». В китайском МИД также отметили, что в КНР придают серьезное значение отношениям с Украиной и рассчитывают укрепить двусторонний диалог в ближайшие годы[5].

Однако в начале 2014 г. законный президент Украины был свергнут, к власти пришли националисты-радикалы, которые полностью переформатировали внешнюю политику Киева. Тем не менее поначалу Украина и Китай уверяли друг друга, что текущие политические события не затронут планы двух стран в торгово-экономической сфере[6]. Вместе с тем необходимо отметить, что Китай занял достаточно сбалансированную и взвешенную позицию в украинском вопросе, которая не вполне устраивала официальный Киев. Так, например, в марте 2014 г. Китай не поддержал в ООН резолюцию США, которая осуждала действия России в Крыму, приняв решение воздержаться при голосовании[7]. Подобная позиция не устраивала Киев, который, судя по заявлениям украинских дипломатов, рассчитывал на поддержку Китая в этом вопросе. В целом внешнеполитический курс Украины все больше смещался в сторону Запада [Прудников 2021].

Как следствие, торгово-экономическое сотрудничество двух государств замедлилось. Объемы торговли в 2014 г. упали до 8,1 млрд

---

[4] *Ильин И.,* Орлов А. За целковый как шелковый // Газета.ru. 2013. 5 декабря. URL: https://www.gazeta.ru/business/2013/12/05/5785109.shtml (дата обращения 5 июля 2026).

[5] *Кузнецова О.* Виктор Янукович поддержал воссоздание Великого шелкового пути // Коммерсантъ. 2013. 5 декабря. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2360674 (дата обращения 5 июля 2026).

[6] Посол України в Китаї: новий президент добре розуміє Китай // Посольство України в КНР. 2014. 2 червня. URL: https://china.mfa.gov.ua/news/2991-posol-ukrajini-v-kitaji-novij-prezident-dobre-rozumije-kitaj (дата обращения 5 июля 2026).

[7] Голосование в ООН: Китай воздержался, и в этом его позиция (Хуаньцю шибао, Китай) // ИноСМИ. 2014. 18 марта. URL: https://inosmi.ru/20140318/218703056.html (дата обращения 5 июля 2026).

долл.[8] (в то время как при Викторе Януковиче двусторонний товарооборот достигал 10 млрд долл.[9]), а в 2016 г. – уже до 6 млрд долл. При этом масштабы коммерческого взаимодействия сократились как в целом (в общем объеме), так и по отдельным видам товаров (например, это в полной мере коснулось сельскохозяйственной продукции)[10].

По данным министерства коммерции КНР, общий объем китайских инвестиций, поступавших в украинскую экономику в первые постмайданные годы, свелся к минимуму. Теперь речь могла идти всего лишь о нескольких десятках миллионов долларов, что в масштабах сотрудничества между крупными государствами было смехотворной суммой[11].

Политический хаос в Киеве и общая коррумпированность украинской системы привели к тому, что под угрозой срыва оказалось большинство согласованных ранее совместных проектов. Например, возникли проблемы с поставками сельскохозяйственной продукции Украины в Китай[12]. В частности, в конце 2012 г. Украина подписала с Китаем соглашение, согласно которому Поднебесная выделяла Украине кредит на 3 млрд долл. На 1,5 млрд Украина должна была в течение пятнадцати лет поставлять в Китай зерно, еще 1,5 млрд Киев мог тратить на инфраструктурные проекты, связанные с развитием собственного агропромышленного комплекса (АПК). Обеспечение поставок зерна в Китай украинская сторона возложила на Государственную продовольственно-зерновую корпорацию (ГПЗКУ), которая заключила соответствующие договоренности с китайскими бизнесменами. Однако в конце 2014 г. китайские представители обвинили украинскую сторону в нарушении графика поставок. Письмо с претензиями было адресовано премьер-министру Украины Арсению Яценюку. Украине грозили

---

[8] Географічна структура зовнішньої торгівлі товарами за 2014 рік // Державна служба статистики України. URL: http://ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2014/zd/ztt/ztt_u/ztt1314_u.htm (дата обращения 15 июля 2026).

[9] Географічна структура зовнішньої торгівлі товарами за 2013 рік // Державна служба статистики України. URL: http://ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2013/zd/ztt/ztt_u/ztt1213_u.htm (дата обращения 15 июля 2026).

[10] *Коваль О.* Експорт до Китаю як по маслу // ZN.ua. 11 серпня. 2017. URL: https://zn.ua/ukr/macrolevel/eksport-do-kitayu-yak-po-maslu-250975_.html (дата обращения 15 июля 2026).

[11] *Хуейжун Ч.* Поточний стан і перспективи китайсько-українських торгово-економічних відносин // Українська асоціація китаєзнавців. 2018. URL: https://sinologist.com.ua/chzhao-huejzhun-potochnyj-stan-perspektyvy-kytajsko-ukrayinskyh-torgovo-ekonomichnyh-vidnosyn/ (дата обращения 15 июля 2026).

[12] *Коваль О.* Указ. соч.

ISSN 2686-7648

серьезные финансовые санкции[13]. В дальнейшем сторонам удалось урегулировать свои разногласия [Пономарева, Анохина 2014]. Однако данная ситуация все-таки отрицательно повлияла на репутацию Украины в глазах китайского бизнеса. Скорее всего, поэтому и не был реализован проект по аренде Китаем украинской земли для развития сельского хозяйства, который так и остался лишь на бумаге (хотя в конце 2013 г. СМИ писали о подобных договоренностях[14]).

Другим важным негативным фактором, которые не позволил сторонам в полной мере реализовать достигнутые ранее договоренности, стала потеря Украиной контроля над теми регионами, где китайские инвесторы планировали развивать транспортную и портовую инфраструктуру. Речь идет о Крыме и тех территориях юго-востока, где в 2014 г. начались боевые действия.

Так, еще в конце 2013 г. сообщалось, что Украина предоставит Китаю часть территории Крыма для создания так называемой Крымской зоны экономического развития. Там планировалось построить глубоководный порт (территория в районе Евпатории), новый аэропорт, верфи, нефтеперерабатывающий завод, терминал для сжиженного природного газа, учебные центры, пляжи и зоны отдыха. Официальный печатный орган КНР «Жэньминь жибао» сообщал, что строительство порта в Крыму рассматривалось Китаем в рамках развития проекта «Пояс и путь», поскольку позволило бы существенно сократить торговый маршрут в Европу[15]. Однако к лету 2014 г. стало известно, что данные планы не будут реализованы[16]. Не было ясности и относительно остальных двусторонних инициатив.

Однако украинская экономика по-прежнему нуждалась в доступных кредитах, а украинские производители – в рынках сбыта своей продукции. Поэтому в начале 2017 г. Петр Порошенко заявил о необходимости возобновления политического и эко-

---

[13] *Самохвалова Л.* Зірваний контракт: Китай не жартує // Укрінформ. 2014. 29 листопада. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-other_news/1733851-zirvaniy_kontrakt_kitay_ne_gartue__1996481.html (дата обращения 15 июля 2026).

[14] *Храмчихин А.* Кому достанутся украинские земли? // Независимая газета. 22 2019. ноября. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2019-11-22/12_1071_ukraine.html (дата обращения 15 июля 2026).

[15] *Башкатова А.* Китайцы приступают к освоению Крыма // Независимая газета. 2013. 9 декабря. URL: https://www.ng.ru/economics/2013-12-09/1_china.html (дата обращения 15 июля 2026).

[16] Китай открестился от переговоров по строительству в Крыму порта // События Крыма. 2014. 31 мая. URL: http://www.sobytiya.info/news/14/41550 (дата обращения 15 июля 2026).

номического диалога по различным вопросам[17], а также о заинтересованности Украины в развитии отношений стратегического партнерства с Китаем. Украинский президент также отметил важность новых государственных визитов и возобновления диалога на высшем уровне, в частности призвал китайского лидера побывать на Украине[18]. Однако в период 2014–2018 гг. этого не произошло. Сам Порошенко также ни разу не посетил Китай. Таким образом, торгово-экономическое сотрудничество Украины и КНР продолжало стагнировать.

С приходом к власти Владимира Зеленского в 2019 г. разговоры о возможной активизации украинско-китайского сотрудничества возобновились. После победы на выборах новый президент сделал китайской стороне несколько комплиментов, назвал Китай одним из ключевых партнеров Украины, а также выразил надежду на то, что в его правление двусторонние отношения смогут выйти на качественно новый уровень. Речь в том числе шла о возможности наращивания китайских инвестиций в украинскую экономику и об участии Украины в инициативе «Один пояс – один путь»[19]. В некоторых публикациях отмечалось, что в окружении Владимира Зеленского даже начались разговоры о так называемом «повороте на Восток», под которым подразумевались прежде всего более тесные отношения с Китаем[20]. Во многом это было связано с определенным разочарованием украинской элиты в отношениях с Западом и в отсутствии перспектив евроинтеграции.

В целом статистика показывает, что в первые годы правления Владимира Зеленского действительно наблюдалась определенная активизация торгово-экономических связей между Украиной и КНР.

---

[17] *Грейс Є.* Порошенко домовився з главою Китаю про активізацію співпраці // Hromadske. 2017. 17 січня. URL: https://hromadske.ua/posts/poroshenko-domovyvsia-pro-aktyvizatsiiu-spivpratsi-z-hlavoiu-kytaiu (дата обращения 15 июля 2026).

[18] Порошенко висловив сподівання на розвиток стратегічного партнерства з Китаєм // Укрінформ. 2017. 4 січня. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2150814-porosenko-visloviv-spodivanna-na-rozvitok-startegicnogo-partnerstva-z-kitaem.html (дата обращения 15 июля 2026).

[19] Эксклюзив: Украина хочет развивать отношения стратегического партнерства с КНР – В. Зеленский // СИНЬХУА Новости. 2020. 10 октября. URL: https://russian.news.cn/2020-10/01/c_139411590.htm (дата обращения 15 июля 2026).

[20] *Ерман Г.* «Східний розворот» Зеленського. Чи стає Україна залежною від Китаю? // BBC. 2021. 31 липня. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/features-57958478 (дата обращения 15 июля 2026).

ISSN 2686-7648

С 2019 г. Китай стал самым крупным торговым партнером Украины среди всех стран мира. В 2020 г. суммарный украинско-китайский товарооборот составил чуть более 15 млрд долл. Экспорт Украины в Китай в том же 2020 г. достиг почти 7,1 млрд долл. (14,5% от общего объема украинского экспорта), импорт – 8,3 млрд долл. (15,3% от общего объема импорта на Украину). Для сравнения: в том же году в Польшу Украина экспортировала товаров на 3,3 млрд долл. (6,7% от общего объема), в Россию – 2,7 млрд (5,5%), в Германию – 2,1 млрд (4,3%), в Индию – 2 млрд (4,2%). Импорт из Германии на Украину находился на уровне 5,3 млрд долларов (9,8%), из России – 4,5 млрд (8,3%), из Польши – 4,1 млрд (7,5%), из Италии – 2,1 млрд (3,9%)[21].

Согласно данным Государственной таможенной службы Украины, приводившимся в украинских СМИ, объем торговли Украины и Китая в 2021 г. вырос почти до 19 млрд долл. Экспорт Украины в Китай составил около 8 млрд долл., а импорт – почти 11 млрд долл.[22] При этом рост наблюдался как в целом, так и по отдельным категориям товаров. В частности, по данным украинской стороны, в 2021 г. выросли объемы украинско-китайского обмена продукцией агропромышленного комплекса (АПК)[23].

При этом официальные представители КНР ожидали еще более внушительного роста товарооборота с Украиной в ближайшие годы. Например, советник по торгово-экономическим вопросам посольства КНР на Украине Лю Цзюнь в интервью украинским журналистам в марте 2020 г. отметил, что он рассчитывает на увеличение масштабов торгово-экономического взаимодействия до 20 млрд долл.[24] Кроме того, китайские источники фиксировали некоторый рост инвестиций в украинскую экономику в последние годы (фигурировала сумма в 300 млн долл.)[25].

---

[21] Ерман Г. «Східний розворот»...

[22] Експорт та імпорт збільшилися більш ніж на третину 2021 році – Держмитслужба // Порти України. URL: https://ports.ua/eksport-ta-import-zbilshilisya-bilsh-nizh-na-tretinu-2021-roczi-derzhmitsluzhba/ (дата обращения 15 июля 2026).

[23] Україна та КНР поглиблюватимуть співпрацю у галузі сільського господарства // MilkUA.info. 2021. 24 червня. URL: http://milkua.info/uk/post/ukraina-ta-knr-poglibluvatimut-spivpracu-u-galuzi-silskogo-gospodarstva (дата обращения 15 июля 2026).

[24] Китайские инвестиции в экономику Украины за 5 лет составили 300 млн долларов // InVenture. 2020. 11 марта. URL: https://inventure.com.ua/analytics/formula/kitajskie-investicii-v-ekonomiku-ukrainy-za-5-let-sostavili-300-mln-dollarov (дата обращения 15 июля 2026).

[25] *Тишкевич І.* Українсько-китайські відносини: що означає нове перезавантаження // Український інститут майбутнього. 2021. 21 июля.

Однако ключевым событием в отношениях Пекина и Киева стала покупка китайскими бизнесменами украинского стратегического предприятия «Мотор Сич» и связанные с этим обстоятельства.

«Мотор Сич» – крупное украинское предприятие по производству, модернизации и ремонту двигателей для самолетов и вертолетов. Впервые о сделке с китайцами стало известно еще при Петре Порошенко: в 2016 г. в СМИ появилась информация о продаже акций предприятия китайским компаниям. Технологии «Мотор Сич» представляют интерес для Китая, поскольку Пекин стремится стать независимым от других стран в производстве авиадвигателей, а китайская гражданская и военная авиация в последние годы интенсивно развиваются[26]. Интересно, что, по данным украинских экспертов, к моменту вложения китайскими бизнесменами денег в «Мотор Сич» его доходы рухнули почти на треть, что поставило предприятие на грань полного банкротства. Поэтому его владельцы изыскивали необходимые средства, которые и предоставил Китай[27].

Все указывает на то, что обеими сторонами данная сделка рассматривалась не просто как разовая акция по продаже украинских технологий в КНР, а в контексте дальнейшего расширения китайско-украинских экономических связей. Так, в мае 2017 г. министр экономического развития и торговли Украины Степан Кубив заявил о создании в китайском Чунцине совместного предприятия «Мотор Сич» и компании Skyrizon из КНР, которое будет производить авиационные двигатели и газотурбинные установки. Однако вскоре на «Мотор Сич» прошли обыски, и украинский суд наложил арест на акции, которые приобрели китайские бизнесмены. В июле 2019 г. антимонопольный комитет Украины начал рассмотрение дела о законности сделки[28].

URL: https://uifuture.org/publications/ukrayinsko-kytajski-vidnosyny-shho-oznachaye-nove-perezavantazhennya/ (дата обращения 15 июля 2026).

[26] Справа Мотор Січі. Чому китайські компанії хочуть стягнути $3,5 млрд з України // BBC. 2021. 1 лютого. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/features-55885052 (дата обращения 15 июля 2026).

[27] Украину ждет китайское возмездие за санкции против Пекина – эксперт // ANNA-News. 2021. 10 февраля. URL: https://anna-news.info/ukrainu-zhdyot-kitajskoe-vozmezdie-za-sanktsii-protiv-pekina-ekspert/ (дата обращения 15 июля 2026).

[28] Солонина Є., Назарова Є. Пристрасті навколо «Мотор Січі»: китайський інвестор, американський чинник, український олігарх і державна таємниця // Радіо Свобода*. 2020. 7 серпня. URL: https://www.radiosvoboda.org/a/motor-sich/30770246.html (дата обращения 15 июля 2026).

* Радио «Свободная Европа / Радио «Свобода» имеет в России статус нежелательной организации и статус иностранного агента.

ISSN 2686-7648

По всей видимости, решение о приостановке сделки было принято не без участия США. В 2019 г. Украину неоднократно посещали официальные лица этой страны и представители американского бизнеса. Советник главы Белого дома Джон Болтон во время визита в Киев в августе 2019 г. без обиняков заявил, что ситуация, сложившаяся вокруг предприятия «Мотор Сич», – это «вопрос, который является важным как для Украины, так и для США»[29]. На деле США сами стремились получить контроль над стратегически важным оборонным предприятием и не допустить углубления инвестиционного сотрудничества Украины и КНР. Это фактически признал временный поверенный в делах США на Украине Уильям Тейлор в декабре 2019 г. Он признал, что США рассматривают в том числе возможность покупки предприятия, чтобы оно не досталось Китаю[30].

Так или иначе, скандал перешел на международный уровень и оказал существенное влияние на отношения Украины и КНР. Сначала официальный Пекин выразил несогласие с действиями Вашингтона[31], а затем в 2020 г. китайские инвесторы «Мотор Сич» подали на Украину в международный суд. Сообщалось, что сумма иска доходила до 3,5 млрд долл.[32]

Однако в начале 2021 г. Владимир Зеленский своим указом ввел санкции против китайских держателей акций «Мотор Сич» (как физических, так и юридических лиц, участвовавших в покупке предприятия[33]), что существенно ограничило возможности их экономической деятельности на Украине, а Совет национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) начал процесс национализации предприятия. Данные действия украинских властей получили жесткую критику со стороны МИД КНР, который требо-

---

[29] *Солонина Є., Назарова Є.* Указ. соч.

[30] «Серйозні американські» компанії вивчають купівлю «Мотор Січі» – Тейлор // Радіо Свобода Україна*. 2019. 27 грудня. URL: https://www.radiosvoboda.org/a/news-motor-sich-amerykanski-kompanii-taylor/30347064.html (дата обращения 15 июля 2026).

* «Радіо Свобода Україна» имеет в России статус нежелательной организации и статус иностранного агента.

[31] Китайский посол призвал США не вмешиваться в отношения КНР и Украины // РИА Новости. 2019. 31 августа. URL: https://ria.ru/20190831/1558102454.html (дата обращения 15 июля 2026).

[32] *Белкина О.* В пасти дракона: почему китайцы намерены засудить Украину // Известия. 2020. 12 декабря. URL: https://iz.ru/1098355/aleksandr-sidorov/v-pasti-drakona-pochemu-kitaitcy-namereny-zasudit-ukrainu (дата обращения 15 июля 2026).

[33] Украину ждет китайское возмездие...

вал от Украины не политизировать коммерческие связи двух стран в угоду чужим интересам[34].

Недовольство Китая действиями Украины проявилось, например, в том, что в марте 2021 г. Крым посетили представители бизнес-сообщества КНР с целью получения информации о возможностях ведения дел на полуострове. Хотя официальные лица КНР настаивали на том, что данный визит носит исключительно деловой характер, в Верховной Раде Украины расценили его как намек на возможность изменения Пекином своей нейтральной позиции по Крыму в будущем, если в Киеве не прекратят преследовать китайских инвесторов[35].

Также появилась информация о введении китайским руководством ограничений на поставку в КНР продукции украинского агросектора и металлургии[36]. По данным самих украинских экспертов, разрыв с Китаем грозит Украине серьезными потерями[37]. В частности, такое решение КНР нанесет серьезный удар по экономике страны в ближайшие годы, так как сбывать такое количество товаров будет просто некому: у ЕС и США свои партнеры и рынки сбыта. В качестве альтернативы Украина может предпринять попытку прорваться на ближневосточный рынок, но там встретится с довольно жесткими конкурентами в лице США, ЕС, России, Турции и Канады. Китай же с легкостью найдет нового торгового партнера для поставок необходимого объема продовольствия, поскольку украинский экспорт в Китай представляет собой в основном легкозаменяемое сырье[38].

Как представляется, в подобных условиях вряд ли может идти речь о развитии взаимовыгодного сотрудничества между Украиной и Китаем. В последние годы мы больше не слышим о возможном визите украинского лидера в Китай, а китайского –

---

[34] *Ерман Г.* «Східний розворот»...

[35] *Михайлова Л.* На Украине рассказали об изменении позиции Китая по Крыму // Lenta.ru. 2021. 15 марта. URL: https://lenta.ru/news/2021/03/15/motorsich/ (дата обращения 15 июля 2026).

[36] *Карамазов В.* Китай вводит масштабные санкции против Украины // Новый день. 2021. 5 февраля. URL: https://newdaynews.ru/crimea/715630.html (дата обращения 20 июля 2026).

[37] Эксперт предрек украинской экономике «сильнейший удар» от Китая // Известия. 2021. 13 февраля. URL: https://iz.ru/1124410/2021-02-13/ekspert-predrek-ukrainskoi-ekonomike-silneishii-udar-ot-kitaia (дата обращения 20 июля 2026).

[38] *Семина И.* Китай вводит ответные санкции против Украины // TOPNews.RU. 5 февраля 2021. URL: https://www.topnews.ru/news_id_346677.html (дата обращения 20 июля 2026).

ISSN 2686-7648

на Украину. Контролируемая США (как показала ситуация с «Мотор Сич») политика Киева на китайском направлении вряд ли подразумевает его участие в любых проектах КНР в обозримой перспективе.

Встает вопрос также о том, насколько сама Украина готова к участию в таких инициативах, как «Один пояс – один путь». Еще довольно давно исследователи отмечали, что транспортировка товаров через территорию Украины характеризуется рядом проблем, включая, например, отсутствие развитой инфраструктуры [Курылев 2016]. Оценивая современную возможность Украины участвовать в проекте, нужно принять во внимание и российский фактор, а именно: важность для «Одного пояса – одного пути» России, учитывая хотя бы географию, а также, например, тот факт, что в свое время наша страна наряду с Китаем стала одним из основателей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), из средств которого в том числе и финансируется «Один пояс – один путь»[39]. Именно поэтому не увенчались успехом попытки Украины реализовать транспортный маршрут в обход территории России.

Сказывается и то, что СНГ перестало играть во внешней политике и экономике Украины существенную роль с 2014 г., а ведь тесное взаимодействие со странами Содружества (включая Центральную Азию) необходимо для полноценного участия в китайском проекте (как и в случае с Россией, большую роль здесь играет географический фактор). Также для Украины мог быть полезен опыт участия в китайском мегапроекте других постсоветских республик, имея в виду общие особенности стран СНГ, например, Республики Беларусь, которая активно наращивает сотрудничество с КНР в последние годы.

По состоянию на 29 мая 2026 г. Украины не было в списке более чем 100 стран, присоединившихся к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Хотя среди стран – членов банка были другие государства постсоветского пространства: Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан[40]. Согласно китайским исследованиям начала 2020-х гг., распределение финансовых средств в рамках проекта «Пояс и путь»

---

[39] Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2024. 5 марта. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/procie-universal-nye-organizacii/1936859/ (дата обращения 20 июля 2026).

[40] Members and Prospective Members of the Bank // AIIB – Asian Infrastructure Investment Bank. URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html (дата обращения 20 июля 2026).

практически не затрагивало Украину[41]. Информация о судьбе двусторонних многомиллиардных проектов времен Виктора Януковича ни в китайских, ни в украинских источниках не приводилась.

В связи с этим отметим, что современные украинские эксперты в целом достаточно сдержанно, если не сказать критически, оценивают перспективы сближения с Китаем, а китайский проект «Один пояс – один путь» все чаще рассматривают в негативном ключе. Если еще в 2015 г. они называли его «комплексным планом экономического развития целого ряда государств, который позволит создать стабильную и безопасную среду для развития не только западных районов Китая, но и всего центра Евразии»[42], то, например, в одном из экспертно-аналитических докладов за 2021 г. отмечается, что выгоды проекта «часто сомнительны», а «преимущество, предоставляемое китайским подрядчикам и работникам для осуществления проектов, уменьшает положительное влияние на местную экономику». Кроме того, по мнению авторов доклада, инвестиции в рамках проекта могут быть рычагом давления на Киев, чтобы он «примирился с Россией на невыгодных условиях для обеспечения эффективного функционирования транспортных коридоров»[43]. Хотя напомним, что Россия не являлась стороной конфликта на Донбассе до 2022 г. и не была в состоянии войны с Украиной в 2021 г.

Интересно, что в ряде украинских публикаций последних лет Китай обвиняется не только в связях с Россией (это как раз вполне предсказуемо, учитывая риторику официального Киева с 2014 г.), но и в якобы неоднократных угрозах в адрес самой Украины, а Украина при этом, «имея сильные аргументы, относительно недобропорядочности Китая, предпочитает отмалчиваться»[44]. В чем заключаются эти «сильные аргументы» и в чем состоит «недобропорядочность» Китая, остается только догадываться. Хотя, как показало проведенное исследование, именно Украина неоднократно проявляла себя крайне недобросовестным партнером в отношениях с Китаем.

---

[41] *Nedopil C.* China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2021. Green Finance and Development Center. Shanghai: FISF Fudan University, 2022. P. 17.

[42] *Поворозник В., Перебийніс В.* Проект «Один пояс – один шлях»: можливості для України. Київ: Міжнародний центр перспективних досліджень, 2015. С. 9

[43] *Горюнов Д., Прохоров Б., Сахно Г.* Китайський економічний слід в Україні: аналітична записка. Київ: Центр економічної стратегії, 2021. С. 37.

[44] Центр глобалістики «Стратегія XXI» Китай і Україна. Що під маскою у Сі Цзіньпіна // Главком. URL: https://glavcom.ua/world/world-politics/kitaj-i-ukrajina-shcho-pid-maskoju-u-si-dzinpina-1012196.html (дата обращения 20 июля 2026).

ISSN 2686-7648

В Стратегии национальной безопасности Украины, принятой в 2020 г., Китай не упоминался как стратегический партнер или просто партнер[45]. В утвержденной президентом в 2021 г. Стратегии внешней политики прослеживалась мысль о том, что более тесное сближение с Китаем может помешать евроинтеграции и евроатлантическому выбору, а также представлять угрозу национальной безопасности Украины[46].

Иными словами, в отличие от ЕС, НАТО и США Китай больше не занимает значимое место во внешней политике Украины.

Итак, как показано в исследовании, зависимость Киева от Запада с 2014 г. оказала крайне негативное влияние на весь спектр торгово-экономического сотрудничества Украины и Китая: от торговли до инвестиций. Активную роль в этом сыграли США. При этом понятно, что в условиях продолжающегося военного конфликта преждевременно делать какие-либо далекоидущие выводы, хотя уже сейчас ведутся активные дискуссии по поводу того, кто и в какой мере будет участвовать в послевоенном восстановлении Украины (речь, конечно, идет о тех территориях, которые останутся подконтрольны Киеву)[47]. Отметим в связи с этим, что китайское руководство и китайский бизнес руководствуются прежде всего своими национальными интересами и исключительно экономической выгодой. Поэтому, несмотря на прошлые обиды, если Китай выкажет серьезный интерес к восстановлению украинской экономики, в этом не будет ничего удивительного.

Вместе с тем, с точки зрения автора, многое теперь уже будет зависеть не столько от позиции самой Украины (как это было до 2014 г.), сколько от интересов ее западных спонсоров, поскольку, как показало проведенное исследование, к настоящему моменту это государство утратило какую-либо внешнеполитическую субъектность и самостоятельность в принятии решений, в том числе в отношениях со странами Азии.

---

[45] *Ерман Г.* «Східний розворот»...

[46] Рішення від 30 липня 2021 року Стратегія зовнішньополітичної діяльності України 2021 // ЛІГА:ЗАКОН. URL: https://ips.ligazakon.net/document/MUS35871 (дата обращения 21 июля 2026).

[47] *Сергеева С.* Европейские компании уже соревнуются за право принять участие в послевоенном восстановлении Украины – The New York Times // Октагон.Медиа. 2023. 16 февраля. URL: https://octagon.media/novosti/evropejsikie_kompanii_uzhe_sorevnuyutsya_za_pravo_prinyat_uchastie_v_poslevoennom_vosstanovlenii_ukrainy_the_new_york_times.html (дата обращения 21 июля 2026).

Благодарности

Публикация выполнена в соответствии с реализацией государственного задания по теме «Комплексные исследования процессов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы», код научной темы FSZG – 2024-0006.

Acknowledgements

This publication was prepared in accordance with the implementation of the state assignment on the topic "Comprehensive studies of processes in the countries of the Post-Soviet space, Central and Eastern Europe", scientific topic code FSZG – 2024–0006.

Литература

Алпеева 2020 – *Алпеева Е.Г.* Основные направления сотрудничества Украины и КНР // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 664–678.

Бабаян 2016 – *Бабаян Д.* Крымский контекст и стратегические интересы Китая // Свободная мысль. 2016. № 5 (1659). С. 143–152.

Курылев 2016 – *Курылев К.П.* Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» // Роль и место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Материалы Междунар. круглого стола молодых ученых: Сб. статей / Отв. ред. Д.А. Сидоров. М.: Дашков и К, 2016. С. 53–65.

Курылев, Станис 2019 – *Курылев К.П., Станис Д.В.* К вопросу об украинско-китайских отношениях // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 5. С. 1305–1312.

Мокрецкий 2013 – *Мокрецкий А.Ч.* Китайско-украинские отношения в свете концепции «стратегического равновесия» Украины // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. № 18. С. 232–253.

Пономарева, Анохина 2014 – *Пономарева И.С., Анохина А.В.* Основные направления сотрудничества Украины и КНР в экономической сфере // Гилея: научный вестник. 2014. № 90. С. 408–412.

Прудников 2021 – *Прудников А.Д.* Ключевые аспекты развития политических отношений между Украиной и КНР в 2014–2020 гг. // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 3. С. 7–14.

Прудников 2022 – *Прудников А.Д.* Развитие отношений Китая и Украины в российских исследованиях 2010-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 110–125.

ISSN 2686-7648

Заєць и др. 2014 – *Заєць М.А., Ван Тао, Захарченко О.В.* Українсько-китайські торгово-економічні відносини та їх вплив на логістичний розвиток // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: Економічні науки. 2014. Вип. 9 (1). С. 9–13.

Олійник 2018 – Україна – Китай – 25 років співробітництва: результати та перспективи. «Один пояс, один шлях» / Під наук. ред. О.М. Олійника. Київ: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2018. 392 с.

Rousseau 2012 – *Rousseau R.* China's growing economic presence in Ukraine and Belarus // Strategic analysis. 2012. Vol. 36. № 1. P. 18–22.

Tang et al. 2017 – *Tang K., Li Z., Li W., Chen L.* China's Silk Road and global health // Lancet. 2017. Vol. 390. P. 2595–2601.

References

Alpeeva, E.G. (2020), "Main directions of cooperation of Ukraine and PRC", *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], vol. 3, no. 8, pp. 664–678.

Babayan, D. (2016), "Crimean context and strategic interests of China", *Svobodnaya mysl'* [Free thought], no. 5 (1659), pp. 143–152.

Kurylev, K.P. (2016), "Ukrainian-Chinese relations in the context of Beijing's implementation of the Silk Road Project", in Sidorov, D.A. (ed.), *Rol' i mesto Rossii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola molodykh uchenykh* [The Role and Place of Russia in the Asia-Pacific Region, Proceedings of the international round table of young scientists], Dashkov i K, Moscow, Russia, pp. 53–65.

Kurylev, K.P. and Stanis, D.V. (2019), "On the issue of Ukrainian-Chinese relations", *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], vol. 2, no. 5, pp. 1305–1312.

Mokretskii, A.Ch. (2013), "Chinese-Ukrainian relations in the light of the 'strategic balance' concept of Ukraine", *Kitai v mirovoi i regional'noi politike, Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics, History and modernity], vol. 18, no. 18, pp. 232–253.

Oliynyk, O.M. (ed.) (2018), *Ukraina – Kitai – 25 let sotrudnichestva: itogi i perspektivi*. "*Odin poyas, odin put*" [Ukraine – China – 25 years of cooperation: results and prospects, "One Belt, One Road"], Derzhavna ustanova "Institut vsesvitn'oï istoriï NAN Ukraïni", Kyiv, Ukraine.

Ponomareva, I.S. and Anokhina, A.V. (2014), "The main directions of cooperation between Ukraine and China in the economic sector", *Gileya: nauchnyi vestnik* [Hylaea: Scientific bulletin], no. 90. pp. 408–412.

Prudnikov, A.D. (2021), "Key aspects of the development of political relations between Ukraine and China in 2014–2020", *Historical Bulletin*, vol. 4, no. 3, pp. 7–14.

Prudnikov, A.D. (2022), "Development of relations between China and Ukraine in Russian studies of the 2010s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International relations" Series,* no. 4, pp. 110–125.

Rousseau, R. (2012), "China's growing economic presence in Ukraine and Belarus", *Strategic Analysis*, vol. 36, no. 1, pp. 18–22.

Tang, K., Li, Z., Li, W. and Chen, L. (2017), "China's Silk Road and global health", *Lancet*, vol. 390, pp. 2595–2601.

Zayets, M.A., Wang, Tao and Zakharchenko, O.V. (2014), "Ukrainian-Chinese trade and economic relations and their impact on logistics development", *Naukovii visnik Khersons'kogo derzhavnogo universitetu, Seriya: Ekonomichni nauki* [Scientific bulletin of Kherson state university, "Economic Sciences" Series], is. 9 (1), pp. 9–13.

Информация об авторе

Антон Д. Прудников, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; antonyus97@mail.ru

Information about the author

Anton D. Prudnikov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; antonyus97@mail.ru

ISSN 2686-7648

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-78-103

Отношения России с Азербайджаном и Грузией в контексте изменений политической конъюнктуры: опыт прикладного анализа (на примере российских диссертационных материалов)

Георгий В. Пономарев
независимый исследователь
Видное, Московская обл., Россия, georg.ponomarev2017@yandex.ru

Алексей Б. Захаров
независимый исследователь
Москва, Россия, lehazaharov2002@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена репрезентации российско-азербайджанских и российско-грузинских отношений после 1991 г. на материале диссертаций и авторефератов диссертаций, представленных на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в рамках российской системы аттестации. Акцент при этом делается на исследованиях в области общественных и гуманитарных наук, так как в первом случае анализ дает возможность понять господствовавшие в науке, тесно связанной с общественно-политическим дискурсом, конструкты, а во втором – нарративы, закладывавшиеся наукой как базис для восприятия обществами друг друга. Помимо этого, в качестве политического фона рассматриваются основные этапы развития российско-азербайджанских и российско-грузинских отношений после распада СССР. Определение связи между состоянием межгосударственных отношений в определенный период и интерпретацией этих отношений в рамках диссертаций, на наш взгляд, является важным в контексте существования проблемы политизации науки как общественного института и позволяет совершить актуальный междисциплинарный поворот, встроив историографический анализ в контекст исследования истории международных отношений. В рамках данного исследования также учитывается этнический фактор: авторы считают целесообразным

© Пономарев Г.В., Захаров А.Б., 2026

понять, насколько отношения России с Азербайджаном и Грузией были интересны представителям титульных наций и как это повлияло на выводы и тезисы, которые были введены в научный оборот. Кроме того, проводится сравнение общих количественных показателей для того, чтобы определить динамику развития диссертационного интереса к российско-азербайджанским и российско-грузинским отношениям, а также для того, чтобы выявить более интересную российским соискателям тематику.

Ключевые слова: Россия, Азербайджан, Грузия, диссертация, внешняя политика, международные отношения, гуманитарная наука, социальная наука

Для цитирования: Пономарев Г.В., Захаров А.Б. Отношения России с Азербайджаном и Грузией в контексте изменений политической конъюнктуры: опыт прикладного анализа (на примере российских диссертационных материалов) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 78–103. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-78-103

Russia's relations with Azerbaijan and Georgia in the context of changing political conditions: an applied analysis (based on Russian dissertation materials)

Georgii V. Ponomarev
independent researcher
Vidnoe, Moscow region, Russia, georg.ponomarev2017@yandex.ru

Aleksey B. Zakharov
independent researcher
Moscow, Russia, lehazaharov2002@mail.ru

Abstract. This article examines the representation of Russian-Azerbaijani and Russian-Georgian relations after 1991 based on Cand. and Dr. of Sci. theses and abstracts of the theses submitted within the Russian academic certification system. The focus here is on research in the social sciences and humanities, since in the former case the analysis provides insight into the constructs that prevailed in academia – a field closely linked to sociopolitical discourse – and in the latter, into the narratives established by academia as the basis for societies' perceptions of one another. In addition, the main stages in the development of Russian-Azerbaijani and Russian-Georgian relations following the collapse of the USSR are examined as a political backdrop. Identifying the connection between the state of interstate relations during a specific period and the interpretation of these relations within the framework

ISSN 2686-7648

of these dissertations is, in our view, important in the context of the problem of the politicization of science as a social institution; it also allows for a timely interdisciplinary shift by integrating historiographical analysis into the study of the history of international relations. This study also takes the ethnic factor into account: the authors believe it is important to understand the extent to which Russia's relations with Azerbaijan and Georgia were of interest to representatives of the titular nations and how this influenced the conclusions and theses that were introduced into academic discourse. In addition, a comparison of general quantitative indicators is conducted to determine the dynamics of the development of dissertation interest in Russian-Azerbaijani and Russian-Georgian relations, as well as to identify the topics of greater interest to Russian doctoral candidates.

Keywords: Russia, Azerbaijan, Georgia, dissertation, foreign policy, international relations, humanities, social sciences

For citation: Ponomarev, G.V. and Zakharov, A.B. (2026), "Russia's relations with Azerbaijan and Georgia in the context of changing political circumstances: an applied analysis (based on Russian dissertation materials)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 78–103, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-78-103

Введение

Диссертационные материалы являются значимой частью отечественной науки и – шире – представляют собой неотъемлемый компонент социокультурного потенциала общества. Более того, изучение репрезентативного объема диссертаций позволяет определить научные тренды и доминирующие научные дискурсы, которые, как правило, более или менее тесно связаны с запросами различных социальных и политических институтов. Вопрос сочетания субъективного и объективного в науке остается актуальным, особенно на фоне новых вызовов, с которыми столкнулись исследователи исторической политики и исторической памяти. Вместе с тем интерпретация отношений между государствами даже в недалеком прошлом формирует научное и общественное представление об этих государствах в настоящем, что обуславливается высоким моральным авторитетом науки в современном обществе, и в постсоветском социуме в частности.

Есть целый ряд факторов, обосновывающих возможность сопоставления российско-азербайджанских и российско-грузинских отношений: проблема неполной территориальной целостности, участие в транспортных и энергетических проектах под эгидой Запада (например, нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан»),

выход из Договора коллективной безопасности (ДКБ), участие в Организации за демократию и экономическое развитие, более известной как ГУУАМ и т. д. Однако со временем политический фон изменился, что дает возможность установить не только возможные общие черты, но и различия в подходах к исследованию связей РФ с Азербайджанской Республикой (АР) и Республикой Грузия (РГ).

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ осмысления российско-азербайджанских и российско-грузинских отношений в отечественных кандидатских и докторских диссертациях, а также авторефератах диссертаций.

В историографии российско-грузинских и российско-азербайджанских отношений диссертационные исследования занимают особое место, представляя собой комплексный срез академического осмысления кавказской политики России. Они выступают в роли своеобразного методологического индикатора: по ним можно проследить, как менялись исследовательские парадигмы, как формировалась фундаментальная база истории российско-грузинских и российско-азербайджанских отношений, как систематизировались эмпирические данные и верифицировались новые политологические и исторические подходы к изучению Южного Кавказа.

Источниковую базу работы составили диссертационные материалы, представленные в интернет-базе данных Dissercat. Выбор базы Dissercat обусловлен ее репрезентативностью: она содержит наиболее полный массив оцифрованных текстов диссертаций и авторефератов по общественным наукам, защищенных в РФ за последние 35 лет. Это позволяет, во-первых, провести сплошное исследование выборки по ключевым словам, во-вторых, получить доступ к полным текстам работ, что необходимо для качественного сравнительного анализа, и, в-третьих, выявить хронологическую и тематическую динамику изучения проблематики российско-азербайджанских и российско-грузинских отношений. Dissercat выбран как наиболее открытый и массовый источник, но при этом авторы осознают, что часть работ могла не попасть в базу (например, из-за авторских прав), что не влияет на качество выводов, так как выборка достаточна для анализа.

Авторами рассмотрены динамика трансформации ключевых тезисов диссертантов, общие количественные показатели в сравнительном ключе, а также этнический фактор. Хронологические рамки исследования определяются выявлением в интернет-базе наиболее ранних и наиболее поздних работ по интересующей авторов тематике.

В качестве рабочего поля авторы определили все гуманитарные специальности. Но в фокусе внимания авторов в первую очередь оказались исследования по истории, экономике и политическим

ISSN 2686-7648

наукам. В первую очередь потому, что именно по этим специальностям было написано большинство диссертационных работ. Кроме того, сужение рабочего поля до исторических, экономических и политических диссертационных материалов объясняется структурным соответствием этих научных направлений предмету исследования. Межгосударственные отношения образуют комплекс, включающий исторический генезис, экономическое взаимодействие и политическое прогнозирование. Дисциплины, не входящие в этот круг (филология, философия), либо исследуют внешние формы репрезентации, либо не оперируют эмпирическим материалом, необходимым для сравнительного анализа. Таким образом, выбор трех специальностей обеспечивает репрезентативность выборки и методологическую валидность результатов.

Поиск подходящих диссертаций осуществлялся по названию страны («Азербайджан» или «Грузия»). Затем среди всего массива диссертаций осуществлялся отбор тех исследований, в названии которых упоминаются либо отношения с Россией, либо те аспекты государственного существования, которые включают в себя отношения с Россией (например, внешняя политика Азербайджана / Грузии, внешнеэкономическая деятельность Азербайджана / Грузии). Соответствующей проблематике должна быть посвящена минимум одна глава диссертации.

Ранее в отечественной науке и, насколько известно авторам, в науке зарубежной подобные исследования не проводились. Поэтому историографическую базу работы составляют исследования общего характера, посвященные российско-азербайджанским и российско-грузинским отношениям [Мещеряков 2012; Пивовар 2012; Чернявский 2013; Пивовар 2019; Крылов 2023].

Грузия

Фон для налаживания российско-грузинских отношений после распада СССР был неблагоприятным: конфликты в Абхазии и Южной Осетии (Тбилиси обвинял Москву в поддержке сепаратизма), конфликт в Чечне, радикально националистическая политика первого президента Грузии З. Гамсахурдиа, фигура Э. Шеварднадзе, которому не доверяла значительная часть российских политических элит и общества [Гукасян 2008]. Тем не менее после прихода к власти в Грузии бывшего главы советского МИД диалог стал налаживаться. Были подписаны соглашения о прекращении огня в Абхазии и Южной Осетии, Грузия вошла в ДКБ и СНГ, также российским пограничникам было разрешено занять грузино-чеченскую границу. Э. Шеварднадзе понимал, что вос-

становление территориальной целостности Грузии невозможно без участия Москвы даже в годы «козыревской дипломатии» [Крылов 2023, с. 87]. Однако к концу 1990-х гг. неурегулированность этнополитических конфликтов вынудила Грузию выйти из ДКБ. Кроме того, Тбилиси игнорировал базу чеченских боевиков в Панкисском ущелье.

Единственная диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, написанная в 1990-е гг., содержала критические оценки российско-грузинских отношений. Ответственность за их конфликтность возлагалась на обе стороны (политика грузинской элиты, несогласованность действий российских ведомств, отвечающих за действия государства на внешнем контуре и т. д.). При этом позитивных сценариев развития двусторонних отношений не предлагалось, напротив, прогнозировалось дальнейшее снижение российского влияния в Грузии [Васильева 1997]. Отметим, что диссертация была защищена в Институте Европы РАН. Мы полагаем, что это показывает: тема рассматривалась не как узкорегиональная (кавказоведческая), а как часть общеевропейского политического контекста. Грузия осмыслялась не как постсоветская республика, а как потенциальный субъект европейской политики, стремившийся к дистанцированию от России. Следовательно, изучение российско-грузинских отношений в 1990-е гг. оказалось инкорпорировано в более широкую проблематику европейской безопасности и межгосударственных отношений, что и обеспечило возможность для критики официальной российской линии.

Таблица 1

Динамика защит диссертаций в 1997–2017 гг.

Год	Экономические науки	Исторические науки	Политические науки	Другие
1997	0	1	0	0
1998	0	0	0	0
1999	0	0	0	0
2000	0	0	0	0
2001	0	0	0	0
2002	0	0	0	0
2003	0	0	0	0
2004	1	0	0	1
2005	1	0	0	0
2006	0	0	0	1
2007	0	0	0	0
2008	0	1	0	0

ISSN 2686-7648

Год	Экономические науки	Исторические науки	Политические науки	Другие
2009	0	1	1	0
2010	0	1	0	0
2011	0	0	1	0
2012	0	1	0	0
2013	0	0	0	0
2014	0	0	0	0
2015	0	0	0	0
2016	0	0	2	0
2017	0	1	0	0

После прихода к власти в России В. Путина российско-грузинские отношения получили новый импульс: Москва подтвердила территориальную целостность Грузии, согласилась вывести военные базы из Ахалкалаки и Батуми, в свою очередь, грузинские Силы специальных операций (ССО) провели операцию против чеченских террористов. Кремль выступил посредником и при передаче власти М. Саакашвили в 2003 г., и при де-факто ликвидации Аджарской автономии в 2004 г. Но после прихода к власти М. Саакашвили, несмотря на первоначальный оптимизм, в российско-грузинских отношениях настал период нового охлаждения: произошли «винный» и «шпионский» скандалы, Тбилиси эскалировал ситуацию в Абхазии (ввод войск в Кодорское ущелье) и Южной Осетии (ввод ССО в зону конфликта и отказ от неприменения силы). Логичной кульминацией развития напряженности стала попытка Грузии силовым путем вернуть контроль над Южной Осетией в августе 2008 г. Ответная операция российских войск привела к полному освобождению Абхазии и Южной Осетии, признанию их независимости Москвой, а также к разрыву российско-грузинских дипломатических отношений.

В 2000-е гг. российско-грузинские отношения начинают в большей степени интересовать диссертантов. В исследованиях выходит на первый план нарратив, конкретное оформление которого менялось, но суть оставалась неизменной: Россия и Грузия должны быть союзниками, от конфронтации обе страны теряют больше, чем приобретают [Кухалашвили 2005; Елтышева 2012]. Примечательно, что эта идея прослеживается и до, и после войны 2008 г. При этом тезис о невозможности мирного сосуществования и партнерства между РФ и Грузией не выдвигается ни в одной из диссертаций, даже если отсутствуют такие формулировки, как «обречены на партнерство» [Елтышева 2012, с. 17] или «естественные союзники» [Кухалашвили 2005 с. 13; Елтышева 2012, с. 21]. Своего рода «рамочным»

исследованием можно назвать диссертацию И.А. Гукасян на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Грузино-российские отношения в контексте геополитических и геоэкономических интересов ЕС, США и НАТО: 1991–2003 гг.», которая была защищена в 2008 г. в Московском государственном гуманитарном университете имени М.А. Шолохова и содержала ключевые дискурсы о российско-грузинских отношениях: важность стран друг для друга, конфронтация по международным и идеологическим («бегство от империи») причинам, шантаж России Грузией за счет членства в СНГ и военных баз и т. д. Интересны и предложения: с одной стороны, автор считала необходимым ужесточить политику по отношению к Грузии (в части миграции, денежных переводов, торговли и т. д.), с другой – сформировать проактивную позицию и предлагать реальные проекты для сотрудничества всему Закавказью [Гукасян 2008].

Особое влияние на отношения между Москвой и Тбилиси оказали конфликты в Абхазии и Южной Осетии. В разные годы предлагались разные варианты решения этой проблемы: подписание федеративного договора [Кецбая 2004], отсрочка политических вопросов для решения проблемы беженцев [Кокая 2005] и др. Примечательно, что об этом писали именно грузинские авторы, защищавшиеся в России.

В 2000-е гг. проблемы российско-грузинских отношений рассматривались в основном либо в историческом, либо в юридическом ключе: как предмет исторического наследия (советское прошлое, конфликты), и как предмет международно-правовых споров (статус Абхазии и Южной Осетии, правовой режим границ).

Интересно распределение защит по научным центрам: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Российский университет дружбы народов, Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова, Дипломатическая академия МИД РФ. На наш взгляд, на основании этого списка можно сделать вывод, что в указанный период изучение российско-грузинских отношений в академической среде России носило фрагментарный, децентрализованный и преимущественно прикладной характер. Престиж и глубина изучения темы оставались невысокими. Тема оказалась «раздроблена» по научным центрам, которые не имели сильных кавказоведческих школ.

С 2008 г. российско-грузинские отношения развивались, главным образом в неполитических сферах. Этому поспособствовал приход к власти в 2012 г. партии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия», выступающей за прагматизацию внешней политики (в том числе в вопросе взаимодействия с Москвой). В части

ISSN 2686-7648

политического диалога можно отметить механизмы Женевских дискуссий по безопасности, а также формат «Карасин – Абашидзе» (в марте 2024 г. советником премьер-министра Грузии по вопросам урегулирования отношений с РФ стал Г. Каджая). Есть реальные практические итоги такого сотрудничества: Россия входит в тройку основных торговых партнеров Грузии, между странами действуют безвизовый режим и прямое авиасообщение. Кроме того, Тбилиси отказался от введения антироссийских санкций и открытия «второго фронта» против России на фоне специальной военной операции (СВО) на Украине.

После разрыва дипломатических отношений был защищен ряд диссертаций, содержащих предложения по их нормализации: использование связей между православными церквями [Патарая 2011], ориентация в первую очередь на страны региона [Мгалоблишвили 2016], повышение компромиссной составляющей грузинской внешней политики [Бахтуридзе 2016] и прагматизация внешней политики с возможностью проведения курса на восстановление дипломатических отношений с РФ [Мачавариани 2017]. Должны, однако, признать, что конкретных модальностей или «дорожных карт» восстановления отношений авторы не предлагают. Абхазский и югоосетинский конфликты по вине Тбилиси оказались конфликтами «с нулевой суммой», и теперь для политического восстановления контактов между РФ и Грузией кто-то из акторов должен пойти на серьезные уступки. При этом З. Бахтуридзе полагает восстановление и укрепление российско-грузинских связей неизбежным [Бахтуридзе 2016]. На наш взгляд, феномен нынешних российско-грузинских связей в формате «отношения без дипотношений» все еще ждет своего диссертационного осмысления.

Среди диссертаций, защищенных в 2010-е гг., отмечается повышение значимости специализации в рамках политических наук. География защит резко расширилась за пределы двух столиц. Среди научных центров, где защищались диссертации, появляются Санкт-Петербургский государственный университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пятигорский государственный университет. Диссертация Г. Мачавариани на соискание ученой степени кандидата исторических наук была защищена в Российском университете дружбы народов. Стоит предположить, что произошли, во-первых, значительное институциональное расширение исследовательского поля, а во-вторых – академическая легитимация темы и переход к систематическому политико-академическому анализу. Исследователи начали глубже анализировать геополитические механизмы, политтехнологии, проблемы безопасности, вопросы мягкой силы

и международные конфликты сквозь призму современных политологических теорий. Кавказская тематика и методология политического анализа отношений на постсоветском пространстве стали интересны крупным интеллектуальным центрам в глубине России, обладающим сильными политологическими школами.

Примечательным кажется этнический состав авторов, хотя на данном уровне исследования невозможно определить его с исчерпывающей точностью (биографии авторов диссертаций нами не изучались). Тем не менее из 17 диссертаций, рассмотренных нами в данном разделе, 10 были написаны авторами предположительно грузинской национальности. Это примерно 59% от общего числа изученных диссертационных исследований. С 2012 г. проблематику российско-грузинских отношений в диссертациях поднимали только грузины. Интерпретировать это можно, разумеется, по-разному, но нам хочется сделать печальный вывод: у российского академического сообщества (в том числе этнически русских исследователей) нет внутренней мотивации и запроса на системное изучение Грузии как самостоятельного объекта. Грузия воспринимается либо как часть «постсоветского пространства» (где ее вытесняют другие, более крупные игроки), либо как источник проблем, а не как интересный научный кейс. Это говорит о том, что тема носит «экзотический», а не стратегический характер для мейнстрима российской науки. Тема не воспринимается российской академической средой как стратегически значимая и научно привлекательная. Вместо этого она стала нишей для исследователей грузинского происхождения, которые компенсируют недостаток официального дискурса собственным историческим и культурным капиталом. Это придает работам глубокую эмпирическую насыщенность, но одновременно ограничивает их политологическую беспристрастность и ведет к монополизации нарратива. Таким образом, гендерно-этническая структура авторского корпуса служит маркером институциональной слабости данной отрасли знания в России.

Подводя промежуточные итоги, укажем на следующее. Анализ диссертационного корпуса по российско-грузинским отношениям за 1990– 2010-е гг. выявляет три ключевые тенденции: институциональную эволюцию от периферийного к академически легитимному статусу; устойчивость нарратива о «необходимом партнерстве» при одновременном отсутствии конкретных механизмов его реализации; нарастающий этнический дисбаланс авторского состава, свидетельствующий о дефиците внутренней мотивации российской академической среды к системному изучению Грузии. Таковы выводы историографические.

Перейдем теперь к попытке подвести итоги в рамках истории международных отношений. Проанализированные нами работы

ISSN 2686-7648

показывают следующее. Российско-грузинские отношения 1990–2010-х гг. представляют собой уникальный казус в истории постсоветского пространства: переход от союзничества к вооруженному конфликту и далее – к «отношениям без дипотношений», при которых политическая конфронтация сочетается с интенсивным прагматическим взаимодействием. Основными детерминантами этой динамики выступали: личностный фактор (зависимость от персональных договоренностей лидеров при отсутствии институциональных механизмов), внешний фактор (встраивание двусторонних отношений в контекст глобального соперничества России и Запада), неурегулированные этнополитические конфликты, эволюционировавшие из объекта торга в непреодолимый барьер. Война 2008 г. стала точкой бифуркации, после которой сложилась модель «управляемой конфронтации», не описанная в классической теории международных отношений. Эта модель – «нормализация без нормализации» – позволяет сторонам извлекать экономические выгоды от сотрудничества, сохраняя политическую дистанцию, и может рассматриваться как новый формат межгосударственных отношений, требующий как теоретического, так и практического осмысления.

Азербайджан

Среди диссертаций, затрагивающих российско-азербайджанские отношения, большая часть посвящена более обширным, нежели в грузинском случае, проблемам – внешней политике постсоветского Азербайджана, внешнеэкономической деятельности постсоветского Азербайджана, публичной дипломатии и роли диаспоры и т. д.

Таблица 2

Динамика защит диссертаций в 1999–2025 гг.

Год	Экономические науки	Исторические науки	Политические науки	Другие
1999	0	1	0	0
2000	0	0	0	0
2001	0	0	0	0
2002	0	0	1	0
2003	1	1	1	0
2004	0	1	0	0
2005	1	0	0	1
2006	1	0	0	0

Год	Экономические науки	Исторические науки	Политические науки	Другие
2007	1	0	0	0
2008	0	0	0	0
2009	0	1	0	0
2010	0	0	0	0
2011	0	1	0	0
2012	1	2	0	0
2013	1	0	1	0
2014	0	0	2	0
2015	0	0	1	0
2016	0	0	0	0
2017	0	0	1	0
2018	1	0	0	0
2019	0	0	0	0
2020	0	0	0	1
2021	0	0	0	0
2022	1	0	0	0
2023	0	0	1	1
2024	0	0	0	0
2025	1	0	1	0

После распада СССР в российско-азербайджанских отношениях были объективные проблемы: радикальный протурецкий курс второго президента Азербайджана А. Эльчибея, активная фаза конфликта в Нагорном Карабахе, а также политическая турбулентность и, как следствие, непоследовательная политика Москвы. Приход к власти в Азербайджане Г. Алиева изменил ситуацию к лучшему [Пивовар 2012; Чернявский 2013]. Достижение прекращения огня в Нагорном Карабахе при посредничестве России, подписание рамочного Договора о межгосударственных отношениях в 1997 г., вхождение Азербайджана в СНГ и ДКБ можно назвать взаимными успехами. Тем не менее были и противоречия: разногласия в позициях по Каспию, скандал с незаконными продажами российского оружия в Армению, охлаждение личных отношений на уровне президентов, начало проработки возможного введения визового режима российским МИД [Мещеряков 2012].

В 2000-е гг., начиная с визита В. Путина в Баку (январь 2001 г.), российско-азербайджанские отношения начали выходить на траекторию стратегического партнерства. Синхронизация позиций по Каспию, обозначение Москвой своего нейтралитета по отношению к карабахскому конфликту, поддержка со стороны РФ

ISSN 2686-7648

И. Алиева при транзите власти в Азербайджане в 2003 г., отказ Баку от какой бы то ни было поддержки чеченских боевиков – эти геополитические факторы позволили углубить сотрудничество в экономической, культурной и иных сферах. Вместе с тем Баку дистанцировался от постсоветских (евразийских) интеграционных объединений под эгидой Москвы и не смягчал требования к Армении по карабахскому вопросу.

Первая диссертация по российско-азербайджанским отношениям была, как и в «грузинском» случае, опубликована в конце 1990-х гг. [Полухов 1999]. В 2000-е гг. подобных диссертационных исследований стало больше.

Для диссертаций, защищенных в конце 1990–2000-х гг., характерны одновременно критичность оценок текущего состояния российско-азербайджанских отношений [Полухов 1999; Бакыр 2003; Чернявский 2004] и акцент на потенциале их развития. При этом в 2000-е гг. уже наблюдается тенденция к выделению позитивных аспектов [Измоденов 2004; Гулиев 2002].

Стоит отметить также диссертации О. Савченко [Савченко 2002] и А. Рагимовой [Рагимова 2003]. В первой из них, защищенной в 2002 г., присутствует довольно критический взгляд на положение русских в Азербайджане (сокращение влияния русского языка, бытовой национализм, зависимость от политической конъюнктуры), хоть и присутствует тезис о конструктивной роли Г. Алиева [Савченко 2002, с. 16–17], то в диссертации А.Ф. Рагимовой (2003) делается акцент на важной роли различных НПО в укреплении российско-азербайджанских отношений и на необходимости активизации деятельности НПО в условиях политической турбулентности [Рагимова 2003]. С одной стороны, разную тональность тезисов можно объяснить разной проблематикой, с другой – национальной принадлежностью авторов. В дальнейшем тезисы диссертантов становятся мягче, при описании российско-азербайджанских отношений регулярно делается акцент на достижениях и на потенциале, а не на проблемах. Например, системность приобретает упоминание синхронизации позиций по Каспию [Бакыр 2003; Рзаев 2006; Байрамов 2007].

Диссертация Э.П. Полухова, которой в 1990-е гг. открывается серия исследований российско-азербайджанской тематики, была защищена в Санкт-Петербургском государственном университете на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Можно предположить, что в 1990-е гг. академическое осмысление отношений России и Азербайджана происходило в значительной степени независимо от политической конъюнктуры Москвы и в то же время в рамках петербургских традиций востоковедения и кавказоведения.

В 2000-е гг. «азербайджанская волна» накрывает столицу: диссертации защищаются в Институте востоковедения РАН, в Дипломатической академии МИД РФ, в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), в Российском университете дружбы народов, в Российской академии государственной службы при Президенте РФ и в Московском государственном педагогическом университете. В Санкт-Петербурге в это время защищается только одна диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук – в Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов. Обращает на себя внимание также распределение научных специальностей: большой популярностью пользуются история и экономика, политические науки ощутимо отстают.

Таким образом, в 2000-е гг. исследовательское поле российско-азербайджанских отношений претерпело двойную трансформацию. Первая – географическая: монополия Санкт-Петербургского университета сменилась доминированием московских институций. Тематика перестала быть «нишевой» и вошла в столичный академический мейнстрим. Вторая – дисциплинарная: при сохранении исторического ядра произошло стремительное появление экономического блока, отражающего энергетические, торговые и инвестиционные аспекты двусторонних отношений. Политология (всего 1 диссертация) осталась маргинальной – вероятно, из-за отсутствия конфликтной динамики в отношениях Москвы и Баку, – что отличает азербайджанский кейс от грузинского.

Можно заключить, что ситуация 2000-х гг. демонстрирует переход от сугубо «историко-культурного» изучения Азербайджана (1990-е гг., Петербург, архивная традиция) к «историко-экономическому» изучению (2000-е гг., Москва, аналитика для бизнеса и государства).

2010-е гг. можно назвать временем некой «фиксации достижений» в российско-азербайджанских отношениях. Прорывных изменений, за исключением ликвидации Габалинской радиолокационной станции, ни в одной сфере межгосударственных связей не произошло. Карабахское урегулирование так и осталось на бумаге, а в 2016 г. Азербайджан предпринял попытку решить вопрос силой. Успехом можно назвать подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. между РФ, Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном. В противовес распространенным скептическим оценкам евразийской интеграции, Каспийский переговорный процесс считается одним из примеров поиска и нахождения компромиссов на евразийском пространстве [Пивовар 2019].

Для общеполитических диссертаций этого периода характерно, с одной стороны, подчеркивание стратегического характера

ISSN 2686-7648

российско-азербайджанских отношений [Алиев 2011; Ибрагимов 2014; Гусейнов 2018], с другой – наличие пожеланий к России для того, чтобы улучшить двусторонние связи [Ниязов 2012; Аллахвердиев 2016].

Характерно развитие новых тематик: Г. Ниязова писала о лингвистическом факторе политики России в отношении Азербайджана (при этом Россия сравнивалась с Великобританией), а У. Мехдиева – о роли диаспоры в российско-азербайджанских отношениях в 2000-е гг. В первой диссертации отмечается, что русский язык в Азербайджане поддерживается в основном усилиями самого Баку (идет сравнение с Великобританией, которая сама финансирует изучение английского языка). Также в контексте статуса русского языка Азербайджан ставится в один ряд с такими странами, как Белоруссия, Казахстан и Киргизия [Ниязова 2014]. На наш взгляд, это некорректно, так как в Белоруссии русский язык имеет статус второго государственного, в Казахстане и Киргизии – официального. В Азербайджане русский язык не имеет никакого статуса. В диссертации, посвященной диаспоре, фиксируется ее важная роль в развитии российско-азербайджанских отношений на базе общей истории и культуры, а также упоминается управляющий орган – Всероссийский Азербайджанский конгресс [Мехдиева 2015]. И.Г. Ниязова и У. Мехдиева подчеркивают усилия Азербайджана по развитию двусторонних отношений через инструменты «мягкой силы».

В 2020-е гг. в российско-азербайджанских отношениях произошли значимые сдвиги: так, Азербайджан победил во Второй Карабахской войне, Россия выступила ключевым модератором постконфликтного урегулирования, в 2022 г. была подписана Декларация о союзническом взаимодействии, в 2023 г. Азербайджан полностью восстановил свою территориальную целостность в международно признанных границах (при посредническом участии России), в 2024 г. В. Путин совершил свой первый государственный визит в Азербайджан. Одновременно с этим стоит отметить поддержку Азербайджаном Украины в контексте СВО, «кризис эмоций» в российско-азербайджанских отношениях и иные события, свидетельствующие о двойственном характере связей между Москвой и Баку.

Стоит сказать, что повышение отношений до уровня «союзнических» нашло свое отражение не только в политических [Шюкюров 2023], но и в юридических исследованиях [Абдуллаев 2023]. При этом Н. Абдуллаев уравнивает российско-азербайджанскую Декларацию о союзническом взаимодействии от 22 февраля 2022 г. с азербайджано-турецкой Шушинской Декларацией от 15 июня 2021 г. [Абдуллаев 2023, с. 11–12]. Примечательно, что в 2020-е гг.

было написано сразу две диссертации, посвященные отношениям между Азербайджаном и ЕАЭС [Абдуллаев 2023; Гусейнов 2025]. Ранее проблематика контактов Баку с евразийскими интеграционными объединениями в диссертациях не поднималась. Очевидна и причина этого – де-факто завершение армяно-азербайджанского конфликта в 2020–2023 гг., существенно ограничивавшего сотрудничество Баку и ЕАЭС. Со своей стороны отметим, что, несмотря на «мирный процесс» с Арменией, Азербайджан не стремится к институциональному углублению сотрудничества с ЕАЭС, а президент И. Алиев присутствовал на заседаниях Высшего евразийского экономического совета только один раз – в 2023 г.

Отдельного внимания заслуживают диссертации, защищенные в 2020 и 2025 гг. В одной из них дается общая характеристика культурной дипломатии Азербайджана в отношении России: отмечается прочная договорная база, информационно-культурные центры России и Азербайджана в столицах друг друга, положение русского языка в Азербайджане, а также отдельно говорится о контактах Баку с российскими тюркоязычными регионами [Нагдалиева 2020]. В другом исследовании, посвященном роли публичной дипломатии, делается акцент на роли диаспоры (в том числе упоминается Государственный комитет Азербайджана по работе с диаспорой) в укреплении двусторонних отношений, вновь поднимается вопрос статуса русского языка в Азербайджане (по утверждению автора, Азербайджан – единственная страна в СНГ, где можно получить высшее образование на русском языке, что не соответствует действительности). В целом автор предлагает и в дальнейшем усиливать роль диаспоры в развитии российско-азербайджанских связей [Байрамлы 2025]. Примечательно, что именно при рассмотрении гуманитарной проблематики в российско-азербайджанских отношениях диссертанты иногда выносят некорректные с фактической точки зрения тезисы в научное поле. При этом основная идея таких тезисов – демонстрация усилий Азербайджана к социогуманитарному диалогу с Москвой.

Итак, в 2010-е – начале 2020-х гг. политологи обогнали историков: было защищено 4 диссертации по политическим наукам и 3 – по историческим. Популярность экономической тематики резко упала (всего 1 диссертация), зато появились юридические и культурологические работы. Что касается географии распределения защит, то в списке институций снова Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Дипломатическая академия МИД РФ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, а также Санкт-Петербургский государственный университет и Уральский федеральный университет. Абсолютно лидирует по числу защит МГИМО, где защищаются историки, экономисты, юристы и культурологи.

ISSN 2686-7648

Очевидно, Азербайджан в этот период становится полноценным объектом комплексного академического изучения, а не узкой «экономической» или «исторической» ниши, что является признаком институциональной зрелости российского азербайджановедения.

Политизация тематики отражает геополитический контекст: Карабахская война, роль Турции, вопросы безопасности – все это привело к росту политологических работ, который является, на наш взгляд, прямым следствием включения Азербайджана в плоскость региональной безопасности. Что касается МГИМО, его можно назвать индикатором приоритетов МИД России: доминирование этого университета говорит о том, что азербайджанская тематика стала внешнеполитически востребованной, и дипломатическое ведомство инвестирует в исследования. Появление же юридических и культурологических работ сигнализирует о зрелости академического поля: когда основные вопросы «кто» и «почему» решены, исследователи обращаются к «как юридически оформить» и «как культурно осмыслить».

И вновь обратимся к этнической проблематике. Диссертаций, посвященных сугубо российско-азербайджанским отношениям, было защищено 8 (из них 4 принадлежат авторству этнических азербайджанцев). Диссертаций по более широкой проблематике, в которые входят российско-азербайджанские отношения, – 28 (из них 24 написаны этническими азербайджанцами). Следовательно, азербайджанцами было написано более 77% диссертаций. При этом с 2014 г. диссертации, касающиеся российско-азербайджанских отношений, пишутся исключительно азербайджанцами. Таким образом, если переводить долю азербайджанских авторов в процентное значение, получается почти 78%, что на порядок больше доли грузинских авторов во всем пуле диссертаций, касающихся российско-грузинских отношений.

Что это означает? Мы полагаем, что в постсоветский период российско-азербайджанская тематика в значительной степени стала предметом «самоописания» азербайджанской диаспоры (или выходцев из Азербайджана) в самой России. Это не столько изучение «другого» государства, сколько рефлексия своей собственной исторической родины и ее связей с новым домом. По сути, это исследование «себя» в контексте двусторонних отношений, а не объективный взгляд «со стороны». Для «корневых» российских научных школ эта тематика находится на периферии. Она не является «престижной», «мейнстримной» или достаточно конфликтной, чтобы привлекать широкий круг соискателей. Азербайджан воспринимается не как вызов или стратегический интерес (как, например, Грузия или Украина), а скорее как «удобный партнер», не требующий срочного академического осмысления. Ситуация

удивительная: официальные отношения России и Азербайджана являются союзническими, но для русскоязычной науки (не азербайджанской) эта тема важна лишь для той части академического сообщества, которая имеет личные, культурные или национальные корни в этой стране.

Подведем промежуточные итоги с точки зрения историографии. Диссертационное поле российско-азербайджанских отношений прошло эволюцию от одной исторической работы 1990-х гг. через экономическую прагматизацию 2000-х к комплексному политико-правовому осмыслению 2010-х – начала 2020-х гг. Эта динамика отражает поступательное развитие самих отношений – от постсоветской неопределенности к союзническому взаимодействию, при этом наука в целом успешно улавливала ключевые тренды двусторонней повестки.

Российско-азербайджанские отношения являются более популярным направлением диссертационных исследований, чем связи между РФ и Грузией. Но, как и в грузинском случае, исследовательское поле характеризуется устойчивым этническим дисбалансом: более 77% диссертаций написаны этническими азербайджанцами, а после 2014 г. – исключительно ими. Отметим, что интерес этнических азербайджанцев к отношениям их исторической родины с Россией выше, чем интерес грузин (причем такая ситуация имела место и до 2008 г.). Иными словами, тематика поддерживается преимущественно усилиями самой диаспоры и не является предметом системного интереса российского академического истеблишмента. Такая ситуация связана с определенными рисками, связанными с объективностью авторов. Отсутствие «внешнего взгляда» снижает критическую дистанцию и создает опасность превращения диссертаций из инструмента научного познания в инструмент политической и культурной дипломатии. Этот тезис, как представляется, подтверждается, во-первых, тем, что если в 1990-е гг. – первой половине 2000-х имели место критические оценки, то со второй половины 2000-х устойчиво делается акцент на позитивных аспектах двусторонних отношений (для сравнения: в исследованиях российско-грузинских отношений критические оценки 1990-х и 2000-х гг. сменяются конструктивными соображениями 2010-х гг. относительно целесообразности восстановления контактов). Во-вторых, обратим внимание и на такую особенность: в контексте развития контактов между Москвой и Баку исследуются социогуманитарные факторы, в частности роль языка и диаспоры, тогда как диссертаций, посвященных роли грузин и грузинской культуры в России в развитии российско-грузинских отношений, на сегодняшний день нет. Это может быть связано с несравненно большей ролью азербайджанской диаспоры в России и использованием Баку своей диаспоры в качестве инструмента «мягкой силы»

ISSN 2686-7648

внешней политики (через Государственный комитет по работе с диаспорой), что неактуально в случае грузин и Грузии.

Несмотря на отмеченные дисбалансы, азербайджановедение демонстрирует определенную институциональную зрелость: сложились признанные научные центры (МГИМО, Институт востоковедения РАН, Дипломатическая академия), появились комплексные междисциплинарные исследования. Это позволяет говорить о формировании устойчивой исследовательской традиции.

Каковы же итоги в контексте истории международных отношений? Они отчасти дублируют историографические и переплетаются с ними. Нам кажется очевидным, что динамика диссертационных исследований отражает реальную траекторию российско-азербайджанских отношений. При этом пики исследовательской активности совпадают с ключевыми поворотными точками двусторонних отношений – подписанием Договора 1997 г., каспийским урегулированием, Второй Карабахской войной и Декларацией о союзническом взаимодействии.

Появление и стремительный рост экономического блока в 2000-е гг. на фоне сохранения исторической проблематики отражает ситуацию, когда энергетический фактор и торгово-инвестиционное сотрудничество стали новым значимым измерением двусторонних отношений, дополнив традиционный историко-культурный фундамент. При этом в 2010–2020-е гг. предпринимаются попытки восстановить гуманитарное измерение в осмыслении двусторонних связей.

Резкое сокращение экономической тематики и рост политико-правовых исследований в 2020-е гг. свидетельствуют о завершении «энергетического этапа» в отношениях и переходе к новой фазе, где центральное место занимают вопросы безопасности, союзничества и постконфликтного урегулирования. Появление работ о ЕАЭС указывает на начало осмысления интеграционных перспектив Азербайджана после урегулирования карабахского конфликта.

Доминирование МГИМО на завершающем этапе (2010 – 2020-е гг.) свидетельствует о том, что тематика российско-азербайджанских отношений стала внешнеполитически востребованной и перешла под патронат ведомственного учебного заведения, работающего в связке с МИД России.

Выявленный этнический дисбаланс имеет принципиальное политологическое значение: он показывает, что азербайджанская тематика в российской науке развивается не столько в силу государственного интереса, сколько благодаря «дипломатии знаний» со стороны Баку. Это позволяет интерпретировать диссертационный корпус как инструмент целенаправленной «мягкой силы», через который азербайджанская сторона поддерживает свое присутствие в российском интеллектуальном и экспертном пространстве.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ диссертационного корпуса по российско-азербайджанским и российско-грузинским отношениям позволяет сформулировать выводы в рамках трех исследовательских перспектив – историографической, историко-международной и политологической.

Сравнительный анализ двух диссертационных корпусов обнаруживает заметную асимметрию их институциональной организации. Азербайджанская тематика к 2020-м гг. консолидировалась в рамках признанных столичных центров – МГИМО, Института востоковедения РАН и Дипломатической академии, что обеспечило преемственность исследовательской традиции и формирование признанной экспертной площадки. Грузинская тематика, напротив, развивалась преимущественно усилиями региональных университетов, что привело к фрагментации исследовательского поля. Эта институциональная асимметрия отразилась и на дисциплинарной эволюции: если азербайджановедение прошло последовательный путь от исторической к экономической и далее к политико-правовой проблематике, то грузиноведение развивалось более дискретно, без отчетливой смены исследовательских парадигм.

Оба кейса демонстрируют, что диссертационный корпус выступает довольно чутким индикатором трансформации двусторонних отношений. В российско-азербайджанском случае смена исследовательских приоритетов произошла даже раньше, чем в двусторонних отношениях наметился переход от «энергетического» к «союзническому» этапу: сокращение экономической проблематики началось до формальной фиксации союзничества в 2022 г. В российско-грузинском случае исследовательская динамика зафиксировала формирование гибридной модели отношений, которая не вписывается в классические типологии международно-политических взаимодействий и представляет собой сочетание формального разрыва и неформальной прагматической кооперации. Сравнение двух кейсов позволяет предположить, что постсоветское пространство продуцирует специфические формы межгосударственных отношений, требующие разработки новой теоретической оптики, выходящей за рамки дихотомии «конфронтация – союзничество».

Мы полагаем, что наиболее значимый результат исследования лежит в плоскости политики знания. Выявленный этнический дисбаланс авторского корпуса свидетельствует о том, что производство академического знания о двусторонних отношениях на постсоветском пространстве все в большей степени монополизируется диаспоральными сообществами, заинтересованными в поддержании определенного нарратива. Это создает ситуацию, при которой

ISSN 2686-7648

«научная объективность» замещается «дипломатической целесообразностью», а диссертационное исследование превращается из инструмента познания в инструмент культурной дипломатии. Проблематизация «внешнего взгляда» в обоих случаях формирует риск нарративной монополии, при которой альтернативные интерпретации двусторонних отношений не артикулируются в академическом пространстве, что в перспективе ослабляет качество экспертного обеспечения внешнеполитических решений.

Литература

Абдуллаев 2023 – *Абдуллаев Н.Н.* Правовое регулирование сотрудничества и взаимодействия Азербайджана с региональными интеграционными объединениями: ЕС и ЕАЭС: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений, 2023. 215 с.

Алиев 2011 – *Алиев Н.О.* Основные приоритеты внешней политики Азербайджана: 1993–2010 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений, 2011. 26 с.

Аллахвердиев 2016 – *Аллахвердиев Р.А.* Внешнеполитическая деятельность Азербайджана по обеспечению мирного урегулирования Карабахского конфликта: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2017. 27 с.

Байрамлы 2025 – *Байрамлы Н.С.* Роль публичной дипломатии в современной внешнеполитической стратегии Азербайджанской Республики: Дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург: Уральский фед. ун-т, 2025. 194 с.

Байрамов 2007 – *Байрамов А.А.* Энергетическое сотрудничество Азербайджана с зарубежными странами: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений, 2007. 31 с.

Бакыр 2003 – *Бакыр М.* Объективные условия разработки проекта нефтепровода Баку-Джейхан и история переговорного процесса по его реализации: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. 21 с.

Бахтуридзе 2016 – *Бахтуридзе З.З.* Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве: Автореферат дис. ... д-ра полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016. 39 с.

Васильева 1997 – *Васильева О.В.* Российский фактор во внешней политике Грузии: 1990–1995 гг.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т Европы РАН, 1997. 20 с.

Гукасян 2008 – *Гукасян И.А.* Грузино-российские отношения в контексте геополитических и геоэкономических интересов ЕС, США и НАТО: 1991–2003 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский гос. гуманит. ун-т имени М. А. Шолохова, 2008. 29 с.

Гулиев 2002 – *Гулиев М.Е.* Экономические связи Азербайджана с Российской Федерацией и проблемы их развития: Автореф. дис. ... канд. экон. наук.

СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2002. 22 с.

Гусейнов 2018 – *Гусейнов Д.Р.* Международное экономическое сотрудничество Азербайджанской Республики в топливно-энергетической сфере: Дис. ... канд. экон. наук. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений, 2018. 202 с.

Гусейнов 2025 – *Гусейнов Т.Т.* Экономическое сотрудничество Азербайджана со странами ЕАЭС: проблемы и перспективы интеграции: Дис. ... канд. экон. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2025. 183 с.

Елтышева 2012 – *Елтышева Н.Н.* Эволюция межгосударственных, экономических и военно-технических отношений России и Грузии: 1991–2005 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2012. 31 с.

Ибрагимов 2014 – *Ибрагимов И.А.* Внешнеполитическая стратегия Азербайджанской Республики на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: Дип. академия МИД РФ, 2014. 26 с.

Измоденов 2004 – *Измоденов И.А.* Российско-азербайджанские отношения: 1991–2003 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2004. 23 с.

Кецбая 2004 – *Кецбая Г.Р.* Актуальные международно-правовые проблемы в области вооруженных конфликтов немеждународного характера и ситуация в Абхазии, Грузия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Дип. академия МИД РФ, 2004. 31 с.

Кокая 2005 – *Кокая И.Ж.* Современные международно-правовые аспекты статуса беженцев на примере России и Грузии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Дип. академия МИД РФ, 2005. 27 с.

Крылов 2023 – *Крылов А.Б.* Государства Южного Кавказа в контексте международной политики. М.: Книжный мир, 2023. 218 с.

Кухалашвили 2005 – *Кухалашвили Л.Г.* Современное состояние и перспективы расширения торгово-экономического сотрудничества России с Грузией: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2005. 18 с.

Мачавариани 2017 – *Мачавариани Г.Г.* Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе: 1991–2016 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. 27 с.

Мгалоблишвили 2016 – *Мгалоблишвили В.И.* Основные направления современной внешней политики Республики Грузия: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск: Пятигорский гос. у-нт, 2016. 26 с.

Мехдиева 2015 – *Мехдиева У.М.* Роль азербайджанской диаспоры в развитии социокультурных связей между Россией и Азербайджаном: 2003–2010 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2015. 26 с.

Мещеряков 2012 – *Мещеряков К.Е.* Внешняя политика России на Южном Кавказе: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб.: Скифия-принт, 2012. 242 с.

Нагдалиева 2020 – *Нагдалиева Ш.А.* Внешняя культурная политика Азербайджанской Республики: Дис. ... канд. культур. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений, 2020. 250 с.

ISSN 2686-7648

Ниязов 2012 – *Ниязов Н.С.* Становление и развитие политики военной безопасности Азербайджанской Республики в 1994–2011 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2012. 52 с.

Ниязова 2014 – *Ниязова Г.Ю.* Лингвистическое измерение политики России и Великобритании в Азербайджане в контексте глобальных процессов: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. 25 с.

Патарая 2011 – *Патарая Г.Г.* Конструирование имиджа России как элемент политического процесса в современной Грузии: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь: Пермский гос. национальный исследовательский университет, 2011. 26 с.

Полухов 1999 – *Полухов Э.П.* Внешняя политика Азербайджанской Республики после обретения суверенитета: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. 214 с.

Пивовар 2012 – *Пивовар Е.И.* Российско-азербайджанские отношения. Конец XX – начало XX века. М.: Kremlin Multimedia, 2012. 448 с.

Пивовар 2019 – *Пивовар Е.И.* Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2019. № 1. С. 12–32.

Рагимова 2003 – *Рагимова А.Ф.* Роль неправительственных организаций в развитии международных отношений Азербайджана: Вторая половина 90-х годов – 2002 год: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2003. 213 с.

Рзаев 2006 – *Рзаев И.Б.* Внешнеэкономические аспекты национальной безопасности Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2006. 27 с.

Савченко 2002 – *Савченко О.А.* Русская диаспора в Азербайджане: проблемы этнокультурного развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: Рос. академия гос. службы при Президенте РФ, 2002. 22 с.

Чернявский 2004 – *Чернявский С.И.* Формирование внешнеполитической стратегии Азербайджана: 1988–2003: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Дип. академия МИД РФ, 2004. 53 с.

Чернявский 2013 – *Чернявский С.И.* Десять лет истории Азербайджана: 2003–2013 годы. М.: Флинта, 2013. 416 с.

Шюкюров 2023 – *Шюкюров М.Ф.* Внешнеполитические приоритеты Азербайджана в практике взаимодействия с региональными государствами: Дис. ... канд. полит. наук. М.: Дип. академия МИД РФ, 2023. 201 с.

References

Abdullaev, N.N. (2023), *Legal regulation of Azerbaijan's cooperation and interaction with regional integration associations: the EU and the EAEU*, Ph. D. Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.

Aliev, N.O. (2011), *The main priorities of Azerbaijan's foreign policy: 1993–2010,* Abstract of Ph. D. dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.

Allakhverdiev, R.A. (2016), *Azerbaijan's foreign policy activities aimed at ensuring a peaceful settlement of the Karabakh conflict,* Abstract of Ph. D. dissertation, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia.

Bayramly, N.S. (2025), The role of public diplomacy in the modern foreign policy strategy of the Republic of Azerbaijan, Ph. D. Thesis, Ural'skii federal'nyi universitet, Ekaterinburg, Russia.

Bayramov, A.A. (2007), *Azerbaijan's energy cooperation with foreign countries,* Abstract of Ph. D. dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.

Bakyr, M. (2003), *Objective conditions for the development of the Baku-Ceyhan oil pipeline project and the history of the negotiation process for its implementation*, Abstract of Ph. D. dissertation, Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, Russia.

Bakhturidze, Z.Z. (2016), *Georgia's foreign policy in the context of the development of international relations in the post-Soviet space,* Abstract of D. Sc. dissertation, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia.

Chernyavskii, S.I. (2004), *Formation of Azerbaijan's foreign policy strategy: 1988–2003,* Abstract of D. Sc. dissertation, Moscow, Russia.

Chernyavskii, S.I. (2013), *Desyat' let istorii Azerbaidzhana: 2003–2013 gody* [Ten years of Azerbaijan's history: 2003 –2013], Flinta, Moscow, Russia.

Eltysheva, N.V. (2012), *Evolution of interstate, economic, and military-technical relations between Russia and Georgia: 1991–2005*, Abstract of Ph. D. dissertation, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.

Gukasyan, I.A. (2008), *Georgian-Russian relations in the context of the geopolitical and geo-economic interests of the EU, the USA and NATO: 1991–2003*, Abstract of Ph. D. dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet imeni M.A. Sholokhova, Moscow, Russia.

Guliev, M.E. (2002), *Azerbaijan's economic relations with the Russian Federation and the problems of their development*, Abstract of Ph. D. dissertation, Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov, Saint Petersburg, Russia.

Guseinov, D.R. (2018), *International economic cooperation of the Republic of Azerbaijan in the fuel and energy sector,* Ph. D. Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.

Guseinov, T.T. (2025), *Azerbaijan's economic cooperation with the EAEU countries: problems and prospects of integration,* Ph. D. Thesis, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.

Ibragimov, I.A. (2014), *The foreign policy strategy of the Republic of Azerbaijan at the present stage,* Abstract of Ph. D. dissertation, Diplomaticheskaya akademiya MID RF, Moscow, Russia.

Izmodenov, I.A. (2004), *Russian-Azerbaijani relations: 1991–2003,* Abstract of Ph. D. dissertation, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.

Ketsbaya, G.R. (2004), *Current international legal problems in the field of non-international armed conflicts and the situation in Abkhazia, Georgia*, Abstract of

ISSN 2686-7648

Ph. D. dissertation, Diplomaticheskaya akademiya MID RF, Moscow, Russia.
Kokaya, I.Zh. (2005), *Modern international-law aspects of refugee status on the example of Russia and Georgia,* Abstract of Ph. D. dissertation, Diplomaticheskaya akademiya MID RF, Moscow, Russia.
Krylov, A.B. (2023), *Gosudarstva Yuzhnogo Kavkaza v kontekste mezhdunarodnoi politiki* [The states of the South Caucasus in the context of international politics], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.
Kukhalashvili, L.G. (2005), *The current state and prospects of expanding trade and economic cooperation between Russia and Georgia,* Abstract of Ph. D. dissertation, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov, Saint Petersburg, Russia.
Machavariani, G.G. (2017), *Georgia's Foreign Policy in the South Caucasus: 1991–2016*, Abstract of Ph. D. dissertation, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.
Mgaloblishvili. V.I. (2016), *The main directions of the modern foreign policy of the Republic of Georgia*, Abstract of Ph. D. dissertation, Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet, Pyatigorsk, Russia.
Mekhdiyeva, U.M. (2015), *The role of the Azerbaijani diaspora in the development of socio-cultural ties between Russia and Azerbaijan: 2003–2010,* Abstract of Ph. D. dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, Moscow, Russia.
Meshcheryakov, K.E. (2012), *Vneshnyaya politika Rossii na Yuzhnom Kavkaze: problemy i tendentsii razvitiya, puti modernizatsii s tsel'yu povysheniya effektivnosti* [Russia's foreign Policy in the South Caucasus: problems and development trends, ways of modernization in order to increase efficiency], Skifia-print, Saint Petersburg, Russia.
Nagdaliyeva, S.A. (2020), *Foreign cultural policy of the Republic of Azerbaijan,* Ph. D. Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.
Niyazov, N.S. (2012), Formation and development of the military security policy of the Republic of Azerbaijan in 1994–2011, Abstract of D. Sc. dissertation, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia.
Niyazova, G.Yu. (2014), *The linguistic dimension of Russian and British policy in Azerbaijan in the context of global processes,* Abstract of Ph. D. dissertation, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia.
Pataraya, G.G. (2011), *Constructing Russia's image as an element of the Political process in modern Georgia,* Abstract of Ph.D. dissertation, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, Perm', Russia.
Polukhov, E.P. (1999), *The foreign policy of the Republic of Azerbaijan after gaining sovereignty*, Ph. D. Thesis, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia.
Pivovar, E.I. (2012), *Rossiisko-azerbaidzhanskie otnosheniya, konets 20 – nachalo 21 veka* [Russian-Azerbaijani relations, The end of the 20th – beginning of the 21th century], Kremlin Multimedia, Moscow, Russia.

Pivovar, E.I. (2019), "Special legal status of the Caspian sea, results and prospects of the fifth Caspian summit in Aktau", *RSUH/RGGU Bulletin, "Eurasian Studies. History. Political science. International relations" Series,* no. 1, pp. 12–32.

Ragimova, A.F. (2003), *The role of non-governmental organizations in the development of Azerbaijan's international relations: The second half of the 1990s – 2002*, Ph. D. Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Moscow, Russia.

Rzaev, I.B. (2006), *Foreign economic aspects of Azerbaijan's national security*, Abstract of Ph. D. dissertation, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.

Savchenko, O.A. (2002), *Russian Diaspora in Azerbaijan: problems of ethnocultural development,* Abstract of Ph. D. dissertation, Rossiiskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF, Moscow, Russia.

Shyukyurov, M.F. (2023), *Azerbaijan's foreign policy priorities in the practice of cooperation with regional states,* Ph. D. Thesis, Diplomaticheskaya akademiya MID RF, Moscow, Russia.

Vasil'eva, O.V. (1997), *The Russian factor in Georgia's foreign policy: 1990–1995,* Abstract of Ph. D. dissertation, Institut Evropy Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Георгий В. Пономарев, независимый исследователь, Видное, Россия; 142720, Россия, Московская обл., Видное, ул. Южная, д. 23; georg.ponomarev2017@yandex.ru

Алексей Б. Захаров, независимый исследователь, Москва, Россия; 121165, Россия, Москва, Кутузовский пр-т, д. 33; lehazaharov2002@mail.ru

Information about the authors

Georgii V. Ponomarev, independent researcher, Vidnoe, Moscow region, Russia; bld. 23, Yuzhnaya Street, Vidnoe, Moscow region, Russia, 142720; georg.ponomarev2017@yandex.ru

Aleksey B. Zakharov, independent researcher, Moscow, Russia; bld. 33, Kutuzovskii Avenue, Moscow, Russia, 121165; lehazaharov2002@mail.ru

ISSN 2686-7648

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-104-124

Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации: современные тренды и перспективы развития

Иброхимбек Д. Насырходжаев

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, zafar1881@mail.ru
ORCID 0009-0003-7647-7841

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить, какую роль взаимная торговля играет в экономическом развитии Республики Узбекистан и Российской Федерации, и выделить факторы, способные положительно повлиять на этот процесс в перспективе до 2035 г. Автором изучена статистика взаимной торговли двух стран в 2005–2024 гг., на основании чего выявлены двадцатилетние тренды российско-узбекской торговли: увеличение доли Республики Узбекистан в российском экспорте в 6,33 раза, сокращение доли Российской Федерации в узбекском импорте в 3,33 раза, увеличение доли Российской Федерации в узбекском экспорте в 1,3 раза и повышение доли Республики Узбекистан в российском импорте в 2,17 раз. Также составлена эконометрическая модель торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации, раскрывшая характерные для российско-узбекских торговых процессов закономерности и детерминанты. В частности, автор делает вывод, согласно которому взаимная торговля Республики Узбекистан и Российской Федерации динамично развивается, играет важную роль в экономическом развитии двух стран и во многом определяется спецификой таможенного оформления и транспортировки. С опорой на эконометрическую модель, составленную автором, сделан прогноз развития взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации до 2035 г. Разработаны авторские рекомендации по оптимизации таможенных и логистических факторов, критически важных для расширения товарооборота и служащих драйверами будущего коммерческого роста. Материал статьи расширяет теоретическую базу, доказывающую экономическую выгоду от вступления Узбекистана в Евразийский экономический союз.

Ключевые слова: экономика, торговля, сотрудничество, развитие, Республика Узбекистан, Российская Федерация

© Насырходжаев И.Д., 2026

Для цитирования: Насырходжаев И.Д. Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации: современные тренды и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 104–124. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-104-124

Economic cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation: current trends and development prospects

Ibrokhimbek D. Nasyrkhodjaev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, zafar1881@mail.ru
ORCID 0009-0003-7647-7841

Abstract. This article attempts to determine the role that bilateral trade plays in the economic development of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation, and to identify factors that could positively influence this process through 2035. The author studied the statistics of mutual trade between the two countries in 2005–2024, on the basis of which twenty-year trends in Russian-Uzbek trade: a 6.33-fold increase in the Republic of Uzbekistan's share of Russian exports, a 3.33-fold decrease in the Russian Federation's share of Uzbekistan's imports, a 1.3-fold increase in the Russian Federation's share of Uzbekistan's exports, and a 2.17-fold increase in the Republic of Uzbekistan's share of Russian imports. An econometric model of trade between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation was also developed, revealing the patterns and determinants characteristic of Russian-Uzbek trade processes. In particular, the author concludes that mutual trade between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation is developing dynamically, plays an important role in the economic development of both countries, and is largely determined by the specifics of customs clearance and transportation. Based on an econometric model developed by the author, a forecast is made for the development of bilateral trade between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation through 2035. The authors have developed recommendations for optimizing customs and logistics factors that are critical to expanding trade and serve as drivers of future commercial growth. The content of this article expands the theoretical framework demonstrating the economic benefits of Uzbekistan's accession to the Eurasian Economic Union.

Keywords: economics, trade, cooperation, development, Republic of Uzbekistan, Russian Federation

ISSN 2686-7648

For citation: Nasyrkhodjaev, I.D. (2026), "Economic cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation: current trends and development prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 104–124, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-104-124

Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации исторически строится на принципах добрососедства и взаимной выгоды. На IV Ташкентском международном инвестиционном форуме на уровне высшего руководства Республики Узбекистан и Российской Федерации были официально озвучены намерения представителей двух стран продолжить и укрепить экономическое взаимодействие, приобретшее стратегический характер и подразумевающее масштабное наращивание российско-узбекской торговли в период до 2035 г.[1]

В настоящее время существуют весомые предпосылки к развитию экономического сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации. Это и географическое расположение двух стран, и общность их постсоветской инфраструктуры, в последние годы значительно модернизированной, и достаточно высокая лояльность B2C и B2B[2] потребителей в Республике Узбекистан и в Российской Федерации к продукции, реализуемой на условиях взаимной торговли, и высокая конкурентоспособность данной продукции на российском и узбекских рынках, и прочность российско-узбекских цепей поставок и сбыта.

В последние годы в связи с тенденцией дедолларизации возросла потребность в переходе Республики Узбекистан и Российской Федерации на торговые операции без привязки к третьим валютам для повышения финансовой независимости и укрепления курсов узбекского сума и российского рубля. Однако проблема заключается в том, что, несмотря на прочную нормативно-правовую и институциональную основу российско-узбекского экономическо-

---

[1] Максим Решетников: товарооборот между Россией и Узбекистаном за 5 лет почти удвоился // Министерство экономического развития Российской Федерации. 12 июня 2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_tovarooborot_mezhdu_rossiey_i_uzbekistanom_za_5_let_pochti_udvoilsya_.html (дата обращения 21 июля 2026).

[2] B2C (business-to-consumer) – это продажа товаров и услуг частным лицам для личного пользования, тогда как B2B (business-to-business) – продажа товаров или услуг другим компаниям для использования их в бизнесе или для перепродажи (*примеч. отв. ред.*).

го сотрудничества и благоприятные условия для его осуществления, потенциал развития двустороннего взаимодействия реализуется не полностью из-за недостаточной научно-методической поддержки. В частности, необходимы количественное измерение выгод от взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации и четкое представление об условиях, от которых зависит извлечение данных выгод – обеспечить это призвана современная наука. Этим определяется актуальность проводимого нами исследования.

Различные аспекты экономического сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации достаточно подробно представлены в современной отечественной и зарубежной историографии. Так, А.А. Амбарцумян рассматривает современное состояние, основные направления и перспективы внешнеэкономического сотрудничества Узбекистана и России [Амбарцумян 2025]. В работе О.В. Кузнецова исследуются приоритеты социально-экономического развития двух государств и возможности их согласования в рамках двустороннего взаимодействия [Кузнецов 2024]. И.Д. Горюнов анализирует динамику, структуру и институциональные основы торгово-экономических отношений [Горюнов 2018]. А.А. Мигранян оценивает риски и потенциал российско-узбекского экономического сотрудничества в современных геоэкономических условиях [Мигранян 2020]. Коллектив авторов – В.Н. Живалов, Т.М. Алиев, Н.С. Могучев и О.В. Пономарева – определяют перспективные направления торгово-промышленной кооперации с учетом отраслевых потребностей экономики Узбекистана и российского экспортного потенциала [Живалов и др. 2026].

Существенный вклад в развитие исследуемой проблематики вносят и зарубежные авторы. В частности, А. Бозоров с соавторами исследуют последствия либерализации внешней торговли в Узбекистане и ее влияние на дальнейшее развитие внешнеэкономических связей [Bozorov et al. 2026], а Б. Исломов, М. Турдибаева и А. Худайназаров с использованием векторной модели коррекции ошибок (VECM) осуществляют сценарное прогнозирование экспортного спроса Узбекистана на российском рынке [Islamov et al. 2025].

Особенный интерес представляют публикации С.С. Русских, К.Т. Самиевой, Е.Г. Попковой, В.Л. Белозерова, А.А. Светашева и др., [Samieva et al. 2023; Popkova et al. 2024; Belozerov et al. 2024; Русских 2025; Светашев и др. 2025], в которых приводятся, во-первых, ожидаемые (целевые) преимущества от развития российско-узбекистанской торговли:

– время, требующееся для экспорта и импорта товаров [Русских 2025], отражающее скорость трансграничного перемещения

ISSN 2686-7648

товаров и соответственно длительность их ожидания покупателями и ликвидность;
– эффективность логистики [Belozerov et al. 2024], определяющая широту возможностей, качество (риски потери и порчи товаров при их перемещении) и удобство транспортировки товаров.

Во-вторых, исследователи российско-узбекистанского экономического сотрудничества выделяют следующие потенциальные условия, от которых предположительно может зависеть развитие взаимной торговли и извлечение из нее следующих преимуществ:
– сокращение безработицы [Бобров 2025] благодаря созданию дополнительных рабочих мест в производствах, создающих продукцию, подлежащую взаимной торговле;
– повышение уровня доходов [Mehta, Patel 2024] как проявление увеличения общественного благополучия благодаря экономическому росту, ускоряемому при помощи взаимной торговли.

Однако, несмотря на обилие опубликованных работ по обозначенной теме, их авторы недостаточно внимания уделяют фактическим преимуществам, которые дает развитие взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации, а также тому, какие именно из перечисленных условий и в какой степени определяют данное развитие и масштаб извлекаемых из него преимуществ. Эту недоработку мы стремимся восполнить в своем исследовании.

Для решения первой задачи, связанной с выявлением современных трендов развития взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации, используется метод трендового анализа. Выбор периода 2005–2024 гг. обусловлен целью выявления современных долгосрочных тенденций во взаимной торговле Республики Узбекистан и Российской Федерации, а также необходимостью формирования двадцатилетнего статистического ряда, показатели которого обладают относительно высокой степенью сопоставимости.

Данные табл. 1 свидетельствуют о существенном увеличении масштабов взаимной торговли между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией за исследуемый период, несмотря на влияние мировых финансовых кризисов, пандемии COVID-19 и геополитических изменений последних лет. Рост товарооборота сопровождался изменением роли России во внешней торговле Узбекистана и постепенным повышением значения Узбекистана как торгового партнера Российской Федерации. За 2005–2024 гг. экспорт Российской Федерации в Республику Узбекистан увеличился с 860,8 млн долл. США до 8104,5 млн долл. США, то есть

почти в 9,4 раза. Наиболее высокие темпы роста наблюдались после 2017 г., что связано с либерализацией внешнеэкономической деятельности в Узбекистане, активизацией промышленной кооперации, расширением взаимных инвестиционных проектов и увеличением поставок продукции машиностроения, металлургии, химической промышленности и продовольственных товаров.

Экспорт Республики Узбекистан в Российскую Федерацию также характеризовался устойчивой положительной динамикой. Если в 2005 г. его объем составлял 592 млн долл. США, то к 2024 г. достиг 3869,6 млн долл. США, увеличившись более чем в 6,5 раза. Особенно заметный рост наблюдался после 2020 г., что объясняется переориентацией внешнеторговых потоков, расширением экспорта плодоовощной продукции, текстильных изделий, цветных металлов, продукции химической промышленности и других товаров. Это показывает значительное увеличение масштаба внешней торговли обеих стран. Общий экспорт Российской Федерации вырос с 241,5 млрд долл. США в 2005 г. до 433,9 млрд долл. США в 2024 г., тогда как общий экспорт Республики Узбекистан увеличился с 5,4 млрд долл. США до 27,3 млрд долл. США, то есть более чем в 5 раз. Общий импорт Республики Узбекистан за тот же период вырос почти в 9,8 раза (с 4,1 млрд до 40,0 млрд долл. США), что отражает высокие темпы модернизации экономики, расширение внутреннего спроса и увеличение инвестиционного импорта.

Особый интерес представляют рассчитанные показатели взаимной торговой зависимости Российской Федерации и Республики Узбекистан, характеризующие изменение роли каждой из стран во внешней торговле партнера. Динамика данных показателей за 2005–2024 гг. представлена на рис. 1 и проанализирована ниже.

Для решения второй задачи, состоящей в составлении эконометрической модели взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации, используется метод регрессионного анализа. При помощи этого метода на базе статистики из табл. 2 определяется зависимость:

- уровня доходов на душу населения в Российской Федерации ($Д_{РФ}$) и в Республике Узбекистан ($Д_{РУ}$) от их взаимной торговли ($ВТ_{1\text{-}4}$);
- безработицы в Российской Федерации ($Б_{РФ}$) и в Республике Узбекистан ($Б_{РУ}$) от их взаимной торговли ($ВТ_{1\text{-}4}$);
- доли РУз в экспорте РФ ($ВТ_1$) и доли РФ в импорте РУз ($ВТ_2$) от времени на экспорт в Российской Федерации ($Э_{РФ}$), времени на импорт в Республике Узбекистан ($Э_{РУ}$) и от эффективности логистики в Российской Федерации ($Л_{РФ}$) и в Республике Узбекистан ($Л_{РУ}$);

ISSN 2686-7648

Таблица 1

Динамика взаимной торговли Республики Узбекистан (РУз) и Российской Федерации (РФ) в 2005–2024 гг.[3]

Год	Экспорт РФ в РУз, млн долл.	Общий импорт РУз, млн долл.	Общий экспорт РФ, млн долл.	Экспорт РУз в РФ, млн долл.	Общий импорт РФ, млн долл.	Общий экспорт РУз, млн долл.	Доля РУз в экспорте РФ, %	Доля РФ в импорте РУз %	Доля РФ в экспорте РУз %	Доля РУз в импорте РФ, %
							$ВТ_1$	$ВТ_2$	$ВТ_3$	$ВТ_4$
1	2	3	4	5	6	7	8(2/4*100)	9(2/3*100)	10(5/7*100)	11(5/6*100)
2005	860,8	4091,4	241473	592	98708	5409	0,3	21,0	10,9	0,6
2006	1086,9	5336,6	301244	1062	137807	6383,1	0,3	20,4	16,6	0,8
2007	1722,3	7004	351928	1577	199753	8991,5	0,5	24,6	17,5	0,8
2008	2066,9	9711,3	467581	1833	267101	11572,9	0,4	21,2	15,8	0,7
2009	1697	10252,1	301667	1209	167348	11771,3	0,6	16,5	10,2	0,7
2010	1988,0	9175,8	397068	4154,8	228912	13023,4	0,5	21,6	31,9	1,8
2011	2383,4	11344,6	516718	4405,5	305760	15021,3	0,4	21,0	29,3	1,4
2012	2695,3	12816,5	524735,4	5144,7	317263,2	13599,6	0,5	21,0	37,8	1,6
2013	3180,7	13946,9	525976	3442,7	315297,5	14322,6	0,6	22,8	24,0	1,1

2014	3312,7	13984,3	497359	2545,8	287062,7	13545,7	0,6	23,6	18,7	0,8
2015	2634,7	12416,6	343512	1821	182902	12507,4	0,7	21,2	14,5	1,0
2016	2397,8	12137,6	285652	1794,9	182448	12094,6	0,8	19,7	14,8	1,0
2017	2709,5	14012,4	357266	2019,2	227870	12553,7	0,7	19,3	16,1	0,9
2018	3538,6	19439,3	450277,5	2117,3	238710	13990,7	0,8	18,2	15,1	0,9
2019	4137,7	24292,3	424261	2531,9	244573	17458,7	1,0	17,0	14,5	1,0
2020	4173,8	21153,8	337295	1485,7	232138	15102,2	1,2	19,7	9,8	0,6
2021	5462,2	25507,7	492907	2088,2	290564	16662,8	1,1	21,4	12,5	0,7
2022	6230,7	30767,8	592500	3151,1	255300	19732,5	1,0	20,2	15,9	1,2
2023	6660,6	38659,1	425300	3495,7	285300	24869,5	1,5	17,2	14,0	1,2
2024	8104,5	39968,3	433900	3869,6	283000	27270,1	1,9	20,3	14,2	1,3

[3] Составлено автором по данным: Общий экспорт и общий импорт по данным Федеральной службы государственной статистики. Международные сравнения. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/incomparisons; Общий импорт, общий экспорт, экспорт в РФ в РУз, экспорт РУз в РФ по данным Национального Комитета Республики Узбекистан по статистике. Внешнеэкономическая деятельность. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade (дата обращения 4 августа 2026); С 2005 по 2009 г. экспорт РФ в РУз и экспорт РУз в РФ рассчитан по зеркальной российской статистике и сведениям о двустороннем товарообороте.

– доли РФ в экспорте РУз ($ВТ_3$) и доли РУз в импорте РФ ($ВТ_4$) от времени на экспорт в Республике Узбекистан ($И_{РФ}$), времени на импорт в Российской Федерации ($И_{РУ}$) и от эффективности логистики ($Л_{РФ}$ и $Л_{РУ}$).

Таблица 2

Показатели взаимной торговли
Республики Узбекистан и Российской Федерации
в 2005–2024 гг.[4]

Год	Время на экспорт, дней		Время на импорт, дней		Эффективность логистики, баллы 1–5		Уровень доходов на душу населения, долл.		Безработица, %	
	РФ	РУз	РФ	РУз	РФ	РУз	РФ	РУз	РФ	РУз
	$Э_{РФ}$	$Э_{РУ}$	$И_{РФ}$	$И_{РУ}$	$Л_{РФ}$	$Л_{РУ}$	$Д_{РФ}$	$Д_{РУ}$	$Б_{РФ}$	$Б_{РУ}$
2005	2,80	1,41	3,00	2,00	2,37	2,16	4450,00	520,00	7,12	7,09
2006	2,80	1,41	3,00	2,00	2,37	2,16	5810,00	600,00	7,06	6,03
2007	2,80	1,41	3,00	2,00	2,37	2,16	7560,00	760,00	6,00	4,99
2008	2,80	1,41	3,00	2,00	2,37	2,16	9580,00	970,00	6,21	4,89
2009	2,80	1,41	3,00	2,00	2,37	2,16	9230,00	1150,00	8,30	5,04
2010	3,98	1,41	2,88	2,00	2,61	2,79	9980,00	1420,00	7,41	5,36
2011	3,98	1,41	2,88	2,00	2,61	2,79	11060,00	1760,00	6,57	4,96
2012	2,00	1,41	3,00	25,00	2,58	2,46	13470,00	2200,00	5,48	4,87
2013	2,00	1,41	3,00	25,00	2,58	2,46	15160,00	2470,00	5,51	4,86
2014	2,00	18,00	4,00	18,00	2,69	2,39	14590,00	2650,00	5,21	5,09

[4] Lead time to export, median case (days) // World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/LP.EXP.DURS.MD?view=chart (дата обращения 21 июля 2026); Lead time to import, median case (days) // World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/LP.IMP.DURS.MD?view=chart (дата обращения 21 июля 2026); Logistics performance index: Overall (1=low to 5=high) // World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/LP.LPI.OVRL.XQ?view=chart (дата обращения 21 июля 2026); GNI per capita, Atlas method (current US$) // World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?view=chart (дата обращения 21 июля 2026); Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) // World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?view=chart (дата обращения 21 июля 2026).

Год	Время на экспорт, дней		Время на импорт, дней		Эффективность логистики, баллы 1–5		Уровень доходов на душу населения, долл.		Безработица, %	
	РФ	РУз	РФ	РУз	РФ	РУз	РФ	РУз	РФ	РУз
	$Э_{РФ}$	$Э_{РУ}$	$И_{РФ}$	$И_{РУ}$	$Л_{РФ}$	$Л_{РУ}$	$Д_{РФ}$	$Д_{РУ}$	$Б_{РФ}$	$Б_{РУ}$
2015	2,00	18,00	4,00	18,00	2,69	2,39	11740,00	2790,00	5,62	5,15
2016	5,00	18,00	7,00	20,00	2,57	2,40	9680,00	2840,00	5,59	5,16
2017	5,00	18,00	7,00	20,00	2,57	2,40	9160,00	2630,00	5,24	5,83
2018	3,00	16,00	5,00	3,00	2,76	2,58	10180,00	2340,00	4,87	5,39
2019	3,00	16,00	5,00	3,00	2,76	2,58	11190,00	2150,00	4,51	4,93
2020	3,00	16,00	5,00	3,00	2,76	2,58	10660,00	2000,00	5,62	5,29
2021	3,00	16,00	5,00	3,00	2,76	2,58	11710,00	2250,00	4,75	5,36
2022	3,00	16,00	5,00	3,00	2,60	2,60	12890,00	2500,00	3,87	4,49
2023	3,00	16,00	5,00	3,00	2,60	2,60	14460,00	2750,00	3,08	4,46
2024	3,00	16,00	5,00	3,00	2,60	2,60	15320,00	3020,00	2,53	4,49

Табл. 2 характеризует изменение факторов, оказывающих влияние на развитие взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации. В качестве объясняющих переменных использованы показатели времени, необходимого для осуществления экспортно-импортных операций, эффективности логистики, уровня доходов населения и уровня безработицы. Совокупность представленных данных позволяет оценить институциональные и социально-экономические условия, определяющие динамику двустороннего товарооборота.

Прежде всего, нужно выделить изменение времени, необходимого для осуществления экспортных операций. В Российской Федерации данный показатель сократился с 2,8 дня в 2005–2009 гг. до 2 дней в 2012–2015 гг., после чего стабилизировался на уровне 3 дней, начиная с 2018 г. В Республике Узбекистан до 2014 г. оформление экспортных процедур занимало 1,41 дня, однако в 2015–2017 гг. показатель увеличился до 18 дней, а с 2018 г. стабилизировался на уровне 16 дней. Несмотря на увеличение времени оформления по новой методологии Всемирного банка, в последующие годы существенного ухудшения условий внешней торговли не наблюдалось, что свидетельствует об адаптации национальной системы таможенного администрирования к новым требованиям международной оценки. Аналогичная тенденция прослеживается и по времени, необходимому для импортных операций. В Россий-

ISSN 2686-7648

ской Федерации показатель изменялся от 3 дней в начале периода до 5 дней после 2018 г., тогда как в Узбекистане после изменения методологии Всемирного банка произошло увеличение оценки с 2 дней до 18–25 дней, а затем сокращение до 3 дней в 2018–2024 гг. Такое снижение свидетельствует о постепенном совершенствовании процедур таможенного оформления, цифровизации государственных услуг и внедрении механизмов «единого окна».

Рост взаимной торговли между Россией и Узбекистаном, вероятно, оказался среди факторов, оказывающих положительное влияние на снижение уровня безработицы и рост доходов населения в обеих странах, выступая в качестве одного из ключевых макроэкономических факторов[5]. Нужно отметить, что в Российской Федерации доход на душу населения увеличился с 4450 долл. США в 2005 г. до 15 320 долл. США в 2024 г., то есть более чем в 3,4 раза. В Республике Узбекистан рост оказался еще более значительным: с 520 долл. США до 3020 долл. США, что соответствует увеличению почти в 5,8 раза. Несмотря на сохраняющийся разрыв в абсолютных значениях, более высокие темпы роста доходов населения Узбекистана свидетельствуют о расширении внутреннего потребительского спроса и формировании дополнительных возможностей для увеличения взаимного товарооборота. Положительные изменения наблюдаются и на рынке труда. В Российской Федерации уровень безработицы снизился с 7,12% в 2005 г. до 2,53% в 2024 г., что является одним из наиболее низких показателей за рассматриваемый период. В Узбекистане безработица уменьшилась с 7,09% до 4,49%. Снижение безработицы в обеих странах сопровождалось ростом занятости населения, увеличением доходов домашних хозяйств и расширением платежеспособного спроса, что в свою очередь положительно влияет на развитие двусторонней торговли.

Для решения третьей задачи, заключающейся в составлении прогноза развития взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации до 2035 г., на основе составленной эконометрической модели определяются ожидаемые последствия от сокращения времени, которое требуется для осуществления торгового процесса, и достижения наивысшей эффективности логистики в обеих странах.

В результате анализа данных, представленных в табл. 1, была составлена диаграмма, наглядно демонстрирующая современные тренды развития взаимной торговли России и Узбекистана (рис. 1).

---

[5] Торговые отношения в данном случае следует рассматривать не как изолированный фактор, а как катализатор комплексного положительного воздействия на рынок труда через прямые, косвенные и индуцированные эффекты.

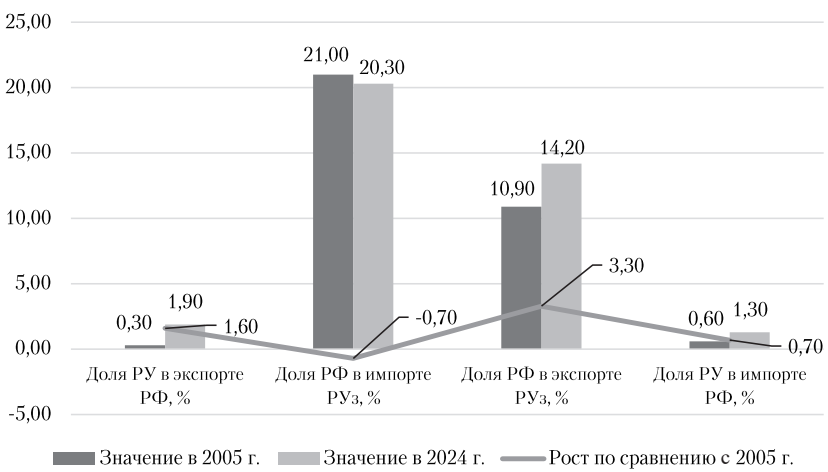

Рис. 1. Рост российско-узбекистанской торговли за период 2005–2024 гг.[6]

Источник: Составлено автором на основе табл. 1.

Рис. 1 наглядно демонстрирует изменение четырех ключевых показателей взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации в 2005–2024 гг. Сравнение значений начала и конца исследуемого периода позволяет оценить изменение взаимной значимости двух стран во внешней торговле друг друга.

Наиболее существенный рост наблюдается по показателю доли Республики Узбекистан в экспорте Российской Федерации ($ВТ_1$). Если в 2005 г. данный показатель составлял лишь 0,30%, то к 2024 г. он увеличился до 1,90%. Абсолютный прирост составил 1,60 процентного пункта, что свидетельствует о заметном повышении роли узбекского рынка в структуре российского экспорта. Такая динамика обусловлена расширением двустороннего товарооборота, активизацией промышленной кооперации и увеличением российского экспорта машин, оборудования, химической продукции, продовольствия и энергоресурсов.

Второй показатель – доля Российской Федерации в импорте Республики Узбекистан ($ВТ_2$) – на протяжении всего периода оставался самым высоким среди анализируемых индикаторов. Несмотря на незначительное снижение с 21,0% до 20,3%, абсолютное изменение составило всего 0,7 процентного пункта, что свидетельствует о сохранении Россией статуса одного из ключевых поставщиков товаров на узбекский рынок. Следовательно, структура

[6] Составлено автором на основе табл. 1.

ISSN 2686-7648

импорта Республики Узбекистан остается в значительной степени ориентированной на российскую продукцию.

Наиболее заметное положительное изменение произошло по показателю доли Российской Федерации в экспорте Республики Узбекистан ($ВТ_3$). Значение увеличилось с 10,9% в 2005 г. до 14,2% в 2024 г., а абсолютный прирост составил 3,3 процентного пункта. Данная тенденция указывает на усиление роли российского рынка как одного из основных направлений узбекского экспорта. Рост связан с расширением поставок текстильных и сельскохозяйственных товаров, цветных металлов, продукции химической промышленности и перерабатывающих отраслей.

Показатель доли Республики Узбекистан в импорте Российской Федерации ($ВТ_4$) также имеет положительную динамику. Его значение возросло с 0,60% до 1,30%, то есть на 0,7 процентного пункта. Хотя удельный вес узбекской продукции в общем объеме российского импорта остается относительно небольшим, практически двукратное увеличение данного показателя свидетельствует о постепенном укреплении конкурентных позиций узбекских товаров на российском рынке.

На уровне экономической теории расширение торговли может повышать доходы через рост рынков сбыта, специализацию, использование импортных машин и промежуточных товаров, технологический трансфер, усиление конкуренции и включение предприятий в региональные производственные цепочки.

Простая корреляция по уровням показателей в таблицах достаточно высокая.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между показателями двусторонней торговли и ВНД на душу населения России и Узбекистана (2005–2024 гг.)

Пара показателей, 2005–2024 гг.	Коэффициент корреляции
Товарооборот и ВНД на душу населения РФ	0,84
Товарооборот и ВНД на душу населения РУ	0,69
Экспорт РФ в РУ и ВНД на душу населения РФ	0,72
Экспорт РУ в РФ и ВНД на душу населения РУ	0,43

Источник: Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан и Всемирного банка.

Корреляция 0,84 между товарооборотом и российским доходом и корреляция 0,69 между товарооборотом и узбекским доходом указывают на совместное движение показателей, но не доказывают, что рост двусторонней торговли непосредственно вызвал повышение доходов.

Использование регрессии в уровнях может приводить к завышению коэффициентов вследствие общей тенденции роста исследуемых временных рядов[7]. Поэтому дополнительно оценивались модели в первых разностях, позволяющие снизить риск ложной регрессии. И товарооборот, и номинальный ВНД на душу населения увеличиваются с течением времени. Даже два не связанных друг с другом показателя могут иметь высокую корреляцию, если оба обладают восходящим трендом. Дополнительно российский ВНД в долларах и стоимость внешней торговли одновременно зависят от мировых цен на сырье и валютного курса. Для Узбекистана существенны изменение обменного курса, внутренние реформы, инвестиции, денежные переводы, демография и изменение методологии учета.

В качестве исходной точки для прогноза используется официальное значение внешнеторгового товарооборота 2025 г. – 12 986 млрд долл. Прогноз не является официальным государственным документом, это сценарный расчет.

Для достижения 30 млрд долл. к 2030 г. после результата 2025 г. товарооборот должен увеличиваться в среднем примерно на 18,2% ежегодно. Это значительно выше долгосрочного фактического темпа за 2005–2024 гг., равного 11,7%. Следовательно, официальная цель требует не простого продолжения текущей тенденции, а существенного ускорения промышленной кооперации, локализации, торговли услугами и устранения логистических и расчетных барьеров.

В целевом сценарии предполагается постепенное сокращение дисбаланса: доля российского экспорта в товарообороте снижается с 67,7% в 2024 г. до 62% к 2030 г. и до 60% к 2035 г. Без расширения узбекского экспорта целевой товарооборот может быть достигнут преимущественно за счет российского импорта, что увеличит торговый дефицит Узбекистана и ослабит положительное влияние сотрудничества на национальные доходы.

Если условно применить коэффициенты динамической модели и предположить неизменность остальных факторов, сценарии дают следующие индексы доходов, связанные только с изменением торговли. Это не прогноз фактического ВНД и не оценка чистого причинного эффекта.

[7] См. об этом: *Gujarati D.N., Porter D.C.* Basic Econometrics. 5th ed. Boston: McGraw-Hill/Irwin, 2009. 922 p.

ISSN 2686-7648

Таблица 4

Сценарные параметры развития
торгово-экономического сотрудничества
Российской Федерации и Республики Узбекистан до 2035 г.

Сценарий	Основное предположение	Товарооборот в 2030 г., млрд долл. США	Товарооборот в 2035 г., млрд долл. США	Экспорт РФ в РУз в 2035 г.	Экспорт РУз в РФ в 2035 г.
Консервативный	Рост на 5 % ежегодно, сохранение структуры торговли	16,6	21,2	14,4	6,8
Базовый	Рост на 9 % до 2030 г. и на 8 % в 2031–2035 гг.	20,0	29,4	18,5	10,9
Целевой	Достижение официального ориентира 30 млрд долл. к 2030 г.; далее рост на 7 %	30,0	42,1	25,2	16,8

Источник: Составлено и рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан, Всемирного банка (World Development Indicators) и прогнозных сценарных расчетов автора.

Таблица 5

Сценарная оценка условного индекса ВНД на душу населения
Российской Федерации и Республики Узбекистан в 2035 г.

Сценарий	Условный индекс ВНД РФ на душу населения в 2035 г., 2024 = 100	Условный индекс ВНД РУз на душу населения в 2035 г., 2024 = 100
Консервативный	120	109
Базовый	133	114
Целевой	150	120

Источник: Рассчитано автором на основе результатов эконометрического моделирования и сценарных расчетов, выполненных по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), Национального комитета Республики Узбекистан по статистике и Всемирного банка (World Development Indicators).

Полученные индексы следует трактовать предельно осторожно. Для России модельный результат явно включает влияние общих макроэкономических факторов. Для Узбекистана оценка выглядит более сдержанной: даже в целевом сценарии увеличение товарооборота до 42 млрд долл. к 2035 г. ассоциируется примерно с 20-процентным повышением индекса дохода относительно 2024 г. Все остальные изменения должны обеспечиваться производительностью, инвестициями, образованием, внутренними реформами, экспортной диверсификацией и макроэкономической стабильностью.

Россия имеет значительно большее относительное значение для внешней торговли Узбекистана, чем Узбекистан для внешней торговли России. В 2024 г. российские товары составляли около 20,3% импорта Узбекистана, тогда как Узбекистан обеспечивал около 1,9% российского экспорта. Поэтому влияние сотрудничества на узбекскую экономику потенциально сильнее и реализуется одновременно через экспорт, инвестиционный импорт, технологии, миграцию, энергетику и производственную кооперацию.

Между товарооборотом и ВНД на душу населения обнаружена положительная статистическая связь. Однако высокая корреляция уровней частично обусловлена общим временным трендом, валютными курсами и внешними макроэкономическими шоками. Динамическая модель дает более умеренную оценку: увеличение товарооборота на 10% связано с ростом долларового ВНД на душу населения примерно на 3,2% в России и на 1,5% в Узбекистане. Эти результаты следует интерпретировать как ассоциацию, а не как доказанный причинный эффект.

Официальный ориентир в 30 млрд долл. к 2030 г. является достижимым только при среднегодовом росте торговли примерно на 18%. При обычном инерционном развитии товарооборот к 2030 г., вероятнее всего, окажется ближе к 17–20 млрд долл., а уровень 30 млрд долл. будет достигнут к середине следующего десятилетия. В целевом сценарии, предполагающем 30 млрд долл. к 2030 г. и дальнейший рост на 7% ежегодно, товарооборот может достичь примерно 42 млрд долл. к 2035 г.

Ключевым критерием эффективности сотрудничества должно стать не только увеличение номинального товарооборота, но и изменение его качества. Для роста доходов Узбекистану особенно важно увеличивать долю собственного экспорта, продукции глубокой переработки и совместно произведенных товаров. Для России перспективы связаны с дальнейшим закреплением на быстрорастущем узбекском рынке, расширением экспорта технологий и оборудования, развитием промышленной локализации и российско-узбекской инвестиционной кооперации, в том числе при

ISSN 2686-7648

реализации проектов строительства и модернизации энергетической и транспортной инфраструктуры.

Основный вывод по итогам проведенного исследования состоит в том, что взаимная торговля Республики Узбекистан и Российской Федерации динамично развивается, играет важную роль в экономическом прогрессе двух стран и во многом определяется таможенными и логистическими условиями.

В ходе исследования было выявлено, что в 2005–2024 гг. происходило увеличение доли Республики Узбекистан в российском экспорте на 1,6%, увеличение доли Российской Федерации в импорте Республики Узбекистан на 0,7%, сокращение доли Российской Федерации в экспорте Республики Узбекистан на 3,3% и увеличение доли Республики Узбекистан в российском импорте на 0,7%.

Была составлена эконометрическая модель взаимной торговли Республики Узбекистан и Российской Федерации, раскрывшая причинно-следственные связи данного процесса. С опорой на полученную модель сделан прогноз развития торговых взаимоотношений двух стран до 2035 г., выявивший значительный потенциал и определивший условия для дальнейшей активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Для оптимизации таможенных и логистических факторов в поддержку развития взаимной торговли двух стран автор рекомендует:

– сократить время, требуемое для взаимного товарооборота, до 2 дней (в частности, необходимо уменьшение временнных затрат на экспорт в Российской Федерации на 33,40% и в Республике Узбекистан на 87,50%, а также снижение временных затрат на импорт в Российской Федерации на 60,00% и в Республике Узбекистан на 33,29%);
– повысить эффективность логистики до максимально высокого уровня (5,00 баллов): в Российской Федерации на 92,29% и в Республике Узбекистан на 92,31%.

Результаты анализа подтверждают, что за 2005–2024 гг. взаимная торговля между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией характеризовалась устойчивым развитием и углублением экономического взаимодействия. Наиболее значительное увеличение произошло по объему российского экспорта в Узбекистан и узбекского экспорта в Россию, что сопровождалось ростом роли Узбекистана во внешней торговле Российской Федерации. В то же время сохранение высокой доли России в импорте Узбекистана подтверждает стратегический характер двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Одновременно постепенное снижение доли российского рынка в общем экспорте Узбекистана свидетельствует о расширении географии внешней торговли

и диверсификации экспортных направлений, что повышает устойчивость национальной экономики к внешним шокам. Сформировавшиеся тенденции создают благоприятные предпосылки для дальнейшего развития взаимной торговли, углубления промышленной кооперации и реализации совместных инвестиционных проектов.

Литература

Амбарцумян 2025 – *Амбарцумян А.* Внешнеэкономическое сотрудничество Узбекистана и России: состояние и перспективы // Scienceproblems.uz. 2025. Т. 5. № S/2. С. 70–78. DOI: 10.47390/spr1342v5si2y2025n10

Бобров 2025 – *Бобров Д.В.* СПО как механизм формирования рабочих кадров в современной России: проблемы и перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. № 1. С. 8–20. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-8-20

Горюнов 2018 – *Горюнов И. Д.* Торгово-экономическое сотрудничество России и Узбекистана на современном этапе // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 4 (100). С. 197–204. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-4-197-204

Живалов и др. 2026 – *Живалов В.Н., Алиев Т.М., Могучев Н.С., Пономарева О.В.* Определение перспективных направлений торгово-промышленной кооперации России и Узбекистана на основе анализа отраслевых потребностей узбекской промышленности с целью реализации российского экспортного потенциала // Современная мировая экономика. 2026. Т. 4. № 1. С. 50–74. DOI: 10.17323/2949-5776-2026-4-1-50-74

Кузнецов 2024 – *Кузнецов О.В.* Исследование вопросов, связанных с приоритетностью выбора направлений социально-экономического развития России и Узбекистана // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-4 (96). С. 27–30. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-4-27-30

Мигранян 2020 – *Мигранян А.А.* Российско-узбекское сотрудничество: риски и потенциал развития // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4. С. 470–484. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-470-484

Русских 2025 – *Русских С.С.* Электронная форма предпринимательских договоров и разрешение споров в торговом обороте России, зарубежных правопорядках в контексте развития цифровых платформ // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. № 1. С. 126–141. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-126-141

Светашев, и др. 2025 – *Светашев А.А., Илесалиев Д.И., Светашева Н.Ф.* Трансформация евразийской логистики: роль коридора «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» в современной мировой торговле (часть I) //

ISSN 2686-7648

Инновационный транспорт. 2025. № 1 (55). С. 3–8. DOI: 10.20291/2311-164X-2025-1-3-8

Belozerov et al. 2024 – *Belozerov V.L., Kobesov K.K., Kurenkov P.V., Zotova E.V.* Prospects for further development of logistics and trade in Central Asian countries //BRICS transport. 2024. Vol. 3. № 3. DOI: 10.46684/2024.3.1

Bozorov et al. 2026 – *Bozorov A., Peng C., Shang Z.* Evaluating the outcomes of trade liberalization in Uzbekistan: impacts and paths forward // China economic journal. 2026. Vol. 19. № 1. DOI: 10.1080/17538963.2025.2607258

Islamov et al. 2025 – *Islamov B., Turdibaeva M., Khudaynazarov* A. Scenario forecasting of Uzbekistan's export demand to Russia using a VECM framework // Proceeding of the 8th International conference on future networks and distributed systems (ICFNDS '24). New York: Association for Computing Machinery, 2025. P. 1078–1084. DOI: 10.1145/3726122.3726295

Mehta, Patel 2024 – *Mehta D., Patel N.* Asymmetric effects of trade openness and national income on government size in BRICS countries: new evidence for Wagner's law // Economy of Regions. 2024. Vol. 20. № 4. P. 1300–1314. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-21

Popkova et al. 2024 – *Popkova E.G., Andronova I.V., Ryazantsev S.V., Gornostaeva Zh.V.* New horizons of economic integration in the EAEU based on educational and labor migration: implications for quality management in industry 4.0 // International journal for quality research. 2024. Vol. 18. № 1. P. 279–298. DOI: 10.24874/ijqr18.01-18

Samieva et al. 2023 – *Samieva K.T., Saenko I.I., Menshchikova V.I., Smetanin A.S.* ESG management of digital business using big data and artificial intelligence (AI) in support of the green economy in Russia and Central Asia // ESG management of the development of the green economy in Central Asia. Cham: Springer, 2023. C. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-031-46525-3_1

References

Ambartsumyan, A. (2025), "Foreign economic cooperation between Uzbekistan and Russia: status and prospects, *Scienceproblems.uz*, vol. 5, no. S/2, pp. 70–78, DOI: 10.47390/spr1342v5si2y2025n10

Belozerov, V.L., Kobesov, K.K., Kurenkov, P.V. and Zotova, E.V. (2024), "Prospects for further development of logistics and trade in Central Asian countries", *BRICS transport*, vol. 3, no. 3, DOI: 10.46684/2024.3.1

Bobrov, D.V. (2025), "Secondary vocational education as a mechanism for the formation of workers in modern Russia: challenges and prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics and Management. Law" Series,* no. 1, pp. 8–20, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-8-20

Bozorov, A., Peng, C. and Shang, Z. (2026), "Evaluating the outcomes of trade liberalization in Uzbekistan: impacts and paths forward", *China Economic Journal*, vol. 19, no. 1, DOI: 10.1080/17538963.2025.2607258

Goryunov, I.D. (2018), "Trade and economic cooperation between Russia and Uzbekistan at the present stage", *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, no. 4 (100), pp. 197–204, DOI: 10.21686/2413-2829-2018-4-197-204

Islamov, B., Turdibaeva, M. and Khudaynazarov, A. (2025), "Scenario forecasting of Uzbekistan's export demand to Russia using a VECM framework", in *Proceeding of the 8th International conference on future networks and distributed systems (ICFNDS '24)*, Association for Computing Machinery, New York, USA, pp. 1078–1084, DOI: 10.1145/3726122.3726295

Kuznetsov, O.V. (2024), "Research of issues related to the priority of choosing directions of socio-economic development of Russia and Uzbekistan", *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 9-4 (96), pp. 27–30, DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-4-27-30

Mehta, D. and Patel, N. (2024), "Asymmetric effects of trade openness and national income on government size in BRICS countries: new evidence for Wagner's law", *Economy of Regions*, vol. 20, no. 4, pp. 1300–1314, DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-21

Migranyan, A.A. (2020), "Russian-Uzbek cooperation: risks and development potential", *Post-Soviet Issues*, vol. 7, no. 4, pp. 470–484, DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-470-484

Popkova, E.G., Andronova, I.V., Ryazantsev, S.V. and Gornostaeva, Zh.V. (2024), "New horizons of economic integration in the EAEU based on educational and labor migration: implications for quality management in industry 4.0", *International Journal for Qualitative Research*, vol. 18, no. 1, pp. 279–298, DOI: 10.24874/ijqr18.01-18

Russkikh, S.S. (2025), "Electronic form of business contracts and dispute resolution in the trade turnover of Russia, foreign legal systems in the context of the development of digital platforms", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 126–141, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-126-141

Samieva, K.T., Saenko, I.I., Menshchikova, V.I. and Smetanin, A.S. (2023), "ESG management of digital business using big data and artificial intelligence (AI) in support of the green economy in Russia and Central Asia", in *ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 3–11, DOI: 10.1007/978-3-031-46525-3_1

Svetashev, A.A., Ilesaliev, D.I. and Svetasheva, N.F. (2025), "Transformation of Eurasian logistics: Role of China – Kyrgyzstan – Uzbekistan corridor in the current global trade (part 1)", *Innovative Transport,* no. 1 (55), pp. 3–8, DOI: 10.20291/2311-164X-2025-1-3-8

Zhivalov, V.N., Aliev, T.M., Moguchev, N.S. and Ponomareva, O.V. (2026), "Identifying Promising Areas of Trade and Industrial Cooperation between Russia and Uzbekistan Based on an Analysis of Sectoral Needs of the Uzbek Industry to Realize Russian Export Potential", *Contemporary World Economy*, vol. 4, no. 1, pp. 50–74, DOI: 10.17323/2949-5776-2026-4-1-50-74

ISSN 2686-7648

Информация об авторе

Иброхимбек Д. Насырходжаев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; zafar1881@mail.ru

Information about the author

Ibrokhimbek D. Nasyrkhodjaev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zafar1881@mail.ru

УДК
DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-125-155

Системы здравоохранения зарубежных стран – участников Содружества Независимых Государств. Историко-правовые аспекты

Марина В. Шаруева

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sharuevamarina@gmail.com

Аннотация. Современное общество гарантирует каждому человеку право на охрану здоровья. Но реализация этого права зависит от политического, экономического и правового положения в конкретном государстве. В статье исследуется данная проблема на примере законодательного массива здравоохранения в зарубежных странах, в настоящее время входящих в Содружество Независимых Государств. Автор показывает, что на начальном этапе становления все новые республики опирались на традиции и правила, сформированные в Российской империи и Советском Союзе, в особенности на так называемую модель Семашко. В настоящее время законодательную базу обеспечения здравоохранения в этих странах составляют национальные конституции, определения конституционных судов, национальное законодательство, акты парламентов, указы глав государств и распоряжения правительства. Анализируя правовые основы создания национальных систем здравоохранения в странах – членах Содружества Независимых Государств, автор приводит международно-правовые стандарты в этой отрасли, установленные решениями ООН и Всемирной организацией здравоохранения. Особое внимание в статье уделяется негативным тенденциям в развитии современной международной модели здравоохранения в целом и национальных моделей зарубежных стран Содружества Независимых Государств, а также предпринимается анализ причин данных тенденций.

Ключевые слова: здравоохранение, законодательство, международные стандарты, Советский Союз, Содружество Независимых Государств

© Шаруева М.В., 2026

ISSN 2686-7648

Для цитирования: Шаруева М.В. Системы здравоохранения зарубежных стран – участников Содружества Независимых Государств. Историко-правовые аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 5. С. 125–155. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-125-155

Healthcare systems of foreign member countries of the Commonwealth of Independent States: Historical and legal aspects

Marina V. Sharueva
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, sharuevamarina@gmail.ru

Abstract. Modern society guarantees every person the right to health care. However, the realization of this right depends on the political, economic, and legal situation in a given country. This article examines this issue using the example of the healthcare legislation in foreign countries that are members of the Commonwealth of Independent States at the present stage. The author demonstrates that, in the early stages of their formation, all of the new republics relied on traditions and regulations established in the Russian Empire and the Soviet Union, particularly the so-called Semashko model. Currently, the legislative framework for healthcare provision in these countries consists of national constitutions, rulings of constitutional courts, national legislation, parliamentary acts, decrees of heads of state, and government orders. In analyzing the legal foundations for the creation of national health care systems in the member states of the Commonwealth of Independent States, the author cites international legal standards in this field established by resolutions of the United Nations and the World Health Organization. The article pays particular attention to negative trends in the development of the modern international healthcare model as a whole and of national models in foreign countries of the Commonwealth of Independent States, and analyzes the causes of these trends.

Keywords: healthcare, legislation, international standards, Soviet Union, Commonwealth of Independent States

For citation: Sharueva, M.V. (2026), "Healthcare systems of foreign member countries of the Commonwealth of Independent States: Historical and legal aspects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series,* no. 5, pp. 125–155, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-5-125-155

Введение

Современные системы здравоохранения различных государств, в том числе и стран Содружества (СНГ), основанные на унифицированных международных стандартах, прошли длительный исторический путь. Они эволюционировали вместе с возрастающими потребностями общества. Однако действенность национальных систем здравоохранения во многом зависит от эффективности и стабильности их правовой базы.

Отечественная и зарубежная библиография насчитывает много научных трудов по этой тематике. Ученые исследуют не только чисто медицинские проблемы, но и многочисленные юридические аспекты организации услуг, связанных со здравоохранением, в различные исторические периоды и в различных государствах, в том числе и в республиках СНГ ([Стеценко 2002; Караваева 2004; Пищита 2006; Рыбакова 2010; Бевеликова 2010; Егорова 2011; Даулетханова 2022] и др.). Однако крайне мало обобщающих работ, в которых комплексно анализировался бы законодательный массив национальных систем здравоохранения стран Содружества. В данной статье автор постарался восполнить этот пробел.

Международно-правовые стандарты

Общемировые правила в области охраны здоровья были установлены решениями ООН и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Они позволили унифицировать национальные механизмы различных стран. Основой в данном случае стала Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г. В ней прописан комплекс основных неотъемлемых и неотчуждаемых социально-трудовых прав человека[1].

Дальнейшая разработка и принятие международных норм в этой отрасли легла на Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), созданную в 1948 г. в качестве специализированного учреждения ООН[2]. Среди важнейших целей ВОЗ следует назвать:

[1] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Документы ООН. Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 18 июля 2026).

[2] Всемирная организация здравоохранения // Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: https://iacis.ru/deyatelnost/sotrudnichestvo_i_partnerstvo/

ISSN 2686-7648

предоставление международных рекомендаций в области здравоохранения; установление стандартов здравоохранения; сотрудничество с правительствами различных стран в области усиления национальных программ здравоохранения; разработку и передачу соответствующих технологий, информации и стандартов здравоохранения [Пушкарева 2018].

В рекомендациях ВОЗ было закреплено такое основополагающее понятие, как всеобщий охват услугами здравоохранения (ВОУЗ), которое означает, что

> ...все люди имеют доступ к полному спектру необходимых им качественных медицинских услуг, когда бы и где бы они в них ни нуждались, и не испытывают при этом финансовых трудностей. Он включает весь комплекс основных медицинских услуг – от укрепления здоровья до профилактики, лечения, реабилитации и паллиативной помощи...[3]

Многие правила ВОЗ были заимствованы из опыта Германии, Франции, США и особенно Великобритании, чья система здравоохранения долгие годы считалась лучшей в мире. ВОЗ напрямую не копирует ни одну из национальных моделей, но ее ключевые концептуальные рамки и программные документы сформировались под прямым влиянием европейского опыта. И сегодня они служат фундаментальным ориентиром для национальных систем здравоохранения во всем мире, создавая для них универсальную нормативно-правовую архитектуру и доказательную базу. Однако их имплементация неизбежно сталкивается с дилеммой между стремлением к глобальным стандартам качества и необходимостью сохранения суверенитета в условиях ограниченных ресурсов и локальных эпидемиологических приоритетов. А эффективность стандартов и директив ВОЗ и ООН определяется не столько качеством самих этих стандартов и директив, сколько историческим опытом и институциональной способностью конкретных государств их адаптировать.

Историческое наследие стран постсоветского региона

Становление государственной медицины в России началось с Петровских реформ и получило развитие в эпоху Екатерины II:

---

partnerskie_organizatcii/vsemirnaya_organizatciya_zdravoohraneniya_voz (дата обращения 18 июля 2026).

[3] Всеобщий охват услугами здравоохранения (ВОУЗ) // Всемирная организация здравоохранения. 2025. 5 декабря. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/universal-health-coverage-(uhc) (дата обращения 18 июля 2026).

учреждение Медицинской канцелярии (1721) и Медицинской коллегии (1763) маркировало начало истории светских органов, отвечавших за подготовку врачей, контроль аптек, открытие госпиталей и карантинные мероприятия[4]. Проведенная в 1775 г. губернская реформа заложила принцип территориального распределения помощи: в каждом губернском городе предписывалось иметь больницу, в уездном – лекаря. Этот принцип впоследствии стал основой советского участкового здравоохранения.

Ключевой особенностью имперской модели была ее сословность. Полноценную медицинскую помощь получали военные, дворяне и чиновники; крестьянское население, составлявшее большинство, пользовалось услугами знахарей либо, с 1864 г., земской медицины. Земство стало уникальным институтом: впервые в российской истории была создана общедоступная, преимущественно бесплатная медицинская сеть для сельских жителей. Земский врач выполнял не только лечебные, но и профилактические, санитарно-гигиенические и просветительские функции. Именно в рамках земской медицины сложилась трехуровневая структура помощи: врачебный участок – уездная больница – губернская больница, ставшая прообразом современной организации здравоохранения.

Параллельно развивалась санитарно-эпидемиологическая инфраструктура: создавались «оспенные дома», родильные палаты, психиатрические лечебницы, аптечная сеть.

В 1830-е гг. медицинское законодательство было кодифицировано во «Врачебном Уставе», вошедшем в «Свод законов Российской империи» [Печникова 2013].

К концу XIX в. в России сформировались все базовые элементы современной системы здравоохранения: центральное управление, территориальное планирование, сеть лечебных учреждений, правовое регулирование и кадровая подготовка.

Накануне революции, в 1912–1916 гг., под руководством Г.Е. Рейна была разработана комплексная реформа, которая могла превратить существующую модель в полноценную государственную систему. Реформа была утверждена Николаем II, но ее практическая реализация стала невозможной из-за революционных событий 1917 г.[5]

---

[4] Власов М. Медицинская канцелярия // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/medicinskaya-kancelyariya (дата обращения 20 июля 2026); Медицинская коллегия // Национальная публичная библиотека им. К.Д. Ушинского. URL: https://dates.gnpbu.ru/3-8/Med_kollegia/med_kollegia.html (дата обращения 19 июля 2026).

[5] Реформы государственной медицины в России XIX – начале XX в. // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потреби-

ISSN 2686-7648

Советскую модель здравоохранения создал вместе с единомышленниками первый Народный комиссар этой отрасли Н.А. Семашко [Астрюхина и др. 2017]. В ее основу было положено несколько ключевых принципов: государственный характер, бесплатность и общедоступность медицины; строгая централизация и иерархичность системы здравоохранения; приоритет профилактики и социальной гигиены; активное законотворчество в области врачебно-санитарного дела [Абянова 2010].

Результатом внедрения «модели Семашко» стало резкое сокращение ранней детской смертности, смертности от туберкулеза, малярии и других опасных заболеваний. Всеобщая вакцинация, диспансеризация и противоэпидемические мероприятия свели риски и масштабы эпидемий практически к нулю. Советская система здравоохранения стала первой в мире универсальной государственной моделью, основанной на принципах бесплатности, доступности, централизации и профилактической направленности.

Содружество Независимых Государств

После распада СССР новые суверенные республики приступили к созданию собственных, национальных систем здравоохранения. Ориентирами были выбраны общемировые правила и стандарты развитых стран Запада. Однако реальность быстро показала, что достичь этих ориентиров будет очень непросто. На формирование и функционирование национальных систем здравоохранения негативно влияли перманентные политические и экономические кризисы. Финансирование отрасли отсутствовало или в лучшем случае сократилось до 2–3% от реальных потребностей. Сказывались массовая безработица и запредельный уровень миграции трудоспособного населения. Налогооблагаемая база находилась в зачаточном состоянии и не могла покрыть все расходы государства. В рамках «оптимизации» сотни медицинских учреждений передавались коммерческим структурам. Начался резкий отток медицинского персонала. Разрушалась материально-техническая база, выходило из строя оборудование, отсутствовали лекарственные препараты. До 80% гарантированных государством и официально бесплатных медицинских услуг оказывалось за счет пациентов [Галина 2021]. Уровень здоровья населения постоянно снижался, резко возросла смертность [Араловец 2014].

телей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/vmusey/mu-2.php (дата обращения 19 июля 2026).

Действительность вынудила новые независимые республики восстанавливать прежние связи, налаженные еще в рамках Советского Союза. Уже в 1992 г. руководящие органы Содружества Независимых Государств утвердили рекомендации по оказанию медицинской помощи жителям региона, по санитарно-эпидемиологической защите населения, по контролю за качеством лекарственных препаратов и медицинской техники. В течение нескольких лет нормативно-документальную базу получили и другие направления сотрудничества в области здравоохранения[6].

Для повышения уровня взаимодействия между странами – участниками Содружества в июне 1992 г. был создан Совет по сотрудничеству в области здравоохранения СНГ[7]. Он координирует совместное развитие здравоохранения, медицинской науки и техники, фармации, повышение уровня здоровья населения.

Сотрудничество в рамках СНГ оказало стабилизирующее и сдерживающее влияние на разрушавшиеся системы здравоохранения бывших союзных республик. В условиях тотального экономического коллапса начала 1990-х гг. межгосударственная кооперация помогла предотвратить полную изоляцию национальных медицинских систем и не допустить масштабных санитарных катастроф.

В XXI в. взаимодействие стран – членов СНГ в области здравоохранения продолжилось и расширилось. С ростом экономических показателей большинства стран с 2001 г. на уровне СНГ стали решаться глобальные проблемы охраны здоровья и санитарно-гигиенического благополучия населения: санитарная охрана территорий (2001 г.) и обеспечение биологической безопасности (2003 г.), борьба с ВИЧ (1998 г.) и диабетом (2008 г.), противодействие распространению лекарственных фальсификатов (2008 г.) и многое другое[8].

---

[6] Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья населения. Подписано главами правительств государств – участников Содружества Независимых Государств 26 июня 1992 г. (Минск) // Правовой департамент МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50841/ (дата обращения 19 июля 2026).

[7] Паспорт Совета по сотрудничеству в области здравоохранения СНГ // Сайт Исполкома СНГ. URL: https://eccis.org/cooperation/3031/77302 (дата обращения 19 июля 2026).

[8] О состоянии и перспективах сотрудничества в области охраны здоровья и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения государств – участников Содружества Независимых Государств // Департамент гуманитарного сотрудничества, общеполитических

ISSN 2686-7648

Решение правовых вопросов взял на себя Экспертный совет по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее СНГ, созданный в апреле 2013 г.[9] Его главная задача заключалась в совершенствовании модельной законодательной базы в сфере охраны здоровья. За годы работы Ассамблея приняла более 50 документов, посвященных социальным правам и гарантиям в здравоохранении. Вот некоторые наиболее актуальные из них: «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях», «О цифровом здравоохранении», «О лекарственном обеспечении», «О страховании ответственности субъектов медицинской деятельности за причинение вреда пациенту», «Об охране материнства и детства»[10]. Мониторинг показывает, что нормы более чем 70% принятых Ассамблеей документов уже имплементированы в национальное законодательство государств Содружества. Таким образом, деятельность МПА СНГ в сфере здравоохранения объективно способствует сближению правовых подходов стран СНГ и повышению эффективности совместной работы в этой сфере.

Задачи по сохранению и укреплению здоровья, формированию здорового образа жизни были поставлены перед участниками Содружества еще в сентябре 2003 г.[11] Особое внимание отныне предлагалось уделять применению телемедицинских и информационных технологий. Следующее уточнение по данной проблематике произошло уже в июне 2016 г.[12] Усилия теперь должны были быть направлены на профилактику, раннюю

и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ. URL: https://e-cis.info/upload/iblock/17a/ortfqfxetwu0biorzulx28l7pp08v7ze.pdf (дата обращения 20 июля 2026).

[9] Постановление Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 5 от 11 апреля 2013 г. «Об Экспертном совете по здравоохранению при Межпарламентской Ассамблее государств – участников СНГ» // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. URL: https://normativka.by/lib/document/500185627 (дата обращения 20 июля 2026).

[10] Матвиенко анонсировала разработку модельного Кодекса о здравоохранении для СНГ // Российская газета. 2026. 22 мая. URL: https://rg.ru/2026/05/22/matvienko-anonsirovala-razrabotku-modelnogo-kodeksa-o-zdravoohranenii-dlia-sng.html (дата обращения 20 июля 2026).

[11] Концепция сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области охраны здоровья населения // Исполнительный комитет СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3772/124631/ (дата обращения 19 июля 2026).

[12] Там же.

диагностику неинфекционных заболеваний и выявление факторов риска их возникновения.

Сегодня проводится актуализация прежних решений Совета и разрабатываются новые проекты в этой сфере. Однако остаются проблемы, которые не поддаются сколько-нибудь эффективному решению на уровне Содружества. В частности, это острая нехватка медицинских кадров, особенно в сельской местности. Это проблема не только пространства СНГ: по оценкам ВОЗ, дефицит медиков на местах к 2030 г. может достичь 18 млн чел., в том числе и в странах Запада.

В 2023 г. страны Содружества подписали резолюцию ВОЗ, направленную на защиту и поддержку медицинских и медико-социальных работников в Европе и Центральной Азии в 2023–2030 гг. Были запланированы: улучшение условий труда и его справедливая оплата; модернизация образования; инновационная перестройка медицинских услуг с использованием цифровых технологий; увеличение государственных инвестиций[13]. Но пока ситуация с кадрами в СНГ не улучшилась.

Примеры взаимодействия в рамках Содружества убедительно показывают стремление республик СНГ к повышению уровня сотрудничества в сфере здравоохранения. Его значение лишь возрастает в связи с развитием процессов глобализации, массовой миграцией населения, открытостью границ и развитием общего экономического пространства стран Содружества. И подобное взаимодействие приносит определенные плоды. В частности, в 1990–2020-е гг. оно помогло стандартизировать законодательство и снизить правовые барьеры, координировать усилия в борьбе с эпидемиями и фальсификатами и т. д.

Кроме того, многие страны Содружества активно привлекают международных спонсоров и инвесторов для реализации проектов в сфере здравоохранения. Это ВОЗ, отраслевые программы ООН, ЮНИСЕФ, Всемирный банк и др. Такие действия имеют как положительные, так и отрицательные последствия. К числу несомненных плюсов следует отнести получение дополнительных средств и новых технологий, обучение кадров, более эффективную борьбу с болезнями, особенно детскими, что для новых независимых республик очень актуально. Что же касается рисков, следует упомянуть зависимость (местная система здравоохранения может

[13] Рамочная основа для действий в отношении медицинских и медико-социальных кадров в Европейском регионе ВОЗ на 2023–2030 гг. (RC73) // Документальный центр Всемирной организации здравоохранения. URL: https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/kadrovye-resursy-zdravooxraneniya/4328.html (дата обращения 20 июля 2026).

ISSN 2686-7648

стать уязвимой, если внешнее финансирование сократится), внешнее влияние (приоритеты спонсоров не всегда совпадают с реальными нуждами конкретной страны) и бюрократические проблемы (отчетность перед международными фондами требует много времени и усилий от медицинских чиновников).

В конечном итоге ни сотрудничество в рамках СНГ, ни помощь других международных организаций и государств неспособны фундаментально решить основополагающие проблемы постсоветских республик – кадровую и финансовую. Для этого необходимы систематические усилия на национальном уровне.

Обратимся к опыту формирования основ здравоохранения в отдельных странах–членах СНГ.

Республика Беларусь

В 1993 г. в Республике Беларусь (РБ) началось формирование национального медицинского механизма с принятием закона «О здравоохранении»[14]. Сегодня нормативно-правовая база здравоохранения Беларуси основывается на Конституции (ст. 45), которая гарантирует всем гражданам право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях. Также следует упомянуть законы РБ «Об обращении лекарственных средств», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О донорстве крови и ее компонентов», «О трансплантации органов и тканей человека»[15] и др. Законы дополняются национальными программами, известными под общим названием

---

[14] Закон РБ от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» // Национальный правовой интернет-портал РБ. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19 (дата обращения 21 июля 2026).

[15] Закон РБ от 20 июля 2006 г. № 161-З «Об обращении лекарственных средств» // Эталон online. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h10600161 (дата обращения 20 августа 2026); Закон РБ от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Национальный правовой интернет-портал РБ. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200340 (дата обращения 20 августа 2026); Закон РБ от 30 ноября 2010 г. № 197-З «О донорстве крови и ее компонентов» // Эталон online. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=H11000197 (дата обращения 20 августа 2026); Закон РБ от 8 июня 2019 г. № 199-З «О трансплантации органов и тканей человека» // Национальный правовой интернет-портал РБ. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11900199 (дата обращения 20 августа 2026).

«Здоровье народа и демографическая безопасность»[16], которые включают в себя ряд подпрограмм, направленных на решение самых актуальных проблем здравоохранения.

В феврале 2022 г. прошел очередной республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию РБ. Принятые поправки закрепили социальные приоритеты государства: поддержку пожилых людей, инвалидов, детей-сирот[17].

Формирование в стране информационной среды потребовало цифровой трансформации и от модели здравоохранения. Сегодня в республике реализуется проект по созданию системы электронного здравоохранения. В январе 2026 г. была введена в эксплуатацию соответствующая централизованная информационная система, которая должна объединить в единую сеть все медицинские учреждения страны. Создание eHealth позволит повысить уровень оказания медицинской помощи, оперативность принятия решений по диагностике и лечения пациентов, а также эффективность системы белорусского здравоохранения в целом[18].

Дальнейшие перспективы развития системы изложены в Стратегии по ее развитию до 2040 г.[19] Стратегия намечает повышение эффективности медицинской и фармацевтической промышленности, переход на инновационную модель, полное обеспечение населения лекарственными средствами.

Характеризуя сложившуюся к настоящему времени систему здравоохранения в Беларуси, следует указать в первую очередь

---

[16] Постановление Совета Министров РБ № 28 от 19 января 2021 г. «О Государственной программе “Здоровье народа и демографическая безопасность” на 2021–2026 гг.» // Национальный правовой интернет-портал РБ. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100028 (дата обращения 21 июля 2026).

[17] Конституция РБ 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // Национальный правовой интернет-портал РБ. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения 21 июля 2026).

[18] Особенности и достижения национальной системы здравоохранения // Пресс-служба Президента РБ. URL: https://president.gov.by/ru/belarus/social/healthcare/nacionalnaya-sistema (дата обращения 21 июля 2026).

[19] Стратегия научно-технического и инновационного развития здравоохранения Республики Беларусь на 2021–2025 гг. и на период до 2040 г. // Информационный портал медработников Беларуси «Медицинский вестник». 2024. 4 июля. URL: https://medvestnik.by/news/meditsina-v-masshtabe-soyuznogo-gosudarstva (дата обращения 21 июля 2026).

ISSN 2686-7648

на то, что здесь удалось максимально сохранить классическую советскую «модель Семашко». В отличие от большинства стран СНГ Беларусь сознательно отказалась от внедрения обязательного медицинского страхования (ОМС), сделав ставку на прямое государственное финансирование и жесткую вертикаль управления. В РБ отсутствует деление пациентов на «застрахованных» и «незастрахованных», любой человек имеет одинаковый доступ к врачу в поликлинике или больнице. При этом оказание помощи строго структурировано по уровням (всего их 4, от республиканского до районного). Основной источник денег в системе – не страховые взносы граждан, а государственный бюджет (налоги).

Частный сектор в Беларуси развит, но находится под строгим надзором Министерства здравоохранения. Здесь государство устанавливает предельные тарифы на платные услуги даже в частных медицинских центрах, действует регулирование цен на лекарства в аптеках, не говоря уже о том, что все медицинские учреждения (и государственные, и частные) проходят обязательную процедуру аккредитации.

Беларусь и Россия тесно сотрудничают в рамках Союзного государства. Углубляется интеграция и в области здравоохранения. Начало взаимодействию в данной сфере положило межправительственное соглашение, подписанное в 2006 г.[20] В частности, граждане двух стран-участниц получили равные права на медицинскую помощь на территории РФ и РБ.

Сегодня в рамках Союзного государства реализуются масштабные интеграционные проекты в сфере высоких медицинских технологий, фармацевтики и цифровизации здравоохранения. Консолидацией нормативно-правовой базы двух государств, гармонизацией законодательства, созданием модельных законов занимается Комиссия по здравоохранению Парламентского Собрания Союзного государства. Поскольку у России и Беларуси изначально разные модели здравоохранения (в России – страховая система ОМС, в Беларуси – государственная), процесс унификации требует времени и тщательной проработки каждого шага.

---

[20] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45872/ (дата обращения 21 июля 2026).

Республика Молдова

Правовая модель Республики Молдова (РМ) опирается на ст. 36 Конституции и регулируется системой отдельных законов, ключевой особенностью которых является полное подчинение институтам ОМС. Правовой фундамент национальной системы здравоохранения был заложен базовым законом, принятым в марте 1995 г.[21] Он определил контуры модели: лечебно-профилактические, санитарно-профилактические, фармацевтические и другие учреждения. С учетом возникающих проблем этот закон неоднократно изменялся и дополнялся.

Следует упомянуть также законы «Об обязательном медицинском страховании», «О размере, порядке и сроках уплаты взносов обязательного медицинского страхования», «О правах и ответственности пациента», «О лекарствах», «О фармацевтической деятельности» (№ 1456-XII от 25 мая 1993 года)[22] и др.

Система здравоохранения Молдовы построена на страховой модели (ОМС было введено в Молдове в 1998 г.[23]) и характеризуется высокой степенью централизации, а также жесткой привязкой

---

[21] Закон РМ от 28 марта 1995 г. № 411-XIII «Об охране здоровья» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3461 (дата обращения 24 июля 2026).

[22] Закон РМ от 27 февраля 1998 г. № 1585-XIII «Об обязательном медицинском страховании» // Министерство юстиции РМ. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=122495&lang=ru (дата обращения 20 августа 2026); Закон РМ от 26 декабря 2002 г. № 1593 «О размере, порядке и сроках уплаты взносов обязательного медицинского страхования» // Министерство юстиции РМ. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=16548&lang=ru (дата обращения 20 августа 2026); Закон РМ от 27 октября 2005 г. № 263-XVI «О правах и ответственности пациента» // Министерство юстиции РМ. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=107308&lang=ru (дата обращения 20 августа 2026); Закон РМ от 17 декабря 1997 г. № 1409-XIII «О лекарствах» // Министерство юстиции РМ. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=138723&lang=ru (дата обращения 20 августа 2026); Закон Республики Молдова от 25 мая 1993 г. № 1456-XII «О фармацевтической деятельности» // Министерство юстиции РМ. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=101286&lang=ru (дата обращения 20 августа 2026).

[23] Закон РМ от 27 февраля 1998 г. № 1585-XIII «Об обязательном медицинском страховании» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3458 (дата обращения 24 июля 2026).

ISSN 2686-7648

доступа к плановой медицинской помощи к наличию страхового полиса. Застрахованные граждане (имеющие полис ОМС) получают полный доступ к Единой программе – пакету бесплатных услуг, который включает семейного врача, узких специалистов, плановые операции, КТ, МРТ и компенсируемые (бесплатные) лекарства. Незастрахованные граждане имеют право только на неотложную (экстренную) медицинскую помощь (скорая помощь, экстренные операции при угрозе жизни) и лечение социально опасных инфекций (туберкулез, ВИЧ).

Все финансовые потоки в государственной медицине консолидированы в Национальной компании медицинского страхования (НКМС / CNAM), которая собирает страховые взносы с работающих граждан (процент от зарплаты) и фиксированные платежи со статусных категорий, распределяет средства между больницами на основе контрактов, оплачивая реально оказанные услуги и пролеченные случаи. Медицинские учреждения финансируются не по «сметному» принципу (за количество коек), а за конкретный объем помощи. НКМС активно привлекает коммерческую медицину к выполнению государственного заказа.

Молдова тесно сотрудничает в области здравоохранения с Евросоюзом, который выступает одним из главных доноров молдавской медицинской системы. РМ стала первой страной, не входящей в ЕС, которая полноценно присоединилась к рамочной программе EU4Health, что открыло молдавским медицинским учреждениям, научно-исследовательским институтам и неправительственным организациям доступ к прямому европейскому финансированию. В рамках подготовки к членству в ЕС Молдова начала приводить нормативно-правовую базу в соответствие с европейскими директивами. Внедряются жесткие стандарты GMP (Надлежащая производственная практика) для местных фармацевтических производств и правила GDP (Надлежащая дистрибьюторская практика) для аптечных складов, что гарантирует безопасность медикаментов. Цифровая архитектура здравоохранения Молдовы адаптируется для будущей интеграции с Европейским пространством данных о здоровье (EHDS). Стандарты контроля пищевых продуктов, питьевой воды и эпидемиологического надзора синхронизируются с требованиями Европейского центра по профилактике и контролю заболеваний (ECDC).

Велика также помощь Молдове, поступающая от ВОЗ и других международных организаций, при поддержке которых, в частности, реализуются проекты по улучшению экстренной помощи, модернизируются отдельные учреждения и т.п.

Несмотря на это, нарастающие в стране социально-экономические проблемы крайне негативно влияют на медицину. По данным

международного исследовательского портала Numbeo, опубликованным в мае 2026 г., система здравоохранения Республики Молдова признана одной из худших в мире[24].

Азербайджанская Республика

Как и в других странах, нормативно-правовая база здравоохранения Азербайджанской Республики (АР) основывается прежде всего на Конституции (ст. 41), гарантирующей право каждого гражданина на охрану здоровья и получение медицинской помощи. Что касается законодательного массива, основным является принятый в июне 1997 г. базовый Закон АР «Об охране здоровья населения»[25], который закрепляет основные принципы здравоохранения: государственное обеспечение прав граждан на защиту здоровья, доступность помощи, профилактика, защита при утрате трудоспособности. Помимо него, упомянем «О медицинском страховании», «О лекарственных средствах», «О фармацевтической деятельности», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О частной медицинской деятельности», «О трансплантации органов и (или) тканей человека»[26]. Огромное значение имеют указы президента Азербай-

---

[24] *Синица Б.* Между Камбоджей и Ямайкой: Молдова заняла 295 место в мировом рейтинге здравоохранения // О чем говорит Молдова. URL: https://govoritmd.com/glavnye-novosti/mezhdu-kambodzhej-i-yamajkoj-moldova-zanyala-295-mesto-v-mirovom-rejtinge-zdravoohraneniya/ (дата обращения 20 августа 2026).

[25] Закон АР от 26 июня 1997 г. № 360-IQ«Об охране здоровья населения» (с изм. от 21 мая 2024 г. № 1158-VIQD) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5809 (дата обращения 21 июля 2026).

[26] Закон АР от 28 октября 1999 г. № 725-IQ «О медицинском страховании» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2725 (дата обращения 20 августа 2026); Закон АР от 22 декабря 2006 г. № 208-IIIQ «О лекарственных средствах» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=15132 (дата обращения 20 августа 2026); Закон АР «О фармацевтической деятельности» // Информационный медицинский справочник. URL: https://www.bakumedinfo.com/index.php/2011-07-26-17-51-00 (дата обращения 20 августа 2026); Закон АР от 10 ноября 1992 г. № 371 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30590475 (дата обращения 20 августа 2026); Закон АР от 30 декабря 1999 г. № 789-IQ «О частной медицинской деятельности» //

ISSN 2686-7648

джана и постановления Кабинета министров, которыми утверждаются конкретные государственные программы (например, по борьбе с онкологией, диабетом или детской инвалидностью), а также точный состав и лимиты Пакета обязательного медицинского страхования. Что касается национальных программ, можно выделить программу «Электронный Азербайджан», в рамках которой в 2007 г. была запущена система «Электронной карты здоровья». Это упростило обмен данными между учреждениями, оптимизировало очереди и повысило прозрачность оказания медицинских услуг[27].

Азербайджан полностью реформировал советскую «модель Семашко», переведя государственную медицину на рельсы коммерческого финансирования. Сейчас в стране развивается система ОМС, а в законодательстве закреплены ее организационные, юридические и экономические основы[28]. ОМС покрывает все регионы страны и 100% постоянного населения. Финансирование обеспечивается за счет взносов работников, работодателей и государственных субсидий. В ОМС включено более 3300 медицинских услуг, в том числе первичная помощь (семейные врачи), экстренная помощь, амбулаторное и стационарное лечение, сложные нейрохирургические и кардиохирургические операции[29] и т. д.

В АР реализуется двухуровневое управление здравоохранением: Министерство здравоохранения отвечает за общую политику, стандарты и научно-исследовательские институты, тогда как непосредственно государственными больницами и поликлиниками, задействованными в системе ОМС, управляет TƏBİB (Объединение по управлению медицинскими территориальными подразделениями)[30].

Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2734 (дата обращения 20 августа 2026); Закон АР от 28 октября 1999 г. № 726-IГ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2727 (дата обращения 20 августа 2026).

[27] Электронный Азербайджан: что изменилось за 20 лет цифровых трансформаций // Интернет-портал СНГ. 2024. 10 сентября. URL: https://e-cis.info/news/567/120976/ (дата обращения 21 июля 2026).

[28] Азербайджан расширит обязательное медицинское страхование в 2026 г. // Вести Баку. 2026. 1 октября. URL: https://vestibaku.com/society/azerbajdzhan-rasshirit-obyazatelnoe-mediczinskoe-strahovanie-v-2026-godu (дата обращения 22 июля 2026).

[29] Обязательное медицинское страхование // Официальный сайт Министерства здравоохранения АР. URL: https://sehiyye.gov.az/ru/vetendaslar-ucun/icbari-tibbi-sigorta/ (дата обращения 20 августа 2026).

[30] Список медицинских учреждений, подведомственных TABIB // Digital Azerbaijan. URL: https://opendata.az/ru/@tibbi-erazi-bolmelerini-

Параллельно с государственной медициной в Баку и крупных городах активно развиваются современные частные клиники, причем они могут привлекаться для выполнения сложных операций по госзаказу.

Свой вклад в развитие здравоохранения страны вносят и международные спонсоры. Например, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) вместе с Министерством здравоохранения провел исследование по международной программе «Изучение спроса на медицинское обслуживание, отношения к платному медицинскому обслуживанию, расходов на здравоохранение в районе Кубы» (англ. «Study of health care demand, attitudes towards paid health care, health care expenditures in Kuba district»). На основе выявленных проблем был разработан план мероприятий по развитию медицины в указанном регионе [Ибрагимов и др. 2010]. Также в реформах здравоохранения, проводимых в Азербайджане, активно участвуют ВОЗ, Всемирный банк, Азиатский банк развития и др. Всего иностранные спонсоры и инвесторы покрывают 9% расходов республики на здравоохранение[31].

Республика Армения

Конституция Республики Армения (РАр) (ст. 85) гарантирует каждому гражданину страны право на охрану здоровья и является правовой основой национальной системы здравоохранения, формирование которой стартовало в Армении по понятным причинам сравнительно поздно – только в 1996 г.[32] Началась реализация установленных стандартов оказания населению профилактической, лечебной, лекарственной помощи, проведения диагностических исследований, реабилитационного лечения, медицинской экспертизы и т.п. Постепенно сфера здравоохранения укреплялась, совершенствовалась и юридическая база. Регламентировалось создание системы ОМС, в рамках которой государство гарантировало определенный базовый пакет услуг бесплатно или на льготных услови-

---

idareetme-birliyi/tebib-tabeli-tibb-muessiseleri (дата обращения 20 августа 2026).

[31] Форум в Баку: ВОЗ и ЕС готовят реформу больничной системы // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. 2023. 23 июня. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442322 (дата обращения 22 июля 2026).

[32] Закон РАр от 4 апреля 1996 г. № ЗР-42 «О медицинской помощи и обслуживании населения» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3059 (дата обращения 22 июля 2026).

ISSN 2686-7648

ях для социально незащищенных групп (инвалиды, дети-сироты, беременные и др.), но большинство медицинских услуг должно было стать платным.

Сегодня нормативно-правовая база национальной системы здравоохранения включает законы «Об общественном здравоохранении», «О медицинской помощи и обслуживании населения», «О всеобщем медицинском страховании», «О лекарствах», «О донорстве и трансплантации органов и (или) тканей человека»[33]. Базовым является закон «Об общественном здравоохранении». Он регулирует практически все функции национального здравоохранения – от профилактических до противоэпидемических мероприятий и пропаганды здорового образа жизни. Также в соответствии со ст. 1 базового закона правительство Армении ежегодно представляет проект Государственной целевой программы здравоохранения вместе с госбюджетом. Программа четко очерчивает объемы бесплатной экстренной помощи и родовспоможения, доступные гражданам за счет казны.

Сегодня армянская модель здравоохранения функционирует на основе государственного софинансирования, обязательного страхования для отдельных категорий граждан и преимущественно частной инфраструктуры. Формирование системы ОМС, которую планируется сделать доступным для всего населения, нельзя назвать завершенным. Процесс еще длится.

Модель здравоохранения в Армении состоит из трех административных уровней, унаследованных от советского времени. Самый верхний уровень – республиканский. Он включает центры высокоспециализированной (третичной) помощи, оснащенные самым современным оборудованием. Сюда направляют пациентов со всей

---

[33] Закон РАр от 25 марта 2024 г. № ЗР-114 «Об общественном здравоохранении» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=158743 (дата обращения 22 июля 2026); Закон РАр от 17 декабря 2025 г. № НО-459-N «О всеобщем медицинском страховании» // Easy Life Consulting Group. URL: https://www.easylife.am (дата обращения 20 августа 2026); Закон РАр от 21 марта 2000 г. № ЗР-43 «О медицинской помощи и обслуживании населения» // Министерство юстиции РАр. URL: https://www.arlis.am/ru/acts/62769/print/act (дата обращения 20 августа 2026); Закон РАр «О лекарствах» (с изм. и доп. по состоянию на НО-290-N от 7 июля 2022 г.) // Министерство юстиции РАр. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/177279 (дата обращения 20 августа 2026); Закон РАр от 16 апреля 2002 г. № ЗР-324 «О донорстве и трансплантации органов и (или) тканей человека» // Министерство юстиции РАр. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/62979 (дата обращения 20 августа 2026).

страны для сложнейших операций. Второй уровень – региональный или областной, развитию которого уделяется самое пристальное внимание (в частности, в 2011–2015 гг. в рамках программы по развитию медицины в регионах построили 10 крупных многопрофильных центров). Наконец, последний уровень – городской / районный / муниципальный. Здесь оказывают первичную медико-санитарную помощь[34].

Армения сотрудничает с Евразийским фондом стабилизации и развития, благодаря которому в 2022 г. удалось запустить ряд целевых государственных программ по лечению социальных, специальных и инфекционных заболеваний. В их рамках проводится сейчас первичная охрана здоровья населения, охрана матери и ребенка, гигиена населения[35].

Страны Центральной Азии

Нормативно-правовая база здравоохранения Республики Казахстан (РК) основывается на республиканской Конституции (ст. 32), которая гарантирует гражданам право на охрану здоровья и получение бесплатной медицинской помощи в установленном законом объеме. Главная особенность юридической модели Казахстана – это регулирование всей отрасли единым масштабным Кодексом (2020 г.), который дополняется профильным законом о медицинском страховании и подзаконными актами. Кодекс, который формирует правовые, экономические и организационные основы системы здравоохранения страны, является фундаментом для регулирования всех отношений в этой сфере[36].

Казахстан по состоянию системы здравоохранения кажется страной благополучной. Так, он стал первым государством Центральной Азии, которое в 2025 г. достигло целевых показателей ВОЗ по снижению преждевременной смертности от неинфекцион-

---

[34] Медицина в Армении // AVC Health Международное медицинское страхование. URL: https://avchealth.com/medicina-v-armenii: (дата обращения 22 июля 2026).

[35] Стратегия Евразийского фонда стабилизации и развития в Республике Армения 2022–2026 // Евразийский фонд стабилизации и развития. URL: https://efsd.org/upload/iblock/bb1/EFSD_strategy_Armenia_RU.pdf (дата обращения 22 июля 2026).

[36] Кодекс РК от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360 (дата обращения 21 июля 2026).

ISSN 2686-7648

ных заболеваний (НИЗ)[37], о чем говорится в докладе Европейского регионального бюро ВОЗ. Система здравоохранения Казахстана считается одной из самых прогрессивных и финансово обеспеченных в Центральной Азии[38]. Однако формировалась она очень тяжело. Несколько раз менялись организационные формы модели: бюджетная, бюджетно-страховая и программно-бюджетная (в рамках последней использовались элементы платной медицины). Закончились неудачей – главным образом из-за отсутствия средств – попытки ввести ОМС в 1992 г.[39] и в 1997 г.[40] Здравоохранение получило тогда из бюджета лишь 2% от потребностей. Переломным можно считать 2002 г., когда охрана здоровья населения попала в число первоочередных задач общегосударственной важности[41]. В итоге удалось сформировать модель, где медицинские услуги четко разделены на два пакета –ГОБМП (Гарантированный объем бесплатной медицинской помощи), который финансируется напрямую из госбюджета, доступен абсолютно всем гражданам и включает экстренную помощь, скорую помощь, базовую диагностику и лечение социально значимых заболеваний (туберкулез, онкология, диабет), и ОСМС (Обязательное социальное медицинское страхование), которое финансируется за счет отчислений работодателей, работников и взносов государства за льготные категории граждан.

---

[37] Казахстан признан лидером в ЦА по снижению смертности от неинфекционных заболеваний // Международное информационное агентство «Казинформ». 2025. 30 июля. URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstan-priznan-liderom-v-tsa-po-snizheniyu-smertnosti-ot-neinfektsionnih-zabolevaniy-ee690d (дата обращения 21 июля 2026).

[38] Курмангалиева Ф. Система здравоохранения Казахстана является наиболее сбалансированной в регионе // Liter: Новости Казахстана. 2026. 17 апреля. URL: https://liter.kz/sistema-zdravookhraneniia-kazakhstana-iavliaetsia-naibolee-sbalansirovannoi-v-regione-1776358997/ (дата обращения 20 августа 2026).

[39] Закон РК «Об охране здоровья народа в Республике Казахстан» № 1107-XII от 10 января 1992 г. // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000904 (дата обращения 21 июля 2026).

[40] Закон РК от 19 мая 1997 г. № 111 «Об охране здоровья граждан в Республике Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000111 (дата обращения 21 июля 2026).

[41] Указ Президента РК № 751 от 30 декабря 2001 г. «Об объявлении 2002 г. Годом здоровья» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/kaz/ (дата обращения 21 июля 2026).

Этот пакет открывает доступ к плановым операциям, узким специалистам, дорогостоящим исследованиям (МРТ, КТ) и бесплатному лекарственному обеспечению на амбулаторном уровне. Все финансовые потоки (и бюджетные, и страховые) консолидированы в Фонде социального медицинского страхования.

Также стоит отметить, что в отличие от многих стран СНГ, где фармацевтический рынок устанавливает цены стихийно, в РК Министерство здравоохранения законодательно утверждает предельные цены на лекарственные средства (как для оптовой, так и для розничной продажи в аптеках). Продажа лекарств по ценам выше этого потолка карается штрафами и отзывом лицензий[42].

Особое внимание в контексте развития здравоохранения в Казахстане уделяется длительным перспективным общенациональным программам. Так, еще в 2004 г. стартовал проект «Развитие мобильной и телемедицины в здравоохранении сельской (аульной) местности». Сегодня в рамках проекта «Цифровой Казахстан» телемедицинская сеть охватила 2491 медицинский пункт, 784 фельдшерско-акушерских пункта, 1165 врачебных амбулаторий и 844 мобильные бригады. Пациентам дистанционно доступны 118 видов медицинских услуг[43]. К настоящему времени Казахстан практически полностью ликвидировал бумажную бюрократию в медицине, перейдя к системе eHealth.

Дальнейшие перспективы развития национального здравоохранения были намечены Концепцией развития инфраструктуры здравоохранения до 2030 г.[44] В ней был сделан акцент на развитии государственно-частного партнерства (ГЧП) для реализации инф-

---

[42] Приказ Министра здравоохранения РК от 11 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-247/2020 «Об утверждении правил регулирования, формирования предельных цен и наценки на лекарственные средства, а также медицинские изделия в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи и (или) в системе обязательного социального медицинского страхования» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021766 (дата обращения 21 июля 2026).

[43] Телемедицину для сельских регионов расширяют в Казахстане // KAZINFORM. 2026. 10 мая. URL: https://www.inform.kz/ru/telemeditsinu-dlya-selskih-regionov-rasshiryayut-v-kazahstane-8db75c9b (дата обращения 21 июля 2026).

[44] В Казахстане разработали Концепцию развития инфраструктуры здравоохранения до 2030 г. // Законодательство РК. Zakon.kz. URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6409997-v-kazakhstane-razrabotali-kontseptsiyu-razvitiya-infrastruktury-zdravookhraneniya-do-2030-goda.html (дата обращения 21 июля 2026).

ISSN 2686-7648

раструктурных проектов, запланированы обновление и модернизация зданий и сооружений, техники и лабораторного оборудования, санитарного автотранспорта, внедрение новых технологий, привлечение квалифицированных специалистов.

Все эти меры должны повысить доступность и качество медицинской помощи населению.

Говоря о республиках Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, следует отметить, что здесь, как и в Казахстане, в Конституции внесена норма, направленная на охрану здоровья населения, детали же регулируются базовыми нормативно-правовыми актами, принятыми в разные годы, а полнота их реализации зависит от финансовых возможностей и кадрового потенциала каждой отдельной страны. Например, в Республике Таджикистан (РТ) такой закон, раскрывающий основные принципы политики государства в сфере здравоохранения, был принят в 1997 г.[45] Среди этих принципов – доступность и бесплатность медицинской помощи в рамках гарантированного государством объема. При этом Таджикистан перенес в 1990-е гг. социальную катастрофу, ставшую следствием гражданской войны, и сейчас остается одной из самых бедных стран региона, поэтому состояние здравоохранения также оставляет желать лучшего. Власти страны пытаются реформировать и модернизировать отрасль, к сотрудничеству в этой целью привлекаются международные институты и иностранные инвесторы. Был принят ряд стратегических программ и инициатив, направленных на модернизацию медицинской инфраструктуры, повышение доступности и качества медицинских услуг.

30 мая 2017 г. появился Кодекс здравоохранения РТ[46] – главный сводный нормативно-правовой акт страны, который объединил в себе более десятка ранее разрозненных законов медицинской сферы.

В 2021 г., чтобы ускорить прогресс в достижении всеобщего охвата населения доступной и качественной медико-санитарной помощью[47], была принята Стратегия охраны здоровья населения

---

[45] Закон РТ от 15 мая 1997 г. № 419 «Об охране здоровья населения» // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2296 (дата обращения 23 июля 2026).

[46] Кодекс здравоохранения РТ № 1413 от 30 мая 2017 г. (с изм. и доп.по состоянию на 17 июня 2026 г.) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38514256#pos=138;-23 (дата обращения 20 августа 2026).

[47] Постановлению Правительства РТ «О стратегия охраны здоровья населения Республики Таджикистан на период до 2030 г.» № 414 от 30 сентября 2021 г. // Информационная система «Параграф». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35231044 (дата обращения 23 июля 2026).

на период до 2030 г. Это фундаментальный государственный документ, который определяет ключевые направления реформ, долгосрочные цели и механизмы модернизации всей системы здравоохранения страны. Она разработана в соответствии с Кодексом здравоохранения РТ и синхронизирована с Национальной стратегией развития Таджикистана, а также с Целями устойчивого развития ООН (ЦУР). Документ служит единым «компасом действий» как для внутренних ведомств (Минздрав, Минфин, соцзащита), так и для международных партнеров в области развития (ВОЗ, Европейский Союз, ЮНИСЕФ, GIZ). Все текущие среднесрочные программы (например, Программа развития здравоохранения) подстраиваются под задачи Стратегии. Охрана здоровья в ней позиционируется не как изолированная задача врачей, а как широкая многосекторальная база для развития человеческого капитала и долгосрочного экономического роста страны. Среди проблем, на решение которых нацелена Стратегия, следует назвать высокие личные расходы граждан на медицинские услуги, инфраструктурную и технологическую отсталость, дисбаланс кадров и уровня квалификации.

В Кыргызстане основы системы здравоохранения были заложены, помимо Конституции, законом «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике», который был принят 9 января 2005 г.[48] Он определил права граждан на медпомощь, виды медпомощи (скорая, первичная, специализированная), гарантии государства, права и обязанности медработников. Впоследствии в 2020, 2024, и 2025 гг. в закон вносились поправки. В частности, поправки 2020 г. включали положения о развитии телемедицины и цифровизации здравоохранения в стране. Следует отметить также законы «Об общественном здравоохранении» и «Об обращении лекарственных средств»[49], «О медицинском страховании граждан в КР» и «Об организациях здравоохранения в КР»[50] и др.

---

[48] Закон КР от 9 января 2005 г. № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» // Электронная библиотека «Молодежь Содружества». URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-5260/edition/1939/ru (дата обращения 20 августа 2026).

[49] Закон КР от 12 января 2024 г. № 10 «Об общественном здравоохранении» // Министерство юстиции КР. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-5301/edition/3727/ru (дата обращения 23 июля 2026); Закон КР от 12 января 2024 г. № 13 «Об обращении лекарственных средств» // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/24kg0013/ (дата обращения 23 июля 2026).

[50] Закон КР от 18 октября 1999 г. № 112 «О медицинском страховании граждан в Кыргызской Республике» // Министерство юстиции КР.

ISSN 2686-7648

Отметим, что еще в 1999 г. в Кыргызстане был создан Фонд обязательного медицинского страхования (ОМС)[51]. Он должен был покрывать 39% расходов пациентов на медицинские услуги. Однако реформа здравоохранения в стране была проведена частично: отсутствовало регулирование цен на лекарства, постоянно росла стоимость некоторых видов лечения. Эффективность ОМС вследствие этого оказалась низкой, как и доступность медицины (по сравнению с советским периодом).

Преодоление финансовых проблем и кадрового дефицита в регионах, решение вопроса с цифровизацией и интеграцией – на это направлена реализация отдельных национальных программ по развитию здравоохранения. Сейчас в Кыргызстане действует программа четвертого поколения «Здоровый человек – процветающая страна» (на 2019–2030 гг.)[52]. Она сменила предыдущие фундаментальные программы («Манас», «Манас таалими» и «Ден соолук») и заняла центральное место в современной государственной политике, увязывая физическое здоровье нации с долгосрочным экономическим ростом. Если прошлые реформы были направлены на экстренное удержание системы на плаву и базовую реструктуризацию, то текущая программа выводит на первый план профилактику, цифровизацию и финансовую защиту населения.

Нормативно-правовая база здравоохранения Республики Узбекистан (РУз) представляет собой разветвленную систему, состоящую из Конституции, ряда профильных базовых законов, президентских указов, постановлений кабмина. В отличие от Таджикистана, создавшего единый Кодекс, Узбекистан продолжает опираться на отдельные кодифицированные законы, которые регулярно модернизируются. Законодательную основу национальной системы здравоохранения составляют законы РУз «Об

URL: https://cbd.minjust.gov.kg/275/edition/1244817/ru (дата обращения 20 августа 2026); Закон КР от 13 августа 2004 г. № 116 «Об организациях здравоохранения в Кыргызской Республике» // Министерство юстиции КР. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-1449/edition/2041/ru (дата обращения 20 августа 2026).

[51] Закон КР от 18 октября 1999 г. № 112 «О медицинском страховании граждан в Кыргызской Республике».

[52] Программа Правительства КР по охране здоровья населения и развитию системы здравоохранения на 2019–2030 гг. «Здоровый человек – процветающая страна» (в ред. от 26 декабря 2024 г. № 802) // Централизованный банк данных правовой информации КР. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/12976/edition/929710/ru (дата обращения 23 июля 2026).

охране здоровья граждан»[53], «О лекарственных средствах и фармацевтической деятельности»[54], «Об охране репродуктивного здоровья граждан» (2019 г.)[55], «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (2015 г.)[56] и др.

Система здравоохранения РУз находится сейчас в состоянии реформирования. Во-первых, страна отказывается от старого сметного финансирования больниц (когда деньги выделялись «за количество коек»). Теперь финансирование медицинских учреждений осуществляется через Фонд государственного медицинского страхования, разрабатывается и внедряется четкий гарантированный пакет медицинских услуг, который предоставляется гражданам бесплатно за счет государственного бюджета, а услуги, не входящие в этот пакет, оказываются на платной основе. Во-вторых, правительство РУз сделало ставку на развитие частного сектора в здравоохранении: частным клиникам предоставлены масштабные налоговые и таможенные льготы, частным медицинским структурам разрешено проведение практически всех видов медицинских вмешательств (включая сложные кардиохирургические и нейрохирургические операции). Активно развиваются механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП), когда частные инвесторы берут под управление государственные клиники или создают на их базе новые центры (например, в сфере гемодиализа). В-третьих, руководство страны поставило перед собой задачу провести цифровую трансформиацию отрасли. Внедряется единая информационная система здравоохранения, клиники переводятся на электронные медицинские карты и электронные рецепты, создана система цифровой маркировки лекарственных средств «Asl Belgisi», которая позволяет

---

[53] Закон РУз от 29 августа 1996 г. № 265-I «Об охране здоровья граждан» // Национальная база данных законодательства LexUz. URL: https://lex.uz/docs/41329 (дата обращения 20 августа 2026).

[54] Закон РУз от 4 января 2016 г. № ЗРУ-399 «О внесении изменений и дополнений в закон Республики Узбекистан “О лекарственных средствах и фармацевтической деятельности”» // Национальная база данных законодательства LexUz. URL: https://lex.uz/docs/2856466 (дата обращения 20 августа 2026).

[55] Закон РУз от 11 марта 2019 г. № ЗРУ-528 «Об охране репродуктивного здоровья граждан» // Национальная база данных законодательства LexUz. URL: https://lex.uz/ru/docs/4233888 (дата обращения 20 августа 2026).

[56] Закон РУз от 26 августа 2015 г. № ЗРУ-393 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Национальная база данных законодательства LexUz. URL: https://lex.uz/ru/docs/2732584?ONDATE=30.12.2025%2000 (дата обращения 20 августа 2026).

ISSN 2686-7648

отслеживать путь каждой упаковки от завода до аптеки для борьбы с контрафактом и т. д. В-четвертых, особое внимание уделяется медицине «шаговой доступности», особенно в сельской местности. Бывшие сельские врачебные пункты (СВП) и сельские семейные поликлиники (ССП) реорганизуются в пункты семейного врача и семейные поликлиники. Внедряется институт семейных врачей и их многопрофильных бригад (куда входят медсестры, акушерки и патронажные сестры)[57]. Еще одним предметом особого внимания государства становится сеть Республиканских специализированных научно-практических медицинских центров (по кардиологии, хирургии, онкологии, акушерству и гинекологии, педиатрии и др.), которые выполняют роль главных методологических и лечебных хабов, координирующих работу региональных больниц. Наконец, государство активно стимулирует внутреннее производство медикаментов. В частности, был создан инновационный научно-фармацевтический кластер Tashkent Pharma Park, который должен обеспечить внутренний рынок отечественными качественными лекарствами и снизить зависимость от импорта.

Оценить туркменскую систему здравоохранения довольно трудно из-за закрытости страны. Известно, что на сегодняшний день нормативно-правовая база здравоохранения Туркменистана опирается на Конституцию страны и включает такие основополагающие законы, как «Об охране здоровья граждан»[58], «О лекарственном обеспечении»[59], а также «О профилактике инфекционных заболеваний», «Об охране здоровья граждан от воздействия табачного дыма и последствий потребления табачных изделий», «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и др. Помимо профильных законов, в Туркмении действуют государственные программы и стратегии. Например, программа Президента Туркмении «Saglyk» («Здоровье») или Национальная стратегия на 2026–2030 гг. «Здоровая мать – здоровый ребенок – здоровое будущее», а также программы по борьбе с неинфекцион-

[57] Постановление Президента РУз от 19 мая 2025 г. № ПП-185 «О дополнительных мерах по реализации реформ в системе здравоохранения» // Национальная база данных законодательства LexUz. URL: https://lex.uz/docs/7538095 (дата обращения 23 июля 2026).

[58] Закон Туркменистана от 23 мая 2015 г. № 223-V «Об охране здоровья граждан» // Информационная система «Континент» URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=39773726 (дата обращения 20 августа 2026).

[59] Закон Туркменистана от 21 января 2016 г. № 319-V «О лекарственном обеспечении» // Турменистан. Золотой век. URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/25587/zakon-turkmenistana-
o-lekarstvennom-obespechenii (дата обращения 20 августа 2026).

ными заболеваниями, по повышению иммунитета населения, по превращению страны в свободную от табака[60] (Туркменистан имеет самое жесткое антитабачное законодательство в СНГ и ставит цель стать страной, полностью свободной от табакокурения).

Особенностью законодательства Туркменистана является жесткая централизация, сильный акцент на санитарный контроль, государственное лекарственное обеспечение и профилактическую медицину. В отличие от соседних стран (Кыргызстана и Узбекистана), внедряющих обязательное страхование (ОМС), в Туркменистане действует особая система Государственного добровольного медицинского страхования. Граждане, вносящие регулярные страховые взносы (обычно около 2–3% от дохода), получают право на 90% скидку на медицинские услуги в госклиниках и 50% скидку на приобретение лекарств. Уязвимые слои населения (пенсионеры, дети) получают субсидии и льготы от государства.

Частная медицина в Туркменистане развита слабо и представлена в основном небольшими стоматологическими кабинетами, диагностическими лабораториями или аптеками. Все крупные больницы, стационары, родильные дома и службы скорой помощи находятся строго в ведении Министерства здравоохранения и медицинской промышленности.

В 2022 г. страны Центральной Азии одобрили стратегический документ «Дорожная карта в поддержку здоровья и благополучия в Центральной Азии», разработанный при поддержке ВОЗ[61]. Он предусматривает совместное реагирование и мобилизацию ресурсов на кризисы в сфере здравоохранения, а также развитие приоритетов стран в этой области.

В том же 2022 г., при содействии Всемирного банка, в регионе начали внедрять «Рамочную программу действий на основе Концепции “Единое здоровье”»[62]. Были определены конкретные меры и дорожная карта для стимулирования инвестиций здравоохранение и смежные отрасли региона.

---

[60] История Туркменистана. Здравоохранение // Меджлис (Парламент) Туркменистана. URL: https://mejlis.gov.tm/turkmenistan/healthcare?lang=ru (дата обращения 23 июля 2026).

[61] Страны Центральной Азии одобрили региональную дорожную карту по охране здоровья и благополучия // Информационное агентство «Новости Центральной Азии». 2022. 14 сентября. URL: https://www.newscentralasia.net/2022/09/14/strany-tsentralnoy-azii-odobrili-regionalnuyu-dorozhnuyu-kartu-po-okhrane-zdorovya-i-blagopoluchiya/ (дата обращения 23 июля 2026).

[62] Почему «Единое здоровье» столь важно для Центральной Азии // Группа Всемирного банка. 2022. 11 ноября. URL: https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/why-one-health-approach-so-crucial-central-asia (дата обращения 23 июля 2026).

ISSN 2686-7648

Заключение

Историко-правовое исследование систем здравоохранения зарубежных стран – участников СНГ позволяет сформулировать следующие выводы.

Становление национальных систем здравоохранения на постсоветском пространстве происходило на общей правовой и организационной основе, сформированной в Российской империи и особенно развитой в советский период. «Модель Семашко», базировавшаяся на принципах государственного финансирования, централизации, бесплатности и профилактической направленности, стала отправной точкой для всех республик.

После распада СССР страны Содружества избрали различные пути реформирования здравоохранения, которые можно обозначить как консервативный (максимальное сохранение бюджетной «модели Семашко» с жесткой вертикалью управления и отказом от обязательного медицинского страхования, как это было сделано, например, в Беларуси или в значительной степени в Туркменистане); страховой (внедрение систем ОМС с разделением пакетов гарантированной и страховой помощи, активным привлечением частного сектора, как в Молдове, Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане); переходный (поэтапное реформирование, сочетающее более или менее серьезные элементы государственного финансирования с развитием платных услуг и софинансирования, как это реализуется в Армении, Узбекистане и Таджикистане). Законодательная архитектура в целом довольно единообразна и включает примерно одинаковые наборы законодательных актов.

Международно-правовые стандарты ООН и ВОЗ, прежде всего концепция всеобщего охвата услугами здравоохранения (ВОУЗ), сформировали универсальную нормативную архитектуру, к которой стремятся все страны СНГ. Однако имплементация этих стандартов сталкивается с объективными трудностями, связанными с ограниченностью ресурсов, локальными эпидемиологическими приоритетами и необходимостью сохранения национального суверенитета. Эффективность адаптации международных норм определяется институциональной способностью конкретных государств, в особенности же – их финансовыми возможностями.

Сотрудничество в рамках СНГ, деятельность Совета по сотрудничеству в области здравоохранения и Межпарламентской Ассамблеи сыграли стабилизирующую роль в сложный период 1990-х гг., предотвратив полную изоляцию национальных медицинских систем и санитарные катастрофы. Принятие модельных законов и гармонизация законодательства (более 70% документов МПА имплементированы в национальное право) объективно

способствуют сближению правовых подходов. Вместе с тем интеграционные механизмы неспособны фундаментально решить кадровые и финансовые проблемы, что требует систематических усилий на национальном уровне.

Все страны СНГ сталкиваются с типичными проблемами: дефицит медицинских кадров (особенно в сельской местности), высокие личные расходы населения на медицину, необходимость цифровой трансформации, износ инфраструктуры. Позитивной тенденцией является активное внедрение телемедицины и электронного здравоохранения (eHealth), а также разработка долгосрочных стратегий развития. Привлечение международных спонсоров приносит дополнительные ресурсы и технологии, однако порождает риски зависимости и несовпадения приоритетов и в случае институциональной слабости государства (как в молдавском случае) не является панацеей.

Литература

Абянова 2010 – *Абянова А.Н.* Формирование советской системы здравоохранения в 1917–1936 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010. 24 с.

Араловец 2014 – *Араловец Н.А.* Заболеваемость и смертность населения стран СНГ в конце XX века // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 7 (129). С. 223–231.

Астрюхина и др. 2017 – *Астрюхина И.И., Казанцева А.В., Скоромец Н.М.* Становление советской системы здравоохранения // От качества медицинского образования – к качеству медицинской помощи: Материалы VI Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 13 ноября 2017 г. Екатеринбург: Уральский гос. мед. ун-т, 2017. С. 48–55.

Бевеликова 2010 – *Бевеликова Н.М.* Правовое обеспечение реформ здравоохранения: опыт Китая, России, США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 5 (24). С. 75–84.

Галина 2021 – *Галина Г.Ф.* Становление национальной системы здравоохранения Республики Казахстан в 1990-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2021. 31 с.

Даулетханова 2022 – *Даулетханова А.А.* О состоянии и развитии законодательства об общественном здравоохранении Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 4 (71). С. 76–84. DOI: 10.52026/2788-5291_2022_71_4_76

Егорова 2011 – *Егорова Д.В.* Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в советском государстве (1917–1991 гг.) // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2011. 26 с.

ISSN 2686-7648

Ибрагимов и др. 2010 – *Ибрагимов Ф., Ибрагимова А., Кехлер Д., Ричардсон Э.* Азербайджан: Обзор системы здравоохранения // Системы здравоохранения: время перемен. 2010. Т. 12. № 3. С. 1–132.

Караваева 2004 – *Караваева Е.И.* Законодательство Российской Федерации о здравоохранении (история, современное состояние, тенденции развития) // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 24–28.

Печникова 2013 – *Печникова О.Г.* Правовая регламентация медицинской деятельности в России (первая половина XIX в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 161–168.

Пищита 2006 – *Пищита А.Н.* Исторический опыт, современное состояние и персйскаяпективы правового обеспечения в России // Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Рос. мед. академия последипломного образования, 2006. 402 с.

Пушкарева 2018 – *Пушкарева М.С.* Цели и задачи Всемирной Организации Здравоохранения: общие и конкретные // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2018. Т. 8. № 12. С. 635.

Рыбакова 2010 – *Рыбакова Е.О.* Организационно-правовые основы системы советского здравоохранения (1917–1936 гг.) // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская гос. юрид. академия им. О.Е. Кутафина, 2010. 26 с.

Стеценко 2002 – *Стеценко С.Г.* Право и медицина: проблемы соотношения. М.: Международный ун-т, 2002. 248 с.

References

Abyanova, A.N. (2010), The Formation of the Soviet healthcare system, 1917–1936, Abstract of Ph. D. dissertation, Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, Moscow, Russia.

Aralovets, N.A. (2014), "Population of the commonwealth of Independent States: sickness rate and mortality in the late 20th century", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science, History, International Relations, Area Studies, Oriental Studies" Series*, no. 7 (129), pp. 223–231.

Astryukhina, I.I., Kazantseva, A.V. and Skoromets, N.M. (2017), "The Formation of the Soviet healthcare system", in *Ot kachestva meditsinskogo obrazovaniya – k kachestvu meditsinskoi pomoshchi, Materialy 6 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ural'skii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 13 noyabrya 2017 g.* [From the quality of medical education to the quality of medical care: Proceedings of the 6th All-Russian scientific and practical conference, Ural state medical university, November 13, 2017], Ural'skii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, Yekaterinburg, Russia, pp. 48–55.

Bevelikova, N.M. (2010), "Legal support for healthcare reforms: The experience of China, Russia, and the USA", *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 5 (24), pp. 75–84.

Galina, G.F. (2021), *The Formation of the national healthcare system of the Republic of Kazakhstan in the 1990s,* Abstract of Ph. D. dissertation, Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet, Kazan, Russia.

Dauletkhanova, A.A. (2022), "On the state and development of legislation on public health of the Republic of Kazakhstan", *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal iInformation of the Republic of Kazakhstan,* no. 4 (71), pp. 76–84, DOI: 10.52026/2788-5291_2022_71_4_76

Egorova, D.V. (2011), *Legal policy in the sphere of healthcare and the legal protection of public health in the Soviet State (1917–1991),* Abstract of Ph. D. dissertation, Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva, Saratov, Russia.

Ibragimov, F., Ibragimova, A., Kehler, J. and Richardson E. (2010), "Azerbaijan: Health system review", *Sistemy zdravookhraneniya: vremya peremen* [Health Systems in Transition], vol. 12, no. 3, pp. 1–132.

Karavaeva, Ye.I. (2004), "Healthcare legislation of the Russian Federation (history, current state, and development trends)", *Siberian Legal Bulletin*, no. 2, pp. 24–28.

Pechnikova, O.G. (2013), "Legal regulation of medical activities in Russia (the first half of the 19th century)", *Bulletin of Udmurt University, "Economics and Law" Series*, no. 4, pp. 161–168.

Pishchita, A.N. (2006), *Historical experience, current state, and prospects of legal support in Russia*, Abstract of D. Sc. dissertation, Ros. med. akademiya poslediplomnogo obrazovaniya, Moscow, Russia.

Pushkareva, M.S. (2018), "Goals and objectives of the World Health Organization: general and specific", *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii* [Bulletin of medical internet conferences], vol. 8, no. 12, p. 635.

Rybakova, E.O. (2010), *Organizational and legal foundations of the Soviet healthcare system (1917–1936),* Abstract of Ph. D. dissertation, Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya im. O.E. Kutafina, Moscow, Russia.

Stetsenko, S.G. (2002), *Pravo i meditsina: problemy sootnosheniya* [Law and medicine: Issues of the relationship between them], Mezhdunarodnyi universitet, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Марина В. Шаруева, кандидат юридических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; sharuevamarina@gmail.ru

Information about the author

Marina V. Sharueva, Cand. of Sci. (Law), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sharuevamarina@gmail.ru

ISSN 2686-7648

Научный журнал

Вестник РГГУ

Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»

№ 5

2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.К. Юрьев

Компьютерная верстка
М.А. Жарова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 05.11.2026
Выход в свет 12.11.2026
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 9,3 Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2447

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru